МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В.Ломоносова

ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ
Кафедра сравнительной политологии

На правах рукописи

Филяева Алина Игоревна

Институты урегулирования межэтнических конфликтов в странах Европейского союза: сравнительный анализ

Специальность 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
Доктор политических наук, доцент
Демчук Артур Леонович

Москва – 2023

Оглавление

Введение 4

Глава 1 Теоретико-методологические основы изучения межэтнических конфликтов и способов их урегулирования 16

1.1. Концептуальные подходы к определению сущности и причин возникновения межэтнических конфликтов 16

1.1.1. Примордиализм 16

1.1.2. Инструментализм 19

1.1.3. Конструктивизм 20

1.2. Теории институционального урегулирования межэтнических конфликтов 27

1.2.1. «Классический» консоциативный подход: фундаментальные основы анализа исторических кейсов и их критика 30

1.2.2. «Классический» интегративный подход: альтернатива консоциации ... 35

1.2.3. Консоциативный и интегративный подходы: развитие в современных исследованиях 38

1.2.4. Делиберативная демократия: гибридная форма институционального урегулирования конфликтов 42

1.2.5. Составной подход: классификация стратегий институционального урегулирования межэтнических конфликтов 48

Глава 2 Межэтнические конфликты в странах Европейского союза 64

2.1. Этнотерриториальные конфликты 67

2.1.1. Ирредентизм: вопрос о государственных границах 68

2.1.2. Вопрос о пределах полномочий региональных институтов власти: от автономии до сецессии 79

2.2. Нетерриториальные межэтнические конфликты 108

2.2.1. Нетерриториальные межэтнические конфликты с участием представителей новообразованных иммигрантских сообществ 110

2.2.2. Долговременные нетерриториальные межэтнические конфликты с иммигрантскими сообществами 123

Глава 3 Модели институционального урегулирования межэтнических конфликтов в странах Европейского союза 133

3.1. Урегулирование территориальных межэтнических конфликтов..... 135

3.1.1. Альтернативы ирредентизму как средству урегулирования территориальных межэтнических конфликтов 135

3.1.2. Автономия вместо сецессии как средство урегулирования территориальных межэтнических конфликтов 142

3.2. Урегулирование нетерриториальных межэтнических конфликтов.... 154

3.2.1. Адаптация и интеграция как стратегии институционального урегулирования нетерриториальных межэтнических конфликтов с участием новообразованных иммигрантских сообществ 154

3.2.2. Институциональное урегулирование долговременных нетерриториальных межэтнических конфликтов: выбор между стратегиями признания и исключения 171

Заключение 181

Библиография 189

Список иллюстративного материала..... 216

Приложения..... 217

Введение

Актуальность темы исследования

Особое место среди современных политических акторов занимают группы, организованные по этническому признаку. По высказыванию А. Лейпхарта, представители одних этнических групп часто склонны по тем или иным причинам «питать отрицательные или враждебные чувства в отношении представителей других этнических групп»[1]. В результате между такими группами возникают конфликты, называемые межэтническими. Подобные конфликты являются серьезной угрозой благополучию как современного мира в целом, так и отдельных государств, что при полиэтничности современных государств делает актуальным вопрос о том, как предотвратить появление и эскалацию межэтнических конфликтов в таких «многосоставных» обществах, разделенных различиями религиозного, культурного, языкового, идеологического, этнического характера[2].

Долгосрочное урегулирование (в частности, предотвращение и разрешение) межэтнических конфликтов предполагает необходимость создания эффективных политических институтов. Различающиеся последствия установления отличающихся друг от друга политических институтов в разных государствах мира, возобновление или эскалация конфликтов, их разрешение или предотвращение появления новых конфликтов, свидетельствуют о необходимости изучения случаев институционального урегулирования межэтнических конфликтов. Одним из наиболее интересных объектов для анализа являются межэтнические конфликты в странах Европейского союза, разрешаемые с помощью набора институтов урегулирования межэтнических конфликтов разных уровней – национального, межгосударственного, наднационального, трансграничного.

---

[1] Цит. по Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме / Пер. с англ. Д.О. Румянцева. – М.: Кучково поле, 2014. – 288 с.
[2] Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Political science (RU). 2016. № 1. С. 15-33.

Актуальность данного анализа обеспечивается и неразрешенностью ряда связанных с ним теоретико-методологических проблем. Основные подходы к институциональному урегулированию межэтнических конфликтов, консоциативный, интегративный, делиберативный, сконцентрированы на функционировании национальных институтов, действующих на территории определенного государства и установленных именно им. С. Вульф, представитель комплексного (составного) подхода к урегулированию межэтнических конфликтов, предлагая комбинировать институты консоциативной и интегративной моделей в зависимости от условий конфликта, включает в ряд таких условий позиции внешних по отношению к рассматриваемому государству акторов (других государств, представителей наднациональных организаций). Однако, и у С. Вульфа наибольшее внимание уделяется именно национальным институтам государства, на территории которого происходит межэтнический конфликт. Тем не менее, в современном ЕС значительную роль в разрешении межэтнического конфликта играют институты и других уровней. Поэтому актуальность данного исследования связана с необходимостью комплексного анализа институционального урегулирования межэтнических конфликтов в странах ЕС, охватывающего не только национальные, но и наднациональные, межгосударственные и трансграничные институты.

Степень научной разработанности темы исследования

Существует большое число исследований, посвященных анализу межэтнических конфликтов в целом. Примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский подходы к трактовке сущности этнической идентичности, межэтнических конфликтов и причин их возникновения изучаются в работах Э. Геллнера[3], К. Гирца[4], В.А. Тишкова[5], В.А. Ачкасова[6], К. Чандра[7], Б. Андерсона[8],

---

[3] Gellner E. Nation and Nationalism. Cornell University Press, 2008. 152 p.
[4] Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973. 470 p.
[5] Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
[6] Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 2. С. 41-61.
[7] Chandra K. Why Ethnic Parties Succeed. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. 337 p.
[8] Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. Verso, 1991. 224 p.

Дж. Эдкинс[9], А.И. Тэвдой-Бурмули[10], В.Ю. Зорина[11], В.В. Степанова[12], В.С. Малахова[13], диссертациях Б. Благожевиц[14] и Х. Коффа[15]. Характеристике европейского сепаратизма посвящены работы К.К. Коннолли[16], П. Ченэя[17], Ф. Реквэйо и К.-Ю. Нейджела[18]. Взаимосвязь деятельности европейских сепаратистских движений и межгосударственных отношений в ЕС анализируют Б. Коггинс[19], Р. Фламини[20], Д.Х. Дойль[21]. Проблематика многоуровневой идентичности ЕС изучается в работах Дж. Вейлера[22], Н. Криша[23], В. Мамаду и Х. Ван дер Вустена[24]. Политическую активность внутригосударственных регионов ЕС рассматривают О.Р. Болотникова[25], Е.Ф. Троицкий[26], А.В. Вовенда и В.А. Плотников[27], Г. Маркс и Л. Хуг[28], особенности наднациональных институтов ЕС –

---

[9] Edkins J. Poststructuralism and international relations: bringing the political back in. London: Lynne Rienner Publichers, 1999. 164 p.

[10] Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика Европейского союза. М: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 224 с.

[11] Гражданские инициативы в сфере этнической политики. Возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования этнических конфликтов (ред. Зорин В.Ю., Степанов В.В.). М.: ИЭА РАН, 2013. 215 с.

[12] Там же.

[13] Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. Москва: Книжный дом «Университет». 2005. 320 с.

[14] Blagojevic B. Ethnic conflict and post-conflict development: Peacebuilding in ethnically divided societies. PhD dissertation. Newark, 2004. 218 p.

[15] Koff H. Fortress Europe or a Europe of fortresses? The integration of non-European Union immigrants in Western Europe. PhD dissertation. Durham, 2002. 498 p.

[16] Connolly C.K. Independence in Europe: secession, sovereignty, and the European Union // Duke Journal of Comparative & International Law. 2013. Vol. 24. P. 51-105.

[17] Chaney P. Instrumental Europeans? Minority Nationalist Parties' Discourse on the European Union: The Case of UK Meso-Elections 1998–2011 // Perspectives on European Politics and Society. 2014. Vol. 15. № 4. P. 464-482.

[18] Requejo F., Nagel K.-J. Democracy and Borders: External and Internal Secession in the EU (Euborders Working Paper 14). 2017. 23 p.

[19] Coggins B. Friends in high places: international politics and the emergence of states from secessionism // International Organisation. 2011. Vol. 65. № 3. P. 433-467.

[20] Flamini R. European disunion: Cameron, the EU, and the Scots // World Affairs. 2014. Vol. 177. № 3. P. 8-15.

[21] Secession as an international phenomenon: from America's Civil War to contemporary separatist movements / Ed. D.H. Doyle. Georgia: University of Georgia Press, 2010. 408 p.

[22] Weiler J. Catalonian Independence and the European Union // EJIL: Talk! 20.12.2012. URL: https://www.ejiltalk.org/catalonias-indepence-a-reply-to-joseph-weiler/ (accessed: 06.04.2023).

[23] Krisch N. Catalonia's independence: a reply to Joseph Weiler // EJIL: Talk! 18.01.2013. URL: https://www.ejiltalk.org/catalonias-indepence-a-reply-to-joseph-weiler/ (accessed: 06.04.2023).

[24] Mamadouh V., van der Wusten H. The European level in EU governance: territory, authority and trans-scalar networks // GeoJournal. 2008. Vol. 72. № 1/2. P. 19-31.

[25] Болотникова О.Р. Проблемы урегулирования этнополитических сепаратистских конфликтов в XXI веке: автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.04. М., 2012. 31 с.

[26] Троицкий Е.Ф. Представительство федеративных государств в Совете ЕС: роль регионов // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 410. С. 159-163.

[27] Вовенда А.В., Плотников В.А. Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции в современных условиях // Балтийский регион. 2011. № 4. С. 60-68.

[28] Hooghe L., Marks G. «Europe with the regions»: Channels of regional representation in the European Union // Publius. 1996. Vol. 26. № 1. P. 73-91.

Н. Вудс[29], К.Р. МакНамара[30], М. Китинг[31], специфику межгосударственных взаимоотношений по вопросам этнонациональной проблематики – Б. Коггинс[32], Р. Фламини[33], Д.Х. Дойль[34].

Кроме того, существует большое число работ, посвященных анализу особенностей моделей институционального дизайна в целом в рамках консоциативного и интегративного подходов, а также применению их на практике в разных странах мира. Так, теоретические аспекты консоционализма и особенности его применения на практике рассматриваются в работе Х.М. Биннингсбо[35], статьях Б. Барри[36], П. Диксона[37]. Интеграционистская теория рассматривается в статье С.Г. Симонсена[38], сборнике статей под редакцией Й. О'Флинна и Д. Рассела[39]. Оба указанных подхода рассматриваются в работах А. Маккуллох[40], Дж. Макгэрри[41], Л. Де Брие[42].

Меньшее число исследований посвящены особенностям делиберативного подхода к институциональному урегулированию межэтнических конфликтов.

---

[29] Woods N. The European disunion // Foreign affairs. January/February 2016. P. 160-165.
[30] McNamara K.R. The Politics of Everyday Europe: Constructing Authority in the European Union. Oxford University Press, 2015. 224 p.
[31] Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6(40). С. 67-116.
[32] Coggins B. Friends in high places: international politics and the emergence of states from secessionism // International Organisation. 2011. Vol. 65. № 3. P. 433-467.
[33] Flamini R. European disunion: Cameron, the EU, and the Scots // World Affairs. 2014. Vol. 177. № 3. P. 8-15.
[34] Secession as an international phenomenon: from America's Civil War to contemporary separatist movements / Ed. D.H. Doyle. Georgia: University of Georgia Press, 2010. 408 p.
[35] Binningdbø H.M. Power sharing, peace and democracy: any obvious relationships? // International Area Studies Review. 2013. Vol. 16. № 1. P. 89-112.
[36] Barry B. Accommodation and consociational democracy // British Journal of Political Science. 1975. Vol. 5. № 4. P. 477-505.
[37] Dixon P. Is consociational theory the answer to global conflict? From Netherlands to Ireland and Iraq // Politial studies review. 2011. Vol. 9. P. 309-322.
[38] Simonsen S.G. Addressing ethnic divisions in post-conflict institution-building: lessons from recent cases // Security dialogue. 2005. Vol. 36. № 1. P. 297-318.
[39] Power sharing: new challenges for divided societies / Eds. I. O'Flynn, D. Russell. London: Pluto Press, 2005. 240 p.
[40] McCulloch A. Seeking stability amid deep division: consociationalism and centripetalism in comparative perspective. PhD thesis. Ontario: Queen's University Kingston, 2009. 277 p.
[41] McGarry J. Centripetalism, consociationalism and Cyprus: the "adoptability" question // Political studies. 2017. Vol. 65. № 2. P. 512-529.
[42] De Briey L. Centripetalism in Consociational Democracy: The Multiple Proportional Vote. URL: http://www.paviagroup.be/documents/deBriey.06.Centripetalism.pdf (accessed: 05.04.2023).

Данная тема рассмотрена в работах А.Дж. Теббла[43], Й. О'Флинна[44]. Еще реже в современной литературе рассматривается комплексный подход С. Вульфа[45].

Источниковая база исследования включает:

- монографии, диссертации и статьи, в которых представлены подходы к институциональному урегулированию межэтнических конфликтов или проанализированы случаи реализации мер, предлагаемых в рамках этих подходов;
- международные договоры, официальные документы иностранных государств и организаций, а также международных организаций;
- публикации СМИ.

Объект исследования – межэтнические конфликты в странах Европейского союза.

Предмет исследования – модели институционального урегулирования межэтнических конфликтов, использующиеся в странах Европейского союза.

Целью исследования является выявление особенностей функционирования институтов урегулирования межэтнических конфликтов в странах Европейского союза.

Задачи исследования:

- выявить особенности основных концептуальных подходов к определению сущности и причин возникновения межэтнических конфликтов (примордиализма, инструментализма и конструктивизма);
- определить, каким образом комплексный (составной) подход к институциональному урегулированию межэтнических конфликтов может скорректировать классические консоциативный и интегративный подходы, современные консоциативный и интегративный подходы, а также делиберативный подход;

---

[43] Tebble A.J. What is the politics of difference? // Political theory. 2002. Vol. 30. № 2. P. 259-281.
[44] O'Flynn I. Divided Societies and Deliberative democracy // British journal of Political Science. 2007. Vol. 37. № 4. P. 731-751.
[45] Funk-Unrau N. Review of Ethnic Conflict: A Global Perspective, by S. Wolff // Peace Research. 2007. Vol. 39. № 1/2. P. 152-153; Eller J.D. Review of Ethnic Conflict: Causes, Consequences, and Responses, by K. Cordell & S. Wolf // Journal of Peace Research. 2011. № 48(1). P. 129-129.

- определить основные факторы урегулирования современных этнотерриториальных конфликтов в странах Европейского союза;
- определить основные факторы урегулирования современных нетерриториальных межэтнических конфликтов в странах Европейского союза;
- выявить особенности эффективных моделей институционального урегулирования территориальных межэтнических конфликтов в странах Европейского союза;
- выявить особенности эффективных моделей институционального урегулирования нетерриториальных межэтнических конфликтов в странах Европейского союза.

Теоретическая основа исследования

В исследовании используются инструменталистский и конструктивистский подходы к понятию «этничность», а также модель факторов, влияющих на ход межэтнических конфликтов, созданная С. Вульфом. В основном мы оперируем понятием интереса политического актора как стремления к безопасности, что предполагает использование реалистской парадигмы теории международных отношений. При этом мы признаем возможность наличия у различных политических движений, претендующих на представительство интересов определенной политической группы, разных трактовок состояния безопасности.

Также следует отметить, что в данной работе мы в большей степени опираемся на литературу зарубежных авторов (А. Лейпхарт, Б. О'Лири, Дж. Макгэри, Д. Горовиц, Б. Рейлли, Э. Рейнольдс, Д. Бранкати), чем российских (В.С. Малахов, В.А. Ачкасов, А.В. Баранов, А.И. Тэвдой- Бурмули, Е.Ф. Троицкий, А.В. Вовенда и В.А. Плотников). Большинство значимых работ российских ученых, посвященных проблемам институционального урегулирования межэтнических конфликтов, исследуют примеры межэтнических конфликтов на территории бывшего Советского Союза и бывшей Югославии, а также примеры Ирака, Афганистана и Ливана.

Методологическая основа исследования

В исследовании используются следующие методы: исторический метод, сравнительный анализ, системный метод, моделирование. Метод сравнительного анализа и исторический метод позволили в ходе анализа динамики межэтнических конфликтов и соответствующего изменения национальных, межгосударственных, наднациональных и трансграничных институтов выявить различия между существующими видами межэтнических конфликтов и стратегиями их урегулирования. Системный метод и моделирование позволили систематизировать результаты проведенного анализа, сформировав модели действий институтов урегулирования межэтнических конфликтов разных видов в зависимости от динамики развития межэтнических конфликтов.

Хронологические рамки исследования

В наибольшей степени интересующие нас процессы и явления характеризуются историей периода с 1951 года, когда было создано Европейское объединение угля и стали (ЕОУС), что можно рассматривать как начало современного этапа региональной интеграции в Европе[46], повлиявшей на формирование национальных, наднациональных, межгосударственных и трансграничных институтов урегулирования межэтнических конфликтов в государствах-членах современного ЕС, до начала 2020-х годов. Выявление предпосылок современных межэтнических конфликтов потребовало упоминания ряда событий более раннего периода истории рассматриваемых в работе регионов.

Научная новизна исследования

Научная новизна данной работы состоит в том, что формулируются четыре модели институционального урегулирования межэтнических конфликтов в зависимости от вида межэтнического конфликта, определяющегося территориальным/нетерриториальным характером конфликта, целью участников территориального конфликта – ирредентизмом или сецессией/автономией и продолжительностью нетерриториального конфликта – «старый» или «новый»

[46] Байков А.А. Экономическая интеграция как мирополитическое явление. Очерк теории и методологии сравнительной оценки // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 4. С. 41-42.

конфликт. Соответственно, характеризуются модель системы институтов урегулирования территориальных межэтнических конфликтов (ирредентизм) в странах Европейского союза; модель системы институтов урегулирования территориальных межэтнических конфликтов (сецессия/автономия) в странах Европейского союза; модель системы институтов урегулирования нетерриториальных межэтнических конфликтов («новые» иммигранты) в странах Европейского союза; модель системы институтов урегулирования нетерриториальных межэтнических конфликтов («старые» иммигранты) в странах Европейского союза. Каждая модель демонстрирует систему институтов разных уровней (национального, межгосударственного, наднационального, трансграничного), значимость влияния которых меняется (возрастает или снижается) в зависимости от вида межэтнического конфликта, который они урегулируют.

Теоретическая значимость исследования

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что выделенные модели систем институтов урегулирования межэтнических конфликтов в странах Европейского союза могут быть использованы в дальнейшем сравнительном изучении институтов урегулирования межэтнических конфликтов с точки зрения комплексного (составного) подхода.

Практическая значимость исследования

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты и выводы могут быть использованы в работе органов государственной власти Российской Федерации, ответственных за формулирование позиции России в отношении характерной для современного международного права дилеммы поддержки государственного суверенитета и права наций на самоопределение, а также в преподавании дисциплин, соответствующих проблематике данной работы.

Положения, выносимые на защиту

1. В 1990 – 2000-х годах с углублением процессов интеграции в ЕС произошло расширение числа факторов, влияющих на урегулирование

межэтнических конфликтов в странах Европейского союза, обусловленное активностью на территории ЕС акторов не только национального, но и межгосударственного, наднационального и трансграничного уровней.

2. Действенность институтов урегулирования межэтнических конфликтов зависит от соответствия данных институтов факторам урегулирования соответствующего конфликта, варьирующимися в зависимости от вида межэтнического конфликта. Важными факторами, специфическими для урегулирования территориальных межэтнических конфликтов, следует считать готовность к диалогу и компромиссам легитимных лидеров обеих сторон межэтнического конфликта и позицию «родственного» государства, других стран-членов ЕС и представителей наднациональных институтов Европейского союза, а также возможность устранения экономических и политических предпосылок межэтнических конфликтов. Факторами, значимыми для урегулирования нетерриториальных межэтнических конфликтов, являются уровень взаимной терпимости, культурные различия этнических групп, а также позиции лидеров государства, где разворачивается межэтнический конфликт, и «сочувствующих» внешних акторов. Значимыми факторами урегулирования межэтнических конфликтов как территориальных, так и нетерриториальных можно назвать общность целей движений, представляющих интересы активно участвующих в конфликте этнических групп, историю конкретного межэтнического конфликта, а также совместимость политических институтов национального, межгосударственного, наднационального и трансграничного уровней друг с другом и соответствие этих институтов другим факторам конфликта.

3. Роль политических институтов определенного уровня (национального, межгосударственного, наднационального, трансграничного) будет разной в зависимости от вида межэтнического конфликта, поскольку различаются предпосылки конфликта и степень вовлеченности в него разных политических акторов и, соответственно, факторы урегулирования межэтнического конфликта. Можно выделить четыре модели институционального урегулирования

межэтнических конфликтов. (1) Для урегулирования «ирредентистских» конфликтов значимы социокультурные предпосылки, статус территорий, затронутых соответствующим конфликтом. Следовательно, необходима гармоничная комбинация институтов всех четырех видов, причем создание национальных и трансграничных институтов урегулирования межэтнических ирредентистских конфликтов в ЕС предваряется последовательным установлением институтов наднационального и межгосударственного уровней. (2) Активность участников территориального этнического конфликта «сецессионистского» или «автономистского» вида связана прежде всего с экономическими и политическими предпосылками. Для урегулирования межэтнического конфликта данного типа в первую очередь актуальны национальные и наднациональные институты урегулирования межэтнических конфликтов, затем межгосударственные и в последнюю очередь трансграничные. (3) Для нетерриториального межэтнического конфликта с участием новообразованных иммигрантских сообществ, еще тесно связанных с «родственным» (или «сочувствующим») государством, важны этнокультурные и правовые предпосылки межэтнического конфликта. Соответственно, в данном случае значимы в первую очередь межгосударственные и национальные, и в меньшей степени наднациональные политические институты урегулирования межэтнических конфликтов. (4) Конфликты с участием национальных меньшинств, сформированных в результате длительных интеграционных процессов, обусловлены не только правовыми и этнокультурными, но и историко-политическими предпосылками, и урегулируются сначала национальными, а затем наднациональными и трансграничными институтами, что делает совместимость институтов этих уровней наиболее значимой при урегулировании конфликтов данного вида.

4. Современные политические институты на территории Европейского союза формируют связную систему, от степени гармоничности которой зависят перспективы урегулирования межэтнических конфликтов, что делает значимым рассмотрение проблемы урегулирования межэтнических конфликтов как вопроса

внутренней и внешней политики, а также обуславливает необходимость выстраивания моделей урегулирования межэтнических конфликтов с учетом не только национальных, но и межгосударственных, наднациональных и трансграничных институтов.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности

Диссертация соответствует следующим направлениям исследований, указанным в паспорте научной специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования:

2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин.

3. Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный мировой политический процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики.

8. Международные кризисы и конфликты. Этнический и религиозный факторы в международных отношениях. Миротворческая деятельность.

15. Демографические и миграционные процессы в международных отношениях и мировой политике.

16. Международные связи субнациональных субъектов.

Достоверность полученных результатов исследования

Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается благодаря использованию соответствующих объекту, предмету, цели и задачам исследования методов, опоре на верифицируемые источники информации.

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертации и полученные научные результаты содержатся в 8 работах, в том числе: статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени

М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук – 4[47]; публикации в иных изданиях – 4[48]. Общий объем опубликованных по диссертации научных трудов составляет 3,25 печатных листа. Проблемы, рассматриваемые в диссертации, освещены в ряде выступлений на конференциях и научных семинарах[49] и опубликованных тезисах данных выступлений[50].

---

[47] Филяева А.И. Информационные войны в этнических конфликтах: Шотландия накануне референдума о независимости 18 сентября 2014 года // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С. 371-375.; Филяева А.И. Современные теории демократии об урегулировании межэтнических конфликтов: делиберативный подход // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 5. С. 112-119.; Филяева А.И. Консоциативный и интегративный подходы к урегулированию межэтнических конфликтов: развитие в исследованиях 1990-х−2010-х годов // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 6. – С. 323-328.; Филяева А.И. Институциональное урегулирование нетерриториальных межэтнических конфликтов: стратегии адаптации и интеграции // Вестник Московского государственного областного университета. – 2023. – № 2. URL: https://old.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/1184 (дата обращения: 09.06.2023).

[48] Филяева А.И. Пропорциональная избирательная система как один из институтов урегулирования этнических конфликтов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 177-183.; Филяева А.И. Каталонский кризис сквозь призму Стэндфордской модели кризиса политического развития // Русская политология. 2019. № 3(12). С. 23-35; Филяева А.И. Институциональное урегулирование этнических конфликтов: идея комбинирования консоциативного и интегративного подходов у С. Вульфа / SCHOLA-2019: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 142-145; Филяева А.И. Использование образа «Другого» в международной политике: интервенция философии постструктурализма в дисциплину «Международные отношения» // Векторы развития современной России. Границы дают отпор: демаркация практик, пространств и языков описания. Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции молодых ученых 20 – 22 апреля 2017 года / под общ. ред. М.Г. Пугачевой. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 52-61.

[49] Доклад «Легитимация урегулирования межэтнических конфликтов в Испании: кейс Каталонии» на научном семинаре «Легитимность и сила в международных отношениях и внутренней политике», Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Ф-т политологии, Россия, 25 мая 2020 года; доклад «Влияние пандемии на урегулирование межэтнических конфликтов в Европейском Союзе» на вебинаре «Внешняя политика и состоятельность государств в условиях коронавирусной пандемии», Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Ф-т политологии, Россия, 28 апреля 2020; доклад «Теоретические подходы к институциональному урегулированию межэтнических конфликтов в англо-американской политической философии» на 7-й ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска-2018», МГУ имени М.В. Ломоносова, философский факультет, Россия, 3-8 декабря 2018.

[50] Филяева А.И. Случай Второй Австрийской Республики в дискуссии об эффективности консоциативной модели урегулирования межэтнических конфликтов // Новые государства в XX веке. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Двенадцатой Международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2022» [отв. редактор А.К. Сорокин]. – М.: Политическая энциклопедия, 2022. – С. 199-201; Филяева А.И. «Языковые войны» в Бельгии // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Девятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2019» / [отв. редактор А.К. Сорокин]. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 427-431; Филяева А.И. Почему Шотландия решила остаться в составе Великобритании? Причины поражения сепаратизма на референдуме о независимости Шотландии 18 сентября 2014 года // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Пятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2015». – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – С. 414-417.

Глава 1 Теоретико-методологические основы изучения межэтнических конфликтов и способов их урегулирования

1.1. Концептуальные подходы к определению сущности и причин возникновения межэтнических конфликтов

Следует отметить, что в настоящее время конфликты между различными группами часто маркируются как межэтнические, но общепринятого определения понятия таких конфликтов не существует, как не существует и консенсуса относительно сущности этнической идентичности. Различия между существующими трактовками демонстрирует классификация, выделяющая три «классических» подхода, наиболее часто обсуждаемые в современной научной литературе: примордиализм, институционализм и конструктивизм[51].

1.1.1. Примордиализм

Примордиалистский подход рассматривает этничность как врожденное качество человека, исконную характеристику человеческого бытия, существующую от рождения до смерти и передающуюся от поколения к

[51] Резникова К.В. Этничность как категория социального познания // Социодинамика. 2015. № 1. С. 101-111.

поколению[52]. Предзаданность этнической идентичности не позволяет человеку по своей воле сменить группу, которой он принадлежит.

Существующие научные работы позволяют выявить три основные разновидности примордиализма: националистический, биологический/социобиологический, и культурный/символический.

Националистический примордиализм, характеризуя предзаданную этническую группу, фокусируется на внешних признаках идентичности. Границы проживания людей, обладающих ими, совпадают с границами нации, которые необходимо защищать от носителей другой идентичности[53]. В настоящее время данный подход является относительно маргинальным, уступая социобиологическому.

Социобиологический примордиализм рассматривает формирование этнической группы как результат реализации потребностей людей в защите и эмоциональной связи, предоставляемых родственной группой, которая, расширяясь, приобретает, помимо общих внешних признаков, такие маркеры биологической близости, как язык, религия, и др[54]. При этом отмечается, что, хотя изначальным источником групповой солидарности считаются кровные связи[55], со временем «чувство генетической общности затухает»[56], и вышеупомянутые культурные символы приобретают более значимую роль, не только позволяя отличить «своих» от «Других», но и поддерживая единство этнической группы. Это сближает социобиологический примордиализм с культурным.

Культурный примордиализм рассматривает этнические группы как результат формирования привязанности к культурным аспектам социального существования (««cultural givens» of social existence»)[57]. Социокультурные

---

[52] Гончикдоржиева О.Ж. Теоретические подходы к исследованию этносоциальных процессов // Вестник БГУ. 2010. № 6. С. 181-184.
[53] Stithorn Thananithichot. Understanding Thai Nationalism and Ethnic Identity // Journal of Asian and African Studies. 2011. 46 (3). P. 251.
[54] Stithorn Thananithichot. Understanding Thai Nationalism and Ethnic Identity // Journal of Asian and African Studies. 2011. 46 (3). P. 252.
[55] Van den Berghe PL. Ethnies and nations: Genealogy indeed // When is the Nation? Towards an Understanding of Theories of Nationalism. London: Routledge. 2005. P. 113-118.
[56] Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика Европейского союза. М: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 13.
[57] Smith A.D. Nationalism: Theory, Ideology, History, Concepts. Cambridge: Polity Press. 2001. 192 p.

традиции, в которых воспитывается человек, определяют его идентичность. Данный подход позволяет исследовать группы, в первую очередь связанные не генетикой, но религией, языком и пр. Тем не менее, культурный примордиализм, апеллирующий к *вере* людей в изначальность их объединенных *символами* этнических сообществ, критикуется за непоследовательность: в силу особенностей данной разновидности примордиализма этническая принадлежность становится делом случая, и возникает вопрос о том, как будет формироваться идентичность человека, если социокультурные традиции, практикуемые его окружением, будут меняться на протяжении процесса его социализации[58].

Названные течения объединяет уверенность сторонников примордиализма в том, что связи между членами этнической группы, объединяя представителей одного этноса, неизбежно отделяют их от людей других этносов, подчеркивая значимость различий расового, религиозного, языкового или территориального характера[59]. Соответственно, возникновение межэтнического конфликта объясняется «древней враждой» между этническими группами[60].

Преимуществом примордиализма как теории, позволяющей анализировать межэтнические конфликты и создавать стратегии их урегулирования, можно назвать рассмотрение эмоциональных аспектов взаимоотношений этнических групп и соответствующее объяснение высокой степени интенсивности некоторых конфликтов[61] (например, в Руанде, Югославии, Конго). Однако, данная теория не объясняет низкий уровень конфликтности в некоторых этнически неоднородных государствах, а также случаи эпизодического повышения роли этнической идентичности в политической жизни отдельных государств[62]. Кроме того, рассматривая межэтнический конфликт как нечто неизбежное, исследователи-

---

[58] Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика Европейского союза. М: Издательство «Аспект Пресс», 2018. С. 13.
[59] Geertz C. The Interpretation of Cultures. New York: Basic Books, 1973. P. 250.
[60] Weir N. Primordialism, Constructivism, Instrumentalism in Rwanda // Academia. 2012. URL: http://www.academia.edu/1526597/Primordialism_Constructivism_Instrumentalism_and_Rwanda (accessed: 14.05.2021).
[61] Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994. 234 p.
[62] Dodeye Uduak Williams. How Useful are the Main Existing Theories of Ethnic Conflict? // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. 2015. Vol. 4. № 1. P. 148.

примордиалисты уделяют мало внимания мирному урегулированию таких конфликтов. Аспекты, не охватываемые примордиализмом, исследуют авторы, представляющие инструменталистский подход к пониманию этничности.

1.1.2. Инструментализм

Инструменталистский подход рассматривает феномен этничности не как нечто предзаданное, а как своеобразную реакцию группы людей на определенные ситуации, в которых такая группа оказывается. Этничность при таком подходе — это своеобразный источник ресурсов, к которому люди обращаются, когда других источников оказывается недостаточно для достижения поставленной цели[63]. Она конструируется элитами, обладающими своими собственными политическими и личными интересами и целями. Сама по себе этничность в этом случае не обладает ценностью, являясь лишь способом быстрой мобилизации населения и рекрутирования сторонников той или иной партией. Индивид, согласно инструментализму, может относительно легко изменить свою этничность ради достижения определенной цели.

Такая теория объясняет ситуативность повышения роли этнической идентичности в случае, когда элиты стремятся к получению определенных прав или привилегий, и снижения этой роли, когда цель достигнута (подобные тенденции, например, свойственны баскским сепаратистским движениям). На более высоком уровне такие процессы, по Э. Геллнеру, свойственны национальным элитам, которые поддерживают националистические чувства и символы (язык, историю, традиции) ради интеграции граждан в единое сплоченное общество, укрепления государственных границ и обеспечения легитимности[64]. Межэтнический конфликт в данном случае рассматривается как результат рациональных действий политических акторов, стремящихся к увеличению благосостояния, власти или безопасности и в силу этого

---

[63] Гончикдоржиева О.Ж. Теоретические подходы к исследованию этносоциальных процессов // Вестник БГУ. — 2010. — № 6. — С. 181–184.
[64] Gellner E. Nation and Nationalism. Cornell University Press, 2008. 152 p.

поощряющих межэтническую рознь[65]. Разрешение конфликта в данном случае может быть достигнуто относительно просто путем соглашений с политическими акторами, являющимися инициаторами конфликта, или же снижения их политической роли.

Инструментализм, таким образом, позволяет рассмотреть особенности межэтнических конфликтов, не учитываемые примордиалистской картиной мира, объясняя, почему в межэтнических конфликтах участвуют люди, не разделяющие или разделяющие лишь отчасти постулируемые сторонами этого конфликта убеждения. Однако, инструменталистский подход также оказывается довольно ограниченным. По мнению критиков, опираясь на идею о рациональном принятии решений участниками этнического конфликта, инструментализм, не учитывая эмоциональные аспекты, объясняет геноцид, но не ситуации проявления иррациональной «излишней жестокости»[66] (пытки и т. д.). Кроме того, инструментализм не рассматривает причины, по которым мобилизация по этническому признаку так эффективна. Другими словами, данный подход позволяет объяснить действия политических элит, но не рядовых членов этнической группы.

1.1.3. Конструктивизм[67]

Конструктивизм — это своеобразная попытка объединить два предшествующих подхода к осмыслению рассматриваемого феномена. Он не отрицает первоначальности этничности, которая лежит в основе существования различных этнических групп, но эта этничность формируется в результате

---

[65] Chandra K. Why Ethnic Parties Succeed. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. 337 p.

[66] Dodeye Uduak Williams. How Useful are the Main Existing Theories of Ethnic Conflict? // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. 2015. Vol. 4. № 1. P. 148.

[67] При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Филяева А.И. Использование образа «Другого» в международной политике: интервенция философии постструктурализма в дисциплину «Международные отношения» // Векторы развития современной России. Границы дают отпор: демаркация практик, пространств и языков описания. Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции молодых ученых 20 – 22 апреля 2017 года / под общ. ред. М.Г. Пугачевой. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – С. 52-61.

конкретных исторических процессов, все ее дальнейшее развитие рассматривается исключительно через призму социальной структуры общества: первоначальная сущность этничности дополняется социальными потребностями человека, и социальная сущность для него играет более важную роль, чем его этническая принадлежность[68].

Такой подход не разделяет социальный порядок и субъективность: «устройство субъекта неразрывно связано с устройством определенного социального или символического порядка и проистекает из него»[69]. Для его приверженцев не существует «реального» сообщества, отличного от «вымышленных» сообществ, которые поддерживают политическую мысль. Люди ограничены в действиях пределами, установленными существующими социальными и международными порядками, которые, в свою очередь, были созданы по решению субъекта — того, кто оказался ответственным за принятие решений в «момент открытости, политический момент, в котором отсутствию одного социального порядка не пришло на смену существование другого»[70]. Границы этнической группы не определяются генетически; этническая группа оказывается одной из социальных категорий, изменяемой и субъективной. Политические акторы манипулируют нарративами, используют язык, формируя представление этнической группы об истории и тем самым определяя характер текущих отношений этой группы с окружающим миром. Например, Э. Саид говорит о «Востоке» (Orient), как об искусственной сущности, созданной Западом для управления реально существующим Востоком (East)[71]). По мнению исследователя, опираясь на ориентализм, Европа смогла беспрепятственно продвигаться на Восток. Однако, создание радикальной концепции «Другого» имело серьезные последствия, негативные для европейцев: с середины XX века ориентализм становится причиной кризиса, не разрешенного и в настоящее время.

---

[68] Гончикдоржиева О.Ж. Теоретические подходы к исследованию этносоциальных процессов/О.Ж. Гончикдоржиева // Вестник БГУ. — 2010. — №6. — С. 181-184.
[69] Edkins J. Poststructuralism and international relations: bringing the political back in. London: Lynne Rienner Publichers, 1999. P. 6.
[70] Edkins J. Poststructuralism and international relations: bringing the political back in. London: Lynne Rienner Publichers, 1999. P. 8.
[71] Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мір, 2006. С. 143.

К 1955 году Восток изменился, стал политически подготовленным и способным отстаивать свою независимость. Деятельность нового Востока не соответствовала укоренившимся представлениям о нем. Несоответствие «между текстами и реальностью»[72] привело к отсутствию взаимопонимания между Востоком и Западом.

Межэтнический конфликт, с такой точки зрения, является продуктом конкретных исторических процессов. Он возникает из-за сочетания факторов, которые меняются со временем и создают благоприятную среду для насилия, что используется политическими силами, «разыгрывающими этническую карту» в своих интересах. Влияние определенных политических акторов на формирование коллективной идентичности оказывается решающим и меняет отношения определенной этнической группы с другими. И. Нойманн приводит в качестве примера переговоры по поводу институциональных отношений Норвегии и ЕС: утверждение евроскептиками истории о норвежском «Я», согласно которой, национальную норвежскую идентичность угрожают вытеснить другие идентичности и европейское «Я», привело к осуществлению националистической политики, а не плюралистической, которая могла бы привести к вступлению в ЕС.

Объяснительная сила конструктивизма заключается в его способности показывать формирование и изменение идентичности людей, выявлять причины межэтнических конфликтов, в том числе включающие роль исторически сложившейся ситуации, аспектов социально-экономической и политической жизни на конкретной территории (например, с таких позиций часто рассматривается конфликт вокруг Нагорного Карабаха, связываемый с различающимися представлениями о том, какое государство обладает закрепленным исторически правом на данную территорию[73]). Объясняются и случаи, когда периоды значимости этнической идентичности в политической повестке определенного государства сменяются «угасанием» влияния этнических факторов (как, например, в случае шотландского национализма): этничности

[72] Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мір, 2006. С. 171.
[73] Williams D.U. How Useful are the Main Existing Theories of Ethnic Conflict? // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. Vol. 4. № 1. 2015. P. 149.

могут быть «спящими»/«дремлющими», просыпающимися в ответ на определенные события – объективные факторы усиления этничности или действия и высказывания отдельных субъектов, не всегда даже вовлеченных в осознанно или невольно поощряемый ими межэтнический конфликт.

Однако, стоит отметить, что классический конструктивизм, как и инструментализм, мало внимания уделяет эмоциональным аспектам межэтнических конфликтов, которые, возможно, могли бы объяснить, почему в обществах со схожими историческими процессами и институциональной структурой по-разному развиваются межэтнические отношения. Будучи сконструированными, а не предзаданными, этничности и их символы все же приобретают большое значение для группы, и посягательства на них, реальные или воображаемые, порождают эмоциональную реакцию[74] (в качестве примера можно рассматривать приверженность современных басков баскскому языку, воссозданному лишь в XX веке). На наш взгляд, для объяснения эмоциональных аспектов межэтнических конфликтов можно использовать теории идентичности, во многом родственные конструктивистским, но в отличие от классического конструктивизма уделяющих внимание влиянию изменения жизненных условий субъекта межэтнического конфликта (например, миграции) на восприятие той или иной идентичности.

Так, с точки зрения Ю. Кристевой, любая идентичность может быть поставлена под вопрос, изменена, сломана, «демонтирована». Именно это происходит с мигрантом — у него нет основного языка, а значит, нет и фиксированной идентичности. Он потерян, стал сиротой, поскольку «не принадлежит к какому-либо месту, какому-либо времени»[75]. Мигрант может преодолеть сложности адаптации к новой ситуации, перестроить себя, «родиться заново»; но другой проблемой остается то, как его видят и воспринимают «коренные» жители. Последние, пытаясь справиться со всем неприятным и опасным опытом, который они испытали и который находится в их

[74] Smith A.D. The ethnic sources of nationalism // Survival. Vol. 35. Issue 1. P. 48-62.
[75] Kristeva J. Strangers to Ourselves. New York: Columbia University Press, 1991. P. 8.

«бессознательном», проецирует эти переживания вовне, создавая образ «жуткого другого», который накладывается на людей, чья внешность или поведение отличаются от привычных человеку. Таким образом происходит демонизация «иностранцев», «чужих». В примитивном обществе «иностранец» воспринимался как «враг», конфликт с которым рассматривается как приемлемая и, более того, неизбежная ситуация. Способность отказаться от восприятия иностранцев как «других», и, соответственно, от мысли о неизбежности конфликта, связывается с самоосознанием. Соответственно, для того чтобы жить с другими, принять их, нужно поставить себя на место «Другого».

На основе данного подхода можно выделить в качестве катализатора этнической напряженности экономические, социальные и др. проблемы, «вина» за появление которых возлагается на «Других» (что объясняет, например, эскалацию межэтнических конфликтов в ЕС в период пандемии COVID-19). Образ «Другого», в свою очередь, складывается исторически и может быть реконструирован, изменяясь под влиянием лидеров общественного мнения.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам:

1. Рассмотренные выше подходы фокусируются на разных аспектах межэтнических конфликтов. Поскольку нас интересуют способы институционального урегулирования конфликтов, для нас будет в наибольшей степени полезна теория конструктивизма, включающая и такую особенность инструменталистского подхода, как склонность анализировать межэтнические конфликты через призму рациональных действий и интересов политических акторов. Данная теория позволяет исследовать макроуровень межэтнического конфликта (взаимодействие этнополитических групп); для анализа процессов на микроуровне (уровне взаимодействия субэтнических групп и индивидов) мы будем использовать оптику теорий идентичности, уделяющих внимание влиянию изменения жизненных условий субъекта межэтнического конфликта (например, миграции) на восприятие его идентичности им самим и другими людьми.

2. Мы рассматриваем этничность в соответствии с подходом А. Лейпхарта, утверждающего, что этническая группа – это «группа людей,

считающих себя самобытным культурным сообществом, часто имеющим общий язык, религию, родственные связи и/или общие физические характеристики»[76], то есть придаем большее значение конструируемым признакам, нежели существующим объективно. Соответственно, этническим будет являться любой конфликт с участием такой этнической группы.

По С. Вульфу урегулирование конфликтов между этническими группами достигается в том случае, если «их идентичности, интересы и нужды могут быть удовлетворены в такой степени, чтобы они [стороны] могли дать обязательство осуществлять и поддерживать состояние урегулирования конфликта»[77]. Соответственно, в данной работе урегулирование межэтнического конфликта рассматривается как реализация системы мер, направленных на достижение такого состояния взаимоотношений людей в определенном государстве, которое удовлеворяет интересам вовлеченных в данный межэтнических конфликт этнических групп[78] в трактовке наиболее влиятельных представителей сторон конфликта. Отметим, что одну и ту же этническую группу могут представлять несколько политических акторов, которые могут по-разному трактовать интересы данной группы, что может усложнять процесс разрешения конфликта. Поэтому, вероятно, следует уточнить, что речь идет об удовлетворении интересов наиболее влиятельных политических акторов, представляющих стороны межэтнического конфликта. При этом другие акторы могут способствовать усилению или ослаблению определенных политических сил, изменяя и представления об интересах и нуждах той или иной этнической группы. Другими словами, речь может идти не столько об этнических, сколько об этнополитических группах.

3. Разные подходы рассматривают в качестве причин эскалации межэтнических конфликтов разные факторы (например, объективно существующие потребности этнических групп и/или индивидов – или

---

[76] Lijphart A. Democracy in plural societies: a comparative exploration. New Haven and London: Yale University Press, 1980. 248 p.
[77] Wolff S. Disputed territories: the transnational dynamics of ethnic conflict settlement. New York: Berghahn Books, 2004. 258 p. P. 244-245.
[78] Wolff S. Disputed territories: the transnational dynamics of ethnic conflict settlement. New York: Berghahn Books, 2004. 258 p. P. 244-245.

манипуляции политиков, преследующих только свои интересы и использующих «этническую» риторику и язык вражды (hate speech) в целях рекрутирования большего числа сторонников). Соответственно, предлагаются различные стратегии институционального урегулирования межэтнических конфликтов.

1.2. Теории институционального урегулирования межэтнических конфликтов

Как указывалось выше, можно выделить несколько ключевых особенностей моделей институционального урегулирования межэтнических конфликтов в работах сторонников консоциативного, интегративного, делиберативного и составного подходов. Необходимо рассмотреть подробнее эти особенности и то, каким образом соответствующие модели реализуются на практике.

Отметим, что близкой данному исследованию трактовкой понятия института можно назвать определение Д. Норта, согласно которому институты – это «“правила игры” в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»[79]. Однако, в данное работе понятие института включает и формируемые указанными «ограничительными рамками» организации, реализующие и поддерживающие соответствующие правила, как формальные, так и не формальные. Использование широкой трактовки понятия «институт» обусловлено результатами представленного ниже анализа «классических» подходов к институциональному дизайну в этнически разделенных обществах.

Классифицировать подходы, сформировавшие «классическую» для западной политической науки дискуссию об урегулировании межэтнических конфликтов, позволяет концепция Мэтиаса Баседау (Matthias Basedau), согласно которой стратегии разрешения таких конфликтов путем институционального дизайна делятся на четыре вида. Сторонники консоциативного подхода «принимают» этничность как допустимый фактор политической идентификации

[79] Норт. Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.

группы, приверженцы интегративного – «отвергают»[80]. При этом и те, и другие могут быть склонны как к «активной», так и «пассивной» тактике.

С точки зрения приверженцев интегративного подхода, акцентирование внимания на этнической принадлежности в процессе принятия политических решений может усиливать напряженность между этническими группами, увеличивая вероятность насильственного разрешения противоречий. Согласно высказыванию одного из наиболее известных интеграционистов, Д. Горовица, к эскалации конфликта порой приводит «страх перед уничтожением группы или уничтожением ее идентичности»[81], который может поддерживаться этническими политическими партиями. С такой точки зрения может рассматриваться, например, деятельность Каталонской европейской демократической партии накануне Каталонского политического кризиса. Поэтому сторонниками интегративного подхода апеллирование к этничности воспринимается как потенциально опасный инструмент мобилизации, влияние которого, следовательно, необходимо ограничить. «Активные» интеграционисты склоняются к поощрению любых форм неэтнических институтов, призванных аккумулировать ресурсы, которые могли бы получить этнические организации. «Пассивные» поддерживают радикальные меры, включая запрет на создание этнических партий. Последняя стратегия особенно часто вызывает критику со стороны консоционалистов.

Представители данного подхода полагают, что запрет этнических организаций способствует исчезновению только легальных умеренных движений, тем самым усиливая маргинальные. В качестве примера подобной ситуации может рассматриваться создание радикальной террористической организации ЭТА после запрета баскского языка, песен, имен и общественных объединений в период диктатуры Франко. В качестве альтернативной меры «пассивные» консоционалисты рассматривают создание политических институтов,

---

[80] Basedau M. Managing ethnic conflict: the menu of institutional engineering. GIGA German Institute of Global and Area Studies, 2011. 30 p. P. 9.

[81] Наумкин В.В. Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики // Вестник Московского университета. Сер. 25 Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 9-27. С. 11.

обеспечивающих репрезентацию взглядов всех этнических групп определенного государства (например, введение пропорциональной избирательной системы согласно модели А. Лейпхарта). «Активные» предлагают уделить внимание и менее «устойчивым» институтам, наподобие соглашений о распределении власти, для заключения которых взаимодействующие группы должны будут продемонстрировать готовность к кооперации.

Таким образом, оба подхода опираются на актуальные в настоящее время тенденции взаимодействия политических групп; тем не менее, анализ межэтнических конфликтов в рамках и интеграционизма, и консоционализма обычно затрагивает деятельность «формальных» представителей этнических групп – участников конфликта. На наш взгляд, особенно важным следует считать тот факт, что в роли таких представителей авторы данных подходов рассматривают, главным образом, политические партии и движения, институциональные границы деятельности которых закрепляются национальным законодательством. Фокусирование на политических процессах внутри государства, как будет рассмотрено ниже, ограничивает аналитическую и предсказательную силу обоих подходов. Однако, консоциативный подход обнаруживает еще один серьезный недостаток – акцентирование внимания на формальных аспектах институционального дизайна, что еще при формировании классической консоциативной модели исключило из рассмотрения ряд важных особенностей исторических случаев урегулирования межэтнических конфликтов.

1.2.1. «Классический» консоциативный подход: фундаментальные основы анализа исторических кейсов и их критика[82]

Как уже отмечалось выше, фундаментальной для консоциативного подхода работой можно назвать книгу А. Лейпхарта «Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование»[83]. Основы дискуссии между консоционалистами и сторонниками интеграционизма были заложены после публикации данной работы и появления множества других работ, критикующих или поддерживающих позицию Лейпхарта.

В рамках модели М. Баседау А. Лейпхарта можно назвать приверженцем «пассивного» консоционализма. Лейпхарт предполагает, что для стабильного мирного существования многосоставного общества необходима такая форма государственного устройства, которая предполагает «организованное взаимодействие основных «единиц» (этнических, религиозных и пр. общностей), при котором ни одна из них не оказывается в течение длительного времени в состоянии, могущем быть расценено как изоляция»[84]. Поддерживаемая им форма власти – сообщественная демократия в многосоставных обществах, включающая максимально широкую репрезентацию политических идей в парламенте и правительстве, «раздробление» власти.

---

[82] При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Филяева А.И. Консоциативный и интегративный подходы к урегулированию межэтнических конфликтов: развитие в исследованиях 1990-х−2010-х годов // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 6. – С. 323-328; Филяева А.И. Случай Второй Австрийской Республики в дискуссии об эффективности консоциативной модели урегулирования межэтнических конфликтов // Новые государства в XX веке. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Двенадцатой Международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2022» [отв. редактор А.К. Сорокин]. – М.: Политическая энциклопедия, 2022. – С. 199-201; Филяева А.И. Взаимосвязь этнических конфликтов и институционального устройства государства у Д.Хоровица и А.Лейпхарта //SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей / Под. ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текста А.В. Мырикова, А.Б. Страхов. — М.: Издательство Московского университета, 2017. — С. 358–359.

[83] Lijphart A. Democracy in plural societies: a comparative exploration. New Haven and London: Yale University Press, 1980. 248 p.

[84] Салмин А.М. Предисловие научного редактора // Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование/Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В.Каменский. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 20.

В своей работе «Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование» Лейпхарт выделяет четыре основных признака сообщественной демократии: главные – большая коалиция политических лидеров всех значимых сегментов многосоставного общества и высокая степень культурной автономии этих сегментов (совокупностей индивидов, представляющих собой организованные и неорганизованные группы, которые различаются по языковым, религиозным, этническим, и т.п. признакам, исповедуют различные взгляды и имеют различные интересы) – и второстепенные – право взаимного вето и пропорциональность как основной принцип политического представительства, назначения государственных служащих и распределения государственных средств[85]. Установлению сообщественной демократии в многосоставных обществах в наибольшей степени соответствует, по его мнению, система пропорционального представительства с голосованием по спискам, парламентская (или полупарламентская, при коллегиальном органе исполнительной власти) система правления и федеративное государственно-территориальное устройство[86]. Предлагаемая Лейпхартом модель основана на изучении опыта демократических государств Европейского союза в области урегулирования межэтнических конфликтов, и именно примеры таких государств Лейпхарт приводит в качестве подтверждения состоятельности своей теории.

Так, в качестве наиболее благоприятной для установления мира и стабильности формы государственно-территориального устройства Лейпхарт рассматривает федерализм. Лейпхарт уточняет, что желательно, чтобы федерация была относительно децентрализованной, а составляющие ее сегменты – штаты или провинции – были относительно небольшими, что увеличивает вероятность однородности каждого сегмента (что, в свою очередь, способствует автономии отдельных этнических и др. групп), а также позволяет не допускать

[85] Лейпхарт А. Предисловие к русскому изданию книги // Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В.Каменский. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 28.
[86] Lijphart A. Democracy in plural societies… P. 224.

доминирования отдельных штатов на федеральном уровне[87]. В качестве примера такой территориальной автономии Лейхпарт приводит случай Германии.

Как указывает исследователь, возможно также введение внетерриториальной автономии, установленной на основе личностного принципа. В данном случае правительственные и административные полномочия делегируются территориально-смешанным группам населения, а не компактно проживающим[88]. Рассматривая такую форму автономии, Лейпхарт обращается к примерам Бельгии, Нидерландов и Австрии.

Указанные примеры – пример Нидерландов и Австрии, - также используются, чтобы показать, что система пропорционального представительства с голосованием по спискам успешно функционирует в многосоставных обществах и действительно способствует стабильности. Однако, для обоснования эффективности парламентской системы правления этих традиционных для Лейпхарта примеров оказывается недостаточно. Проблему неустойчивости правительства в парламентской системе, связанную с тем, что оно ответственно перед парламентом, который может отправить правительство в отставку, Лейпхарт предлагает решить с помощью условий, разработанных в Германии и Франции. В данном случае премьер-министр (канцлер) может быть смещен с должности только в том случае, если одновременно будет избран новый премьер-министр; согласно второму, кабинет министров имеет право придать своим законодательным инициативам статус материалов, не подлежащих оглашению, которые принимаются автоматически, если абсолютное большинство парламентариев не проголосует за отправку правительства в отставку[89].

В целом, с точки зрения Лейпхарта, примером, в наибольшей степени приближенным к чистой модели консоциативной демократии и демонстрирующим перечисленные выше особенности институциональной системы, является Австрия в период 1945–1966 – Вторая Австрийская Республика.

---

[87] Lijphart A. Constitutional design for divided societies. // Journal of Democracy. 2004. Vol. 15. № 2. P. 105.
[88] Lijphart A. Democracy in plural societies… P. 43.
[89] Lijphart A. Constitutional design for divided societies. P. 102.

Как отмечает Лейпхарт, в данном государстве существовала парламентская форма правления. В то время в состав кабинета министров, представлявшего собой пример большой коалиции, входили «в тщательно сбалансированной пропорции»[90] представители двух наиболее влиятельных партий, которые представляли интересы католического и социалистического сегментов; не был представлен лишь небольшой либерально-националистический сегмент. Все решения в коалиционном правительстве принимались единогласно (что обеспечивало принцип взаимного вето). При этом важнейшие решения принимались не кабинетом большой коалиции, а небольшим внеконституционным рабочим комитетом, включавшим в себя лидеров католиков и социалистов.

Вторая Австрийская Республика являлась федеративным государством, однако – с низким уровнем децентрализации. Рассматривая критерии выделения основных сегментов, Лейпхарт приходит к выводу, что принцип автономии сегментов все же осуществлялся, но сегменты соотносятся не с девятью землями Австрии, а с «лагерями» (Lager) и сопутствующими им структурами, что позволило отнести данный вид автономии к внетерриториальному федерализму[91].

Пропорциональная электоральная система и формирование кабинета министров в соответствии с числом голосов, полученным каждым из партнеров по коалиции на выборах, обеспечивали реализацию принципа пропорциональности.

Таким образом, Австрия в 1945–1966, по Лейпхарту, обладала четырьмя основными признаками консоциативной демократии (ключевым из которых являлась большая коалиция), что, с его точки зрения, способствовало разрешению и предотвращению межэтнических конфликтов, установлению стабильного государства, представлявшего сильный контраст с Первой Республикой (1918–1938). Однако, оказалось, что в этом утверждении можно усомниться: так, выводы Лейпхарта подверглись критике Брайана Барри.

---

[90] Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В.Каменский. М.: Аспект Пресс, 1997. 287 с. С. 67.
[91] Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. С. 135-136.

С точки зрения Барри, сомнительно, что для превращения неэффективной Первой Республики в стабильную Вторую потребовался лишь переход элит к консоциации[92], учитывая, что конституционный строй и партийная система остались неизменными.

По мнению Барри, необходимо учитывать и другие значимые отличия Второй Республики от Первой. Так, Первая Республика была создана после поражения Австро-Венгрии в Первой Мировой войне и распада указанной империи. Жители Германской Австрии выступали за присоединение к Германии, однако, по Сен-Жерменскому договору 1919 года, объединение с Германией было запрещено, а названия «Германская Австрия» менялось на название «Австрия». В результате было создано «нежеланное» государство. В противоположность ему, Вторая Республика по итогам Второй Мировой войны оказалась «если не победителем, то освобожденной жертвой»[93], и сомнений в необходимости существования австрийского государства уже не было. Различались и экономические условия, значительно более благоприятные для Второй Республики[94].

Кроме того, Барри отмечает, что даже в том случае, если изменение во взаимодействии элит принимается как основная причина установления стабильности, остается вопрос о том, что повлекло за собой это изменение: закрепление посредством консоциативных механизмов принципа сотрудничества различных партий или их готовность к сотрудничеству, которая была вызвана указанными выше факторами? В случае, если реальности в большей степени соответствует второй вариант ответа на данный вопрос, оказывается, что установление стабильности в случае Австрии могло быть не связано с введением консоциативной демократии.

Таким образом, как показывает данный пример, роль консоциативных инструментов в предотвращении/разрешении конфликтов оказывается

---

[92] Barry B. Accommodation and consociational democracy // British Journal of Political Science. 1975. Vol. 5. № 4. P. 491.
[93] Ibid. P. 493.
[94] Ibid. P. 492.

неоднозначной, а сформированная Лейпхартом модель не учитывает ряд особенностей анализируемых им политических систем, что оставляет скептически настроенным исследователям возможность критиковать данный подход. Значительная часть дальнейшей критики консоционализма в целом и работ Лейпхарта в частности исходила от сторонников интегративного подхода, которые рассматривали случаи, в которых консоциативные методы не способствовали снижению конфликтности, а институциональные условия, позиционируемые Лейпхартом как нежелательные, оказывали благотворное влияние на разрешение конфликтов. Однако, следует отметить, что и сформированные интеграционистами модели оказались подверженными критике.

1.2.2. «Классический» интегративный подход: альтернатива консоциации[95]

Критика подхода Лейпхарта в рамках интегративного подхода (центрипетализма, центростремительного подхода), в первую очередь, связана с работой Д. Горовица «Этнические группы в состоянии конфликта»[96]. Горовица можно назвать приверженцем «активного» интеграционизма: для него кооперация, умеренность, стремление к консенсусу значимее, чем включенность, представительство всех существующих мнений. Более того, включение в круг лиц, принимающих решения, представителей радикализированных групп, по мнению исследователя, оказывается нежелательным, поскольку препятствует достижению консенсуса: «сторонники компромисса слишком легко оттесняются

[95] При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Филяева А.И. Взаимосвязь этнических конфликтов и институционального устройства государства у Д.Хоровица и А.Лейпхарта // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей/Под. ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текста А.В. Мырикова, А.Б. Страхов. — М.: Издательство Московского университета, 2017. — С. 358–359.; Филяева А.И. Пропорциональная избирательная система как один из институтов урегулирования этнических конфликтов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 177-183.

[96] Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 1985. 697 p.

экстремистами, как только последние начинают утверждать, что имеет место предательство групповых интересов»[97].

Для Горовица важна не столько институциональная форма государства сама по себе, сколько тот факт, будет ли действовать в ее рамках эффективный механизм разрешения конфликтов[98]. Поэтому Горовиц рассматривает несколько механизмов разрешения конфликтов, для реализации которых можно изменить электоральную систему или реконструировать территориальное устройство – в зависимости от условий в конкретном государстве. Тем не менее, при рассмотрении предложенных Горовицем механизмов можно выделить ряд желательных институциональных условий. Д. Горовиц, как и А. Лейхпхарт, является сторонником федеративной системы государственно-территориального устройства; однако, в отличие от Лейпхарта, Горовиц выступает за введение системы альтернативного голосования и президентской системы правления.

Если для работ Лейпхарта характерна опора на примеры разрешения конфликтов в европейских государствах, то для подхода Горовица – на примеры урегулирования конфликтов в африканских и азиатских государствах: Горовиц подвергает критике рассмотрение случаев европейских демократических государств как основу для формирования общих выводов или, более того, формулирования универсальной теории институционального разрешения конфликтов. По мнению исследователя, предположение, что умеренность и изменчивость, характеризующие европейские конфликтные линии, являются условием возникновения возможности введение консоционализма в Европе, более вероятно, чем обратная зависимость, подразумевающаяся у Лейпхарта, приписывающего данные характеристики успешному введению консоциативной системы. Как пишет Горовиц, европейские конфликты характеризуются небольшой аскриптивностью этнических различий (т. е. незначительной ролью происхождения и места рождения в определении этноса конкретного индивида), меньшей враждебностью по отношению к членам других групп,

[97] Салмин А.М. Предисловие научного редактора. С. 24.
[98] Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. P. 597-598.

«сегментированным плюрализмом» - наличием «сквозных» кливажей, меньшей жестокостью[99]. В этом состоит их отличие от конфликтов в Азии и Африки. Кроме того, по Горовицу, тот факт, что в демократических европейских государствах политические элиты обладают высокой степенью свободы выбора, является необходимым условием успешного установления консоциативной системы. Поэтому, отмечая ограниченность консоциативного подхода в условиях государств Азии и Африки, исследователь приходит к выводу, что вместо выбора одной институциональной формы следует признать, что подходящие институты будут различаться от случая к случаю, в зависимости от условий определенного государства[100], и в основном сосредотачивается на изучении азиатских и африканских случаев. Однако, последователи Горовица, воспринявшие его идеи, изучают и европейские «кейсы».

Например, применимость интегративного подхода к анализу институтов урегулирования межэтнических конфликтов в европейском государстве демонстрирует Д. Бранкати в работе «Достижение мира путем дизайна: урегулирование внутригосударственного конфликта с помощью децентрализации»[101]. Среди рассмотренных Д. Бранкати государств наиболее успешным примером позитивного влияния федерализма (децентрализации) на разрешение межэтнических конфликтов является Испания (с 1976 по настоящее время).

При схожей с наблюдавшейся в случае Чехословакии напряженностью между этническими группами, в итоге выразившейся в распаде данного государства, в Испании региональные органы законодательной власти не обладали правом вето касательно национальной конституции, и изначально назначались согласно репрезентации партий на национальном уровне.

Еще одним фактором успеха федерализма в Испании Бранкати считает деятельность национальных партий, контролирующих партии региональные и

---

[99] Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. P. 572.
[100] Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. P. 576.
[101] Brancati D. Peace by design: managing intrastate conflict through decentralisation. Oxford: Oxford University Press, 2009. 308 p.

поддерживающих баланс между иногда противоречащими друг другу интересами регионов[102]. Ослабляет региональные партии и значительное число регионов, благодаря которому представители каждого из них получают небольшой процент мест в органах законодательной власти. Противоположный эффект характерен для непрямых выборов части мест верхней палаты – однако, поскольку в Испании таким образом избирают лишь 1/5 парламентариев верхней палаты, усиление влияния региональных партий оказывается незначительным.

Итак, на примере Испании Бранкати показывает, что рассматриваемые ей институциональные условия действительно позволяют установить федеративную систему, контролируя влияние региональных партий и, тем самым, способствуют разрешению и предотвращению межэтнических конфликтов.

В целом, на наш взгляд, стремление учитывать значимые неформальные институты взаимодействия межэтнических групп при формировании и изменении формальных сделало интегративную модель институционального дизайна более мобильной, нежели консоциативная. В то же время, данная особенность обусловила возможность критики некоторых положений интеграционистов-«классиков», обосновываемой не только приверженцами «оппозиционного» их идеям подхода, но и авторами, стремящимися усовершенствовать интегративную модель.

1.2.3. Консоциативный и интегративный подходы: развитие в современных исследованиях[103]

В настоящее время многие исследователи по-прежнему опираются на идеи Лейпхарта или Горовица. Так, Аллисон Маккуллох в работе «В поисках стабильности среди глубокого разделения: сравнительный анализ

---

[102] Brancati D. The Origins and Strengths of Regional Parties // British Journal of Political Science. 2008. Vol. 38. № 1. P. 135-159. P. 120.

[103] При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Филяева А.И. Консоциативный и интегративный подходы к урегулированию межэтнических конфликтов: развитие в исследованиях 1990-х−2010-х годов // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 6. – С. 323-328.

консоционализма и центрипетализма»[104] стремится доказать несостоятельность интегративного (центрипеталистского подхода) в сравнении с консоциативным. Исследователь приводит в качестве примера успешного функционирования консоциативной институциональной модели систему распределения власти в Северной Ирландии, установленную согласно условиям Белфастского соглашения. Консоциативный подход при анализе случая Бельгии использует Жоомарт Тынымбекович Ормонбеков, отмечающий необходимость обращения к данному подходу для наиболее полного и результативного рассмотрения ситуации в Бельгии[105]. Рут ван Дейк, также рассматривая данный пример, отмечает, что в целом консоциативная модель институционального устройства в Бельгии может считаться эффективной, а существующие проблемы могут быть разрешены путем проведения политики, направленной на поддержание взаимного уважения и взаимопонимания[106].

Интеграционисты в основном рассматривают случаи стран ЕС, чтобы продемонстрировать недостатки консоциативной модели урегулирования межэтнических конфликтов. Так, Энтони Обершалл и Кендалл Палмер, рассматривая институты распределения власти, установленные в Северной Ирландии в соответствии с условиями Белфастского соглашения 1998 года, в своей статье доказывают, что несмотря на то, что многие люди в Северной Ирландии благоприятно настроены на расширение сотрудничества и углубление интеграции между сообществами, выбор консоциативного институционального устройства означает, что в обозримом будущем межконфессиональная рознь, скорее всего, выйдет на первый план как в политических процессах в рамках институциональной системы, так и в отношениях между сообществами[107]. Пол Диксон в работе «Может ли консоциативная теория разрешить глобальный

---

[104] McCulloch A. Seeking stability amid deep division: consociationalism and centripetalism in comparative perspective. PhD thesis. Ontario: Queen’s University Kingston, 2009. 277 p.

[105] Ормонбеков Ж.Т. Многосоставные общества в федеративных политиях Бельгии и Швейцарии: сравнительный анализ: дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / МГИМО (У) МИД РФ. М., 2007.

[106] Ван Дейк Р. Регионализм, федерализм и права меньшинств в Бельгии // Этнические и региональные конфликты в Евразии: в 3 кн.: Книга 3. Международный опыт разрешения конфликтов. М.: Издательство «Весь мир», 1997. С. 251-268.

[107] Oberchall A., Palmer L.K. The Failure of Moderate Politics: The Case of Northern Ireland // Power sharing: new challenges for divided societies / Eds. I. O’Flynn, D. Russell. London: Pluto Press, 2005. P. 77-91.

конфликт? От Голландии до Северной Ирландии и Ирака»[108] подвергает критике другой аспект рассмотрения Белфастского соглашения в качестве примера успешной реализации консоциативной модели: он утверждает, что установленная в Северной Ирландии институциональная система в принципе не является консоциативной.

Крис Дешувер критически относится к консоциативному устройству Бельгии[109]. Несмотря на то, что он признает, что у этой институциональной системы есть свои плюсы, по его мнению, жесткая институционализация идентичностей сообществ мало что сделала для того, чтобы разрешить разногласия между двумя основными сообществами. Вместо этого, как утверждает автор, тенденция продолжающейся деволюции, которая характеризует современную бельгийскую политику, фактически означает, что в государстве нет реального политического центра и, соответственно, нет реального чувства бельгийской национальной идентичности. Другими словами, Дешувер отмечает недостатки реализации консоциативной модели на практике.

Таким образом, многие работы в целом представляют собой развитие идей, представленных еще в работах Горовица и Лейпхарта. Однако, консоциативный и интегративный подход к анализу случаев урегулирования конфликтов в конкретных Европейских государствах затрагивают разные институты, изучают различающиеся особенности функционирования одних и тех же институтов, а также по-разному оценивают степени эффективности определенных институтов, оставляя пространство для критики и дальнейшего изучения институтов урегулирования межэтнических конфликтов. Данное пространство стремятся заполнить не только исследователи, работы которых представляют новые подходы (которые рассматриваются ниже), но и ученые, пытающиеся усовершенствовать консоциативный и интегративный подход. Для

---

[108] Dixon P. Is consociational theory the answer to global conflict? From Netherlands to Ireland and Iraq // Politial studies review. 2011. Vol. 9. P. 309-322.

[109] Deschouwer K. The Unintended Consequences of Consociational Federalism: The Case of Belgium // Power sharing: new challenges for divided societies / Eds. I. O'Flynn, D. Russell. London: Pluto Press, 2005. P. 92-106.

консоциативного подхода это, в первую очередь, Джон Макгэри и Брендан О'Лири, для интегративного – Бенджамин Рейлли[110] и Эндрю Рейнольдс.

Так, Макгэрри и О'Лири еще в 1993 и 1995 году отмечали, что консоциативные системы не всегда функционируют так, как ожидалось, даже в европейских демократических государствах. В качестве примера они рассматривали случай Северной Ирландии, где институты, соответствующие консоциативной модели, позволяли изменить форму проявления межэтнического антагонизма, но не устранить его. Поэтому в более поздних работах исследователи предлагают расширить число факторов, которым необходимо уделять внимание при рассмотрении конкретной конфликтной ситуации: так, они предлагают учитывать влияние внешних факторов на разрешение конфликтов[111]. Кроме того, Макгэри и О'Лири полагают, что при формировании правящей коалиции необходимо поощрять «любые группы с отчетливой политической идентичностью, в том числе трансгруппового характера»[112].

Рейлли и Рейнольдс критикуют выбор Горовицем электоральной системы альтернативного голосования. Так, исследователи указывают, что демографическое распределение этнических групп в регионах порой приводит к тому, что в рамках отдельных одномандатных округов с доминирующей этнической группой объединения партий ради обмена предпочтениями не потребуется, и стимулов к компромиссу не будет[113].

Таким образом, некоторые из современных приверженцев интеграционизма и консоционализма предлагают расширить область анализа, рассматривая «неклассические» политические группы и учитывая влияние неформальных институтов на функционирование формальных. Тем не менее, изменения консоциативного и интегративного подходов в целом оказываются незначительными: фундаментальные особенности данных подходов остаются

---

[110] Reilly B. Democracy in divided societies: electoral engineering for conflict management. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 232 p.
[111] McGarry J., O'Leary B. Consociational theory, Northern Ireland's conflict, and its agreement. Part 1: What concociationalists can learn from Norther Ireland // Government and opposition. 2006. Vol. 41. № 1. P. 43-63.
[112] Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Political science (RU). 2016. № 1. С. 15-33. С. 22.
[113] Reilly B., Reynolds A. Electoral Systems and Conflict in Divided Societies. Washington, D.C.: National Academy Press,1999. 72 p. P. 36.

неизменными. Вероятно, именно поэтому современным исследователям, не желающим отказаться от основных идей консоционализма или центрипетализма, по-прежнему не удается преодолеть все ограничения данных подходов. В связи с этим появляются новые подходы, основатели которых стремятся разрешить вышеупомянутую проблему.

1.2.4. Делиберативная демократия: гибридная форма институционального урегулирования конфликтов[114]

Как отмечает Т. Хадден, подходы к разрешению конфликтов и установлению стабильной демократии отличаются: одни рассматривают проблему установления стабильности и разрешения конфликтов с точки зрения политической перспективы, другие – с правовой. Политическая перспектива подразумевает ориентацию на решение существующих проблем, достижение долговременного мира, стабильности и благосостояния. Правовая перспектива касается развития общих правовых принципов, рассматриваемых как универсальные[115]. Консоционализм и центрипетализм относятся к подходам, для которых более значима политическая перспектива. Делиберативная демократия, близкая активному интеграционизму и активному консоционализму, рассматривает проблему разрешения конфликтов с точки зрения правовой перспективы. Вероятно, поэтому данная концепция парадоксальным образом оказывается близка частично активному консоционализму, частично – пассивному интеграционизму.

Так, сторонники делиберативной демократии отмечают, что для разрешения конфликтов в равной степени важны и ценность включенности, и ценность умеренности. Кроме того, в их рассмотрении реализация этих ценностей будет

---

[114] При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Филяева А.И. Современные теории демократии об урегулировании межэтнических конфликтов: делиберативный подход // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. № 5. С. 112-119.

[115] Hadden T. Integration and autonomy: minority rights and political accomodation // Power sharing: new challenges for divided societies / Eds. I. O'Flynn, D. Russell. London: Pluto Press, 2005. P. 30-44. P. 30.

отличаться от той, которую предполагает консоциативный и интегративный подходы. «Включенность», по их мнению, не может обеспечить не только интегративный подход, по сути своей предполагающий исключение некоторых мнений, но и консоциативный, поскольку даже в том случае, если сообщественная демократия предполагает включенность всех групп населения, это не гарантирует представление взглядов отдельных граждан и защиту их интересов. Другими словами, в политический процесс оказываются включены группы, но не граждане. Критикуется и акцент на политических лидерах и элитах, характерный для интегративного и консоциативного подхода. Так, в работах Айрис Мэрион Янг рассматривается необходимость обеспечения не только представительства дискриминируемых групп населения, но и политического участия граждан и как представителей каких-либо групп, и как самостоятельных политических акторов. Поэтому Янг предлагает уделять особое внимание институтам, позволяющим поддерживать, во-первых, самоорганизацию членов групп, предоставляющую им возможность создать представление об их коллективном опыте и интересах; во-вторых, формирование инициатив от групп, при необходимости учитывать будущее групп при принятии решений; в-третьих, предоставление группе права вето относительно решений, которые напрямую влияют на данную группу[116]. Таким образом, в данном случае институты урегулирования межэтнических конфликтов – это не только государственные институты, но и институты гражданского общества, что значительно расширяет спектр рассматриваемых неформальных институтов.

Такой подход к рассмотрению проблемы урегулирования межэтнических конфликтов в конкретных случаях использован, в частности, в статье Рэйчел Ребуше и Кейт Фейрон «Параллельные идентичности: распределение власти и права женщин»[117]. В данной работе авторы на примере, в том числе, Северной Ирландии исследуют, как институционализация групповой идентичности может негативно повлиять на женщин, создав ложный выбор между идентичностью

[116] Young I.M. Justice and the politics of difference. P. 184.
[117] Fearon K, Rebouché R. Overlapping Identities: Power Sharing and Women's Rights // Power sharing: new challenges for divided societies / Eds. I. O'Flynn, D. Russell. London: Pluto Press, 2005. P. 155-171.

женщины и групповой сплоченностью. Они подчеркивают необходимость осмыслить распределение власти таким образом, чтобы лучше определять и учитывать сложность интересов и опыта женщин, как внутри групп, так и между ними. Необходимость лучше подстраиваться под опыт женщин в таких случаях связана с более общей необходимостью создания пространства для сквозных идентичностей и общих интересов, которые обладают потенциалом объединения членов сообществ, в противном случае конфликтующих. Случай Северной Ирландии изучает и Робин Уилсон[118], который показывает, как распределение власти может быть связано с целью создания всеобъемлющего чувства гражданского единства. В частности, он выделяет опасности, связанные с жесткой концептуализацией групповой идентичности, и исследует концептуальные противоречия, связанные с такими подходами.

Примеры институциональных систем государств Европейского союза используются и в работе Майкла Уолцера «О толерантности», предметом которой является «мирное сосуществование групп людей с различными историями, культурами и идентичностями, которое толерантность делает возможным»[119].

С точки зрения Уолцера, «мирное сосуществование может принимать различные формы»[120], и ни одна из них не является универсальной. При этом невозможно воспроизвести только позитивные черты определенной системы, поскольку они оказываются тесно связанными с другими, оцениваемыми нами как негативные. Поэтому Уолцер рассматривает пять режимов толерантности, обеспечивающих ее в разной степени – многонациональную империю, международное сообщество, консоциацию, национальное государство, иммигрантское общество. Многонациональные империи, по Уолцеру, уже не существуют; основной пример иммигрантского сообщества – США; в качестве примеров консоциативных государств, национальных государств, а также смешанных видов приводятся системы нескольких государств ЕС.

---

[118] Wilson R. Towards a Civic Culture: Implications for Power-sharing Policy Makers // Power sharing: new challenges for divided societies / Eds. I. O'Flynn, D. Russell. London: Pluto Press, 2005. P. 204-218.
[119] Walzer M. On toleration. New Haven and London: Yale University Press, 1999. 126 p. P. 2.
[120] Ibid.

Консоциативное государство, в частности, Бельгия, представляется Уолцером в качестве наиболее близкого к многонациональной империи современного режима. Однако, в отличие от империи, в консоциативном государстве отсутствует имперская бюрократия, стоящая над всеми группами. Данные группы должны выработать договоренности, согласно которым будет выстроена институциональная система. Данные договоренности могут быть основаны на принципе приблизительного равенства сторон или ограниченного доминирования одной из них. Входящие в состав сообщественного государства группы могут сохранять свои обычаи, говорить на своем языке, возможно, вводить свои законы. Однако, мирное сосуществование будет сохраняться только в том случае, если будет сохраняться вера в возможность институциональных условий предотвратить усиление влияния одной из групп, что повлечет за собой трансформацию консоциативного государства в национальное, в котором все остальные группы станут меньшинствами, в толерантности которых усилившаяся группа уже не нуждается. Поэтому, как указывает Уолцер, несмотря на то что консоциативная демократия может быть «наиболее предпочтительной с моральной точки зрения формой толерантности»[121], наиболее вероятным толерантным режимом оказывается национальное государство.

В национальном государстве, в отличие от консоциативного, организация государственной системы производится одной группой, а не несколькими. Такие государства могут быть толерантными, но обычно они предоставляют меньшинствам значительно меньшую степень автономии, чем консоциативные государства (примером у Уолцера является Франция). Толерантность либеральных и демократических национальных государств, по Уолцеру, обычно направлена не на группы, а на их членов, которые рассматриваются как в первую очередь граждане государства, а затем – как представители меньшинств. В этом случае попытка переноса культурных особенностей меньшинств из сферы частной жизни в сферу общественной воспринимается как потенциальная угроза государству, стремящемуся подтолкнуть меньшинства к ассимиляции (по крайней

[121] Walzer M. On toleration. P. 24.

мере, в общественной сфере жизни). Иногда это выражается в лингвистической стандартизации. Меньшинства вынуждены постоянно бороться за сохранение своих особенностей, что, вероятно, делает данный режим менее благоприятным для обеспечения толерантности (по крайней мере, для обеспечения толерантности в отношении групп).

Помимо видов режимов, которые рассматриваются как идеальные, Уолцер приводит несколько «смешанных» случаев – в том числе, случай Европейского сообщества в целом. ЕС, как пишет Уолцер, еще не сформировал определенную модель: мультикультурализм и политика толерантности должны привести к активности этнических и религиозных групп, но эти группы меняются, частично ассимилируются, и пока неясно, какими в результате будут институциональные условия взаимоотношений между ними.

В целом для Уолцера, в отличие от, например, А. М. Янг, более важной оказывается ценность, близкая не к «консоциативной» включенности, а к «интегративной» умеренности – ценность взаимодействия. Уолцер уделяет особое внимание необходимости существования объединяющих население явлений, практик и политики. Взаимодействие людей в группах для Уолцера остается важным условием обеспечения толерантности. Тем не менее, прослеживающееся у данного автора стремление при выборе приемлемого режима ориентироваться в первую очередь на соблюдение прав граждан позволяет отнести его идеи к делиберативному подходу.

Йен О’Флинн, как отмечалось выше, наиболее точно формулирует особенности делиберативного подхода. По О’Флинну, равенство требует «смягчения» предпочтений в связи с наличием отличающихся взглядов других граждан, что потребует обмена мнениями в поддержку тех или иных решений. В данном случае особенно важны такие особенности коммуникации, отмечаемые в теории делиберативной демократии, как представление о своей позиции как об одной из многих, равноценных ей, готовность слушать, воспринимать аргументы, подтверждающие отличающуюся точку зрения, и, как следствие, способность изменять свои взгляды и представления в соответствии с новыми аргументами.

Особенно важной последняя способность оказывается, когда участвующие в конфликте группы осознают необходимость окончить его, и для ведения успешных переговоров требуется «взаимное принятие необходимости быть благоразумными»[122]. Таким образом, для обоснования ценности взаимодействия О'Флинн предлагает использовать логику делиберативной демократии, а для ее воплощения в жизнь – институты современного интегративного подхода.

Однако, взаимодействия недостаточно, чтобы достичь цели, о которой упоминала Янг – участии в принятии решения на равных основаниях представителей всех групп, которых коснется данное решение. Чтобы снизить конфликтность в процессе принятия решений в государственных органах, О'Флинн вслед за Джоном Драйзеком[123] предлагает обеспечить публичное пространство высказывания всех взглядов, пространство для дискуссий. Удаленность от государственной власти, как предполагается, снизит остроту дискуссии, а соблюдение принципа публичности позволит озвучить все позиции. Государственные политические институты, в свою очередь, должны реагировать на события, происходящие в публичной сфере, на публичный дискурс. Проблема включения всех заинтересованных лиц в сферу принятия решений, связанная с асимметрией отношений граждан и их представителей, так же устраняется при помощи публичности - требования подотчетности, прозрачности, открытости деятельности государственных лиц. Стремлением автора найти возможность реализации идеалов делиберативной демократии в реалиях обществ в состоянии конфликта, сблизить «нормативное теоретизирование с реальностью»[124], вероятно, определяется характер предлагаемых им институциональных условий разрешения конфликтов, интегрирующих идеи консоциативной и интегративной демократии, публичности и взаимодействия. О'Флинн выступает за децентрализацию власти, пропорциональную электоральную систему (точнее, систему единственного передаваемого голоса) и форму правления, которая обеспечит взаимодействие в правительстве. Эффективность такой системы

---

[122] O'Flynn I. Divided Societies and Deliberative democracy. P. 741.
[123] Dryzek J. Deliberative Democracy in Divided Societies. // Political Theory. 2005. № 33. P. 218-242.
[124] O'Flynn I. Divided Societies and Deliberative democracy. P. 747.

исследователь обосновывает, анализируя, в частности, функционирование институтов урегулирования межэтнических конфликтов в Бельгии, Великобритании, Болгарии, Румынии, Словакии[125].

Таким образом, делиберативный подход предполагает расширение возможности применения интегративного и консоциативного подходов за счет их слияния, а также смещения акцента с деятельности политических лидеров, групп и элит на политическое участие индивидов. Интересно и стремление отдельных авторов рассматривать институты урегулирования межэтнических конфликтов, выходящие за пределы суверенных государств (примером может послужить рассмотрение Европейского союза у Уолцера). Тем не менее рассматриваемые авторами кейсы указывают на проблемы, возникающие при недостаточном внимании к реализации ценностей публичности и взаимодействия, но не предоставляют примера действующей делиберативной модели в виде, близком к ее «идеальному» теоретическому описанию. Более «практикоориентированными» можно назвать работы, принадлежащие к составному подходу.

1.2.5. Составной подход: классификация стратегий институционального урегулирования межэтнических конфликтов[126]

Пример составного (комплексного) подхода представляет работа Стефана Вульфа «Спорные территории: транснациональная динамика урегулирования этнических конфликтов»[127]. В отличие от сторонников делиберативной демократии, он уделяет меньшее внимание ценности равенства, ориентируясь в первую очередь на стабильность системы. Для Вульфа достижение стабильности

---

[125] O'Flynn I. Deliberative democracy, the public interest and the consociational model // Political Studies. 2010. Vol. 58. № 3. P. 572-589.; O'Flynn I. Divided Societies and Deliberative democracy // British journal of Political Science. 2007. Vol. 37. № 4. P. 731-751.

[126] При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Филяева А. И. Институциональное урегулирование этнических конфликтов: идея комбинирования консоциативного и интегративного подходов у С. Вульфа // SCHOLA-2019: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. — М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 142-145.

[127] Wolff S. Disputed territories: the transnational dynamics of ethnic conflict settlement. New York: Berghahn Books, 2004. 258 p.

возможно только в том случае, если определенный институциональный дизайн соответствует нуждам сторон конфликта, если «их идентичности, интересы и нужды могут быть удовлетворены в такой степени, чтобы они [стороны] могли дать обязательство осуществлять и поддерживать состояние урегулирования конфликта»[128]. При этом, как и Уолцер, Вульф отмечает, что каждый конфликт уникален; поэтому исследователь предлагает при помощи ряда критериев определить модель, в наибольшей степени близкую конкретному случаю, а затем или модифицировать институциональную модель в соответствии с условиями, в которых существует определенное государство, или выработать политику, направленную на изменение этих условий с тем, чтобы институциональная модель другого государства оказалась применимой. Возможно и применение обоих способов. При этом модель должна быть гибкой (обеспечивающей возможность изменений в интересах сторон конфликта), что позволит системе сохранить мир в долгосрочной перспективе, трансформируясь в соответствии с изменяющимися обстоятельствами. Таким образом, Вульф в своем исследовании рассматривает условия установления стабильности (см. таблицу 1), а также способы прогнозирования краха системы в целях его предотвращения, уделяя внимание не только и не столько формальным институтам, сколько неформальным.

Таблица 1[129]: Условия, обеспечивающие возможность урегулирования межэтнического конфликта (по С. Вульфу)

• В «принимающем» государстве (host-state)
▪ Готовность учитывать ключевые интересы «внешнего» меньшинства[130]
▪ Готовность к сотрудничеству и компромиссу с «родственным»[131] государством (kin-state), в том числе по вопросам,

[128] Wolff S. Disputed territories: the transnational dynamics of ethnic conflict settlement. New York: Berghahn Books, 2004. 258 p. P. 244-245.
[129] Wolff S. Disputed territories: the transnational dynamics of ethnic conflict settlement. New York: Berghahn Books, 2004. 258 p. P. 223.
[130] Внешнее меньшинство – национальное/этническое меньшинство, сформированное в результате иммиграции или изменения границ государств.

касающимся территориальных вопросов и вопросов суверенитета
• В «родственном» государстве ▪ Способность сбалансировать интересы «внешнего» меньшинства и «принимающего» государства
• В спорной территории ▪ Готовность к компромиссу и сотрудничеству с внешним меньшинством и «принимающей» нацией, как на межэтническом уровне, так и на уровне взаимодействия между этническими группами и институтами «принимающего» государства
• Международный контекст ▪ Длительное участие в урегулировании конфликта, проявляющееся в форме стимулирования сторон конфликта и / или давления на них, нацеленного на урегулирование их разногласий, или, по крайней мере, отсутствие стимулирования / давления на стороны, способствующего сохранению конфликта

Подход Вульфа можно назвать составным или комплексным, поскольку автор считает приемлемым и консоциативный, и интегративный подход – в зависимости от исторического и политического контекста, в котором существует определенная государственная система.

Исследование Вульфа полностью основывается на полученных им эмпирических данных: формы разрешения конфликтов, описываемые им в последней главе книги, соответствуют пяти рассмотренным примерам. Помимо двух «внутренних» вариантов разрешения конфликтов, интеграции и консоциации, Вульф рассматривает «внешний» вариант – сецессию или ирридентизм, и два «промежуточных» - консоциацию с временным и формальным внешним вмешательством и демократический кондоминиум.

[131] «Родственное» государство (kin-state) – государство, часть представителей преобладающей этнической группы которого иммигрировала в другое государство («принимающее», host-state) или вошла в число его граждан в результате изменения границ государств, образовав этническое меньшинство в его составе.

Соответственно, в своей книге Вульф рассматривает примеры государств, демонстрирующих успешное применение различных внутренних (консоциативного и интегративного), внешнего (отделения) и «промежуточных» подходов к разрешению конфликтов – другими словами, Вульф рассматривает случаи, наиболее близкие к трем названным им основным видам разрешения конфликтов (двум внутренним и внешнему) и случай, в котором «смешиваются» элементы внутреннего и внешнего разрешения конфликтов – «смешанную» консоциацию (исторического примера использования механизма демократического кондоминиума, как отмечает Вульф, не было).

Успех интегративной политики правительства Франции в отношении Эльзаса, как отмечает Вульф, был обусловлен во многом внешними обстоятельствами: после Второй мировой войны и оккупации Франции регионалистские, партикуляристские и автономистские партии Эльзаса потеряли поддержку населения (отчасти из-за их связей с Германией, отчасти – по причине подъема национальных партий). Под влиянием индустриализации и урбанизации партикуляристы перешли от борьбы за расширение автономии к рассмотрению культурных вопросов. Благотворным оказалось и влияние Европейской интеграции: ее экономическая составляющая способствовала развитию Эльзаса, благодаря политической – исчезла угроза суверенитету Франции со стороны Германии, что предоставило французскому правительству возможность уступать эльзасцам по культурным вопросам в рамках регионализации[132].

Тем не менее, конфликт с Сааром, развивавшийся в тех же условиях, завершился отделением Саара и присоединением данной территории к Германии. Отличия заключались в этническом составе населения, большинство которого отличалось германским происхождением. Кроме того, Саар не обладал специфическими политическим и культурными традициями, и его жители идентифицировали себя не с регионом и не с Европой в целом, а именно с Германией. В результате наиболее рациональным оказалось возвращение территории в состав Германии, поддержанное жителями Саара на референдуме.

---

[132] Wolff S. Disputed territories: the transnational dynamics of ethnic conflict settlement. P. 79.

Южный Тироль, по Вульфу, является примером успешного применения консоциативного институционального устройства. Соглашение между центром и представителями данного региона стало возможным благодаря двухуровневому подходу итальянского правительства, обсуждавшего условия урегулирования конфликта как на региональном уровне (с представителями немецкоговорящего населения Южного Тироля), так и на международном (с представителями правительства Австрии). Успешную реализацию данного соглашения обеспечили склонность к достижению компромисса, продемонстрированная всеми участниками соглашения, отсутствие межэтнического конфликта, и поддержка Австрией мирного урегулирования конфликта с сохранением территории в составе Италии.

Отмечается, что институциональный дизайн, использовавшийся для разрешения данного конфликта, включал и некоторые черты интегративного подхода. Так, основная часть статей автономного статута 1972 года предполагала усиление региона в целом и предполагала процедуры, способствующие взаимодействию различных этнических групп Южного Тироля. Тем не менее, в остальном институциональная система соответствовала теории консоционализма, предполагая формализованные механизмы разделения власти: коалиционное правительство, ротацию высших должностных лиц в соответствии с принадлежностью к определенной этнической группе, процедуры принятия решений, позволявшие этническим группам требовать «раздельного голосования» по вопросам, затрагивающим интересы. Автономный статут 2001 года гарантировал и расширил автономию Южного Тироля, предоставив властям провинции определять, в частности, тип выборов на уровне провинции, закрепив достижения предыдущей системы. Отметим, что одной из главных причин успеха консоциативной системы в Южном Тироле, по Вульфу, являлась гибкость процесса ее установления: в данном случае, фактически, удалось устранить один из главных недостатков консоциативной демократии, часто подвергающийся критике.

Консоциативные институты, как отмечает С. Вульф, использовались и при урегулировании конфликта в Северной Ирландии. Однако, при установлении институциональной системы в данном регионе требовалось участие акторов не только из Великобритании, но и из Республики Ирландии. Поэтому система, основанная Белфастским соглашением, оказалась неустойчивой, хрупкой и во многом непредсказуемой, поскольку по-прежнему зависит от взаимодействия и стремления к компромиссу политических акторов из Белфаста, Лондона и Дублина.

Кондоминиум (совместное управление определенной территорией, осуществляемое представительствами нескольких государств) не использовался как средство урегулирования внутригосударственных межэтнических конфликтов – только как способ разрешения территориальных споров государств (Вульф рассматривает примеры успешного франко-испанского кондоминиума на территории Андорры и относительно неудачного англо-французского кондоминиума Новые Гебриды). Тем не менее, как отмечает автор, теоретически, в условиях наличия активного этнического меньшинства и вовлеченного в конфликт «родственного» государства (государства, часть представителей преобладающей этнической группы которого эмигрировала в другое государство («принимающее», host-state) или вошла в число его граждан в результате изменения границ государств, образовав этническое меньшинство в его составе), такая стратегия могла бы применяться и для разрешения межэтнических конфликтов.

Поскольку С. Вульф при формировании списка условий применения интегративной и консоциативной моделей опирается на европейские кейсы, можно сделать вывод о применимости данных моделей в условиях европейских государств (за исключением демократического кондоминиума, чья применимость в условиях внутригосударственных межэтнических конфликтов в целом пока не подтверждается и не опровергается практикой). Интересны замечания Вульфа о том, что для интеграции в большей степени подходят государства, в состав населения которого входят различающиеся по численности и влиянию группы,

чьи этнические различия относятся скорее к социокультурной сфере. Для консоциативной демократии, соответственно, более подходящими оказываются государства с числовым и силовым балансом групп, обладающих общими интересами, но при этом характеризующихся глубокими этническими различиями. Общие интересы сторон конфликта обеспечивают возможность фукционирования консоциативной модели, компенсируя потенциально опасные для целостности государства открытость консоциативных институтов для сепаратистов и институциализацию межгрупповых границ. Многие выявленные Вульфом условия можно называть очевидными: так, указывается, что для применения интегративного или консоциативного подхода к разрешению конфликтов требуется поддержка со стороны населения и политических элит и опыт применения соответствующих техник в прошлом. Впрочем, вероятно, без упоминания этих условий анализ конфликта был бы неполным.

Однако, благоприятные для соответствующего институционального дизайна условия, связанный с деятельностью внешних акторов, на наш взгляд, требуют уточнения. Помимо политических элит и населения «принимающего» государства (в англоязычной литературе host-state) и «родственного» государства (в англоязычной литературе kin-state), необходимо учитывать влияние акторов из других государств, претендующих на защиту интересов тех или иных этнических групп, а также других государств-членов ЕС и наднациональных структур ЕС. Последние у Вульфа объединяются общей категорией «международный контекст» (см. таблицу 2); причины, по которым объединять наднациональный и межправительственный уровни институционального урегулирования конфликтов, на наш взгляд, не следует, будут более подробно рассмотрены ниже.

Как бы то ни было, деятельность акторов упомянутых уровней может определять национальную политику урегулирования конфликтов: так, возможность реализации интегративистской модели в современном Европейском союзе ограничена нормами ЕС, защищающими права меньшинств, и сложившейся практикой осуждения европейскими политиками «излишне жестких» действий представителей центра, стремящихся обеспечить сохранение

мира и территориальной целостности соответствующего государства. Данная дилемма, вероятно, характерна для всех территориальных конфликтов ЕС.

Сепаратизм обычно сопровождается нарушением единства и территориальной целостности государства, что может привести к серьезному конфликту, порой - межгосударственному. С другой стороны, нельзя не признать, что предпосылки сепаратизма часто связаны с нарушением прав человека, этнических, национальных, религиозных групп. Данное противоречие не было устранено при составлении документов, представляющих собой фундаментальную основу современного международного права, что в настоящее время позволяет правительствам государств, чья территориальная целостность оказалась под угрозой, и сепаратистам цитировать противоречащие друг другу принципы международного права, доказывая правомерность своих действий.

Так, сепаратисты ссылаются на принцип равноправия и самоопределения наций, сформулированный в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г. Право народов на самоопределение, по Декларации, реализуется следующими способами: «созданием суверенного и независимого государства, свободным присоединением к независимому государству или объединением с ним, или установлением любого другого политического статуса, свободно определенного народом»[133].

Однако, согласно принципу суверенного равенства государств, закрепленному в данной Декларации, «территориальная целостность и политическая независимость государства неприкосновенны»[134]. Тем не менее, в данном документе указывается, что ничто в пунктах, характеризующих принцип равноправия и самоопределения народов, «не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или частичному или полному нарушению территориальной

---

[133] Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами от 24 октября 1970 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 12.01.2016).
[134] Там же.

целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих принцип равноправия и самоопределения народов»[135], то есть государств, воздерживающихся от «каких-либо насильственных действий, лишающих народы… их права на самоопределение, свободу и независимость»[136]. Указанное право включает в себя право свободно «определять политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие»[137]. Другими словами, поскольку каждый принцип Декларации должен рассматриваться «в свете других принципов»[138], исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что документ предполагает возможность нарушения территориальной целостности государств, не соблюдающих принцип равноправия и самоопределения народов. Опыт истории показывает, что представления разных политических сил об условиях, при которых упомянутый принцип следует считать соблюденным, могут отличаться друг от друга коренным образом. Более того, согласно консультативному заключению Международного Суда ООН по вопросу о соответствии одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права, вынесенному 22 июля 2010 года, «охват принципа территориальной целостности сводится к сфере межгосударственных отношений»[139], из чего следует, что отделение территории и последующее создание нового суверенного и независимого государства не противоречит принципу территориальной целостности.

Тем не менее, современное международное право не устанавливает четкие критерии государственности и законного отделения[140], что создает пространство для дискуссии о правомерности каждого требования о независимости или воссоединении территорий. Политические деятели и исследователи политики

---

[135] Там же.
[136] Там же.
[137] Там же.
[138] Там же.
[139] Соответствие одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. Нью-Йорк: ООН, 2014. С. 155–178.
[140] Резолюция Совета Безопасности ООН 1832 от 27 августа 2008 г. URL: https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2011]/[Oct2011]/Res1832_rus.asp (дата обращения: 12.01.2016).

неоднократно предлагали согласовать основы государственности, установив, в каких случаях создание новых государств может быть одобрено. Так, Р.Хаас предлагает рассматривать требования о создании новых государств в случае, когда выполняются следующие условия: данное требование поддерживается населением, существуют исторические обоснования и неоспоримые аргументы в пользу появления нового государства, и новое государственное образование жизнеспособно[141]. Фактически, это наиболее распространенные факторы, на отсутствие которых указывают правительства столкнувшихся с угрозой отделения государств, обосновывая утверждение о беспочвенности требований сепаратистов. Однако, как указывалось выше, на данный момент в международном праве эти критерии не закреплены. Соответственно, в каждом конкретном случае действия сторон конфликта, как с правовой, так и с моральной точки зрения, оцениваются со стороны «внешних» акторов, что может ограничить перечень возможных действий представителей национального государства. Примером могут служить события каталонского кризиса, который будет подробно проанализирован ниже.

Таблица 2. Общий обзор факторов урегулирования межэтнических конфликтов (по С. Вульфу)[142]

Условия в спорной территории	Условия в «принимающем» государстве	Условия в «родственном» государстве	Международный контекст
- Межэтническое взаимодействие • Историческое развитие • Уровень и природа	**- Историческое развитие** **- Политика** • Внутренняя • Внешняя	**- Историческое развитие** **- Политика** • Внутренняя • Внешняя	**- Геополитическое значение территории** **- Уровень интеграции**

[141] Haass R.N. World order 2.0. The case for sovereign obligation // Foreign Affairs. URL: https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2011]/[Oct2011]/Res1832_rus.asp (accessed: 12.04.2018).

[142] Wolff S. Disputed territories: the transnational dynamics of ethnic conflict settlement. New York: Berghahn Books, 2004. 258 p. P. 227.

действующего конфликта • Число проблемных вопросов • Уровень кооперации между этническими группами и элитами • Разделяемые интересы Кливажи • Конкуренция между политическими партиями **- Внутриэтническое взаимодействие** • Историческое развитие • Уровень политического консенсуса по конечной цели • Соревнование между политическими партиями **- Социально-политическая структура** • Этническая			**государства в международные отношения** **- Региональные союзы и группы интересов** **- Давление на стороны конфликта**

гомогенность территории • Этническая сегментация • Численное соотношение групп • Распределение власти между группами			

Помимо рассмотренных ранее недочетов, классификация Вульфа предназначена для рассмотрения территориальных конфликтов; для анализа нетерриториальных межэтнических конфликтов потребуется внести в эту классификацию ряд терминологических изменений.

Структурированного выделения в работах, посвященных урегулированию межэтнических конфликтов, более подробного, чем у Вульфа, ряда условий применения той или иной институциональной системы, к сожалению, не наблюдается. С этим связано отмеченное Горовицем явление: выявление условий применения определенных подходов к институциональному урегулированию межэтнических конфликтов по-прежнему остается одной из наиболее значимых современных проблем в рассматриваемой области политической теории[143].

Таким образом:

1. В настоящее время наиболее известными подходами к институциональным условиям предотвращения и разрешения межэтнических конфликтов остаются консоционализм и интеграционизм, основоположниками которых являются А. Лейпхарт и Д. Горовиц соответственно. Для данных подходов приоритетными являются разные демократические ценности: если для консоционализма наиболее важной ценностью является включенность (inclusion),

[143] Horowitz D.L. Ethnic power-sharing and democracy: three big problems // Journal of democracy. 2014. Vol. 25. № 2. P. 5-20.

взаимодействие всех основных «единиц» общества, при котором ни одна из них не оказывается в течение длительного времени в изоляции, то для интегративного подхода (центрипетализма) такой ценностью является умеренность (moderation), готовность политических акторов к компромиссу с оппонентами.

2. Однако, в настоящее время интеграционизм и консоционализм сближаются, стремясь преодолеть ограничения, присущие традиционным версиям предлагаемых ими моделей институционального дизайна. Данный процесс порождает новые подходы к институциональным условиям разрешения межэтнических конфликтов (Приложение 1). Так, делиберативный подход, концентрирующийся не на ценностях включенности и умеренности, а на публичности (publicity) и взаимодействии (reciprocity), рассматривает сочетание институтов, рекомендованных интегративным и консоциативным подходами. Составной подход предлагает анализировать определенные кейсы, используя и интегративные, и консоциативные категории, связывая использование определенных институтов со сложившимися в конкретном государстве условиями. Такой гибкий подход представляется нам перспективным, поскольку на территории Европейского союза в настоящее время на динамику межэтнических конфликтов влияет большее число факторов соответственно, определяющих специфику институционального дизайна, подходящего для урегулирования таких конфликтов в конкретном государстве (что связано с расширением сферы компетенции наднациональных и других «внешних» акторов в процессе углубления Европейской интеграции в 1992–2009 гг.).

Итак, рассмотренные в текущей главе данные приводят нас к следующим выводам:

1. У каждого из основных подходов к пониманию этничности (примордиализма, инструментализма, конструктивизма) есть сильные и слабые стороны. Примордиализм позволяет рассмотреть эмоциональные аспекты межэтнических конфликтов, но не объясняет причину высокого уровня напряженности в одних разделенных обществах и низкого – в других, а также в наименьшей степени (по сравнению с другими подходами) уделяет внимание

возможностям урегулирования конфликтов в полиэтничных государствах. Инструментализм, напротив, рассматривает рациональные аспекты появления межэтнических конфликтов, но не учитывает эмоциональные и фактически предлагает модель, подходящую для описания механизма взаимодействия политических групп в целом, но не учитывающую этническую специфику. Конструктивизм, как подход, созданный для «примирения» предыдущих двух, позволяет устранить многие присущие им недочеты. Анализируя ситуации, в которых политические акторы манипулируют нарративами, используют язык и символы, формируя представление этнической группы об истории и тем самым определяя характер текущих отношений этой группы с окружающим миром, конструктивисты отмечают, что эскалация конфликта происходит в результате совпадения нескольких факторов, не ограничивающихся политической волей определенной группы. Рассмотреть эмоциональные аспекты конфликта, мало изучаемые конструктивизмом, можно не только в рамках примордиалистского подхода, но и с помощью теорий идентичности, сформированных на основе постструктурализма, более близкого конструктивизму. Таким образом, для анализа рассматриваемых в работе процессов на макроуровне приемлемым оказывается конструктивистский подход, на микроуровне – постструктуралистский.

2. В качестве межэтнического в данной работе рассматривается любой конфликт между группами людей, считающих себя самобытным культурным сообществом, объединенным религией, родственными связями и/или общими физическими признаками. Урегулирование конфликта достигается в случае, если достигнутое состояние взаимоотношений в обществе удовлетворяет интересы и нужды соответствующих этнических групп в трактовке наиболее влиятельных представителей сторон конфликта.

3. Рассмотрение ключевых особенностей теоретических моделей институционального урегулирования межэтнических конфликтов в работах сторонников консоциативного и интегративного подходов и реализации этих моделей на практике приводит нас к выводу, что успешному урегулированию

межэтнического конфликта часто сопутствует применение не собственно консоциативного подхода, стремящегося к включению в процесс принятия решений представителей всех межэтнических групп, или интегративного, фокусирующегося на вовлечении в этот процесс в первую очередь умеренных, готовых к компромиссу акторов, но их «смеси». Соответствующая политика стремится разрешить дилемму соблюдения прав этнических групп (представляющую высшую ценность для консоциативного подхода) и сохранения целостности государства (что можно считать приоритетной целью интегративной модели), создав условия для игры с ненулевой суммой.

4. Это свидетельствует об актуальности теоретических подходов, предполагающих приемлемость комбинированного институционального дизайна, сочетающего в себе как консоциативные, так и интегративные техники снижения напряженности – делиберативного и составного. Однако, отсутствие примеров реализации делиберативной модели в виде, близком к ее «идеальному» теоретическому описанию (предполагающему публичность принятия решений и активное взаимодействие участников с множественной идентичностью, ведущие к всестороннему обеспечению прав не члена определенной группы, но человека как такового), склоняет нас к составному подходу, который предлагает анализировать определенные кейсы, используя и интегративные, и консоциативные категории, связывая использование определенных институтов со сложившимися в конкретном государстве условиями.

5. На территории Европейского союза в настоящее время на динамику межэтнических конфликтов влияет большее число факторов соответственно, определяющих специфику институционального дизайна, подходящего для урегулирования таких конфликтов в конкретном государстве (что связано с расширением сферы компетенции наднациональных и других «внешних» акторов в процессе углубления Европейской интеграции в 1992–2009 гг.). Так, разрешение упомянутой дилеммы соблюдения прав этнических групп и сохранения целостности государств ЕС посредством выбора только одной из двух указанных целей в современных условиях представляется невозможным, предполагая отказ

политиков либо от «национальных» ценностей (в частности, положения о неприкосновенности территориальной целостности и политической независимости государств, закрепленного в Декларации о принципах международного права), либо от ценностей «европейских» (в том числе, принципа равноправия и самоопределения наций, реализуемого «созданием суверенного и независимого государства, свободным присоединением к независимому государству или объединением с ним или установлением любого другого политического статуса», согласно упомянутой ранее Декларации о принципах международного права). Поэтому составной подход Т. Вульфа оказывается для данной работы наиболее актуальным из представленных.

6. Чтобы обосновать необходимость использования системы факторов Т. Вульфа (с некоторыми уточнениями), и далее – классифицировать вариации институционального дизайна и определить, в каких случаях они эффективны в урегулировании конфликтов, необходимо рассмотреть виды наиболее активных в настоящее время межэтнических конфликтов на территории ЕС и выявить различия влияющих на их развитие факторов.

Глава 2 Межэтнические конфликты в странах Европейского союза

Расширение числа факторов урегулирования межэтнических конфликтов в странах Европейского союза обусловлено существованием на территории ЕС не только национальных, но и наднациональных и межрегиональных идентичностей и акторов. Их наличие усложняет взаимодействие сторон конфликтов, предполагая вовлеченность в процесс развертывания внутригосударственных межэтнических конфликтов «внешних акторов», которым теоретики институционального дизайна традиционно уделяли меньшее внимание.

Вид акторов, вовлеченных в ход межэтнического конфликта, будет зависеть от вида межэтнического конфликта. Такие конфликты можно разделить на две категории: территориальные и нетерриториальные. Конфликты первого вида связаны с деятельностью сепаратистских движений, выступающих за усиление политической роли определенной территории, вплоть до получения суверенитета, что встречает сопротивление национальных институтов данной страны. При этом сепаратизм может приобретать форму сецессии (сепаратизм, направленный на отделение и создание суверенного государства), ирредентизма (сепаратизм, направленный на воссоединение определенного этноса путем объединения в форме нового государства территорий, в настоящее время входящих в состав различных государства, либо на переход определенной территории в состав соседнего государства), и в форме политической автономизации (в данном случае сепаратистское движение стремится к расширению прав и привилегий территории, не посягая на целостность государства)[144].

---

[144] Домарева М.А. Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации: автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.01. М., 2004. С. 18.

Нетерриториальные межэтнические конфликты не связаны с претензией определенной группы на суверенитет на пространстве определенного региона, что характерно для этнических групп, «рассеянных» по территории определенного государства, не сосредоточенных в границах определенной территории; в данном случае группа может стремиться к расширению своих прав, полномочий и влияния на всей территории государства. Миграционные процессы, столкновение культур, проблемы интеграции и глобализации создают ситуацию межэтнической напряженности, для снижения уровня которой необходимы новые, еще не сформированные механизмы.

И территориальные, и нетерриториальные межэтнические конфликты могут быть вызваны экономическими, историческими, географическими, расовыми, внутриполитическими, внешнеполитическими, идеологическими, религиозными, демографическими, пацифистскими и др. предпосылками. Особенно значимыми оказываются внешнеполитические предпосылки, поскольку в разрешении базирующихся на них конфликтов обычно задействованы внешние акторы, не всегда обладающие официальным статусом участников процесса принятия решений, и не все институты урегулирования подобных конфликтов формируются в пределах нормативных границ национальных законодательств, что было характерным для рассмотренных выше «классических» моделей институционального разрешения.

При выборе кейсов для анализа учитывались такие факторы, как членство в ЕС государства, на территории которого происходит межэтнический конфликт, вид конфликта, динамика и сформированность политических институтов его урегулирования.

Необходимо упомянуть, что примеры государств, в прошлом входивших в состав Социалистической Федеративной Республики Югославии, в данной работе не рассматриваются в силу специфики характерных для данного региона политических институтов урегулирования межэтнических конфликтов, а также по причине отсутствия членства в ЕС у большинства подобных государств. По схожим причинам из рассмотрения исключается кипрский конфликт, который,

помимо специфического «колониального» характера, отличается практически полным отсутствием институтов урегулирования конфликта, в настоящее время считающегося замороженным и предполагающего взаимное игнорирование Республики Кипр со стороны Турции, Турецкой Республики Северного Кипра со стороны государств ЕС. Кроме того, рассматриваются не все текущие межэтнические конфликты на территории Европейского союза: так, не анализируются кейсы Уэльса, Корнуолла и Корсики, относящиеся к тому же виду конфликта, что и североирландский, шотландский и южнотирольский конфликты, но в настоящее время характеризующиеся меньшей напряженностью. Не приводится близкий австрийскому случаю кейс Германии, поскольку, на наш взгляд, в данном случае при анализе эпизодов столкновений между «коренными» жителями Германии и переместившимися на ее территорию людьми (не только иммигрантами, но и беженцами) с 2015 года сложно определить, идет ли речь о межэтническом конфликте (с участием людей, составляющих этническую группу), или же в данном случае наблюдается социальный конфликт, вовлеченные в который группы людей определяются, скорее, не этнической идентичностью, но экономическим и правовым статусом.

Таким образом, исследование не охватывает конфликты, в основном затрагивающие территории государств, не входящих в состав Европейского союза, а также конфликты, вид которых уже представлен в данной работе, при этом характеризовавшиеся меньшей активностью в рассматриваемый в работе период времени, и замороженные конфликты, стороны которых фактически не связаны институтами урегулирования межэтнического конфликта.

2.1. Этнотерриториальные конфликты

Страны ЕС, в которых в настоящее время сильны сепаратистские настроения, можно разделить на две категории. К первой относятся государства, сформировавшиеся достаточно давно, конфликт в которых имеет долгую, насыщенную событиями историю развития (например, Великобритания и Испания). С одной стороны, в таких государствах часть жителей не желает менять устоявшийся за века порядок, а потому не поддерживает идею превращения своего региона в независимое государство. С другой стороны, накопленный груз взаимных обид способствует сецессионистским настроениям.

Ко второй категории относятся «молодые» государства (в частности, Италия и Бельгия). Недолгое совместное существование, а порой и история некоторых регионов, в прошлом являвшихся независимыми государствами, заставляет задумываться об отделении. Однако, националистические движения в таких государствах часто не склонны к решительным мерам, а идеи единого государства еще не успели померкнуть.

Отметим, что необходимо разделять реальные и декларируемые цели сепаратистов: несмотря на схожие идеологические основы, сепаратистские движения преследуют различающиеся цели, далеко не всегда связанные с получением независимости: в некоторых регионах идеи отделения являются скорее средством привлечения сторонников (в том числе, «внешних» для государства, в котором действует движение) нежели стратегической целью определенных движений, что сказывается на методах и динамике урегулирования конфликтов.

Одним из наиболее значимых факторов внутреннего сепаратизма в Великобритании является ее выход из состава Европейского союза 1 февраля

2020 года, предоставляющий нам возможность оценить роль внешних факторов эскалации межэтнических конфликтов в Великобритании. Конфликт унионистов и сепаратистов в Северной Ирландии представляет пример ирредентизма, показывая, как происходит урегулирование конфликта национального государства, территории, стремящейся к отделению от него, и государства, к которому упомянутая территория стремится присоединиться (Соединенного Королевства, Северной Ирландии и Республики Ирландии соответственно). Значимой в данном случае будет и роль ЕС в урегулировании конфликта. Аналогичен пример конфликта жителей Южного Тироля и итальянцев, впрочем, по ряду рассмотренных в работе причин урегулированный более успешно, нежели североирландский.

Примером конфликта с участием этнической группы, стремящейся к территориальной автономии и ради этого выдвигающей сецессионистские лозунги, можно назвать каталонский кризис в Испаним. К тому же виду конфликта можно отнести более оптимистичный кейс Страны Басков.

Особенно важным нам представляется взаимодействие представителей Фландрии и Валлонии в Бельгии, институциональное устройство которой во многом стало образцом для основателей Европейского союза, что придает особое символическое значение целостности данного государства и способности различных политических сил достигать компромисса, несмотря на сохранение приверженности идеям сепаратизма части населения обоих регионов. В свою очередь, контекст интеграционных процессов в ЕС, вероятно, способен объяснить сохранение целостности Бельгии при слабой роли бельгийской идентичности. Напротив, негативным является влияние Brexit на ситуацию в Шотландии.

2.1.1. Ирредентизм: вопрос о государственных границах

Североирландский конфликт

Одним из наиболее известных межэтнических конфликтов Европейского союза является «Смута», или конфликт в Северной Ирландии, в 1960-х-1990-х годах выражавшийся в вооруженных столкновениях и террористических актах.

Фактически Северная Ирландия находится под властью английской короны с XVI века, после того как в 1541 году Генрих VII провозгласил себя королем Ирландии. С этого времени начинается и история конфликта Великобритании и ирландских сторонников идеи независимости. Стоит отметить, что после Реформации к этнической предпосылке, на которой изначально базировался ирландский сепаратизм, прибавилась религиозная: католическая Ирландия выступала против притеснений со стороны протестантской Англии.

В XIX веке началась эскалация конфликта: Великобритания принимала все более жестокие законы, направленные на дискриминацию населения Ирландии, что приводило к протестным выступлениям, и наоборот: на восстания сторонников независимости Лондон отвечал ужесточением политики. В итоге, в XX веке конфликт перешел в стадию вооруженного противостояния.

В 1919 г. в Дублине сепаратистами был создан ирландский парламент, провозгласивший независимость страны, сформированы независимые государственные учреждения. В ответ английское правительство применило насилие. Тогда ирландцы начали партизанскую войну, в результате которой правительство Великобритании в 1921 году вынуждено было предоставить 26 южным графствам статус доминиона – Ирландского свободного государства[145] (с 1937 – Эйре). Ольстер, состоявший из 6 суверенных графств, получил парламент и правительство.

Однако, Ирландская республиканская армия (ИРА) не удовлетворилась достигнутым. В начале 1920-х годов ИРА начала кампанию терроризма в Ольстере. Правительству удалось временно подавить действия ИРА: относительно спокойная обстановка сохранялась в период Второй мировой войны и в течение последующей декады. Однако, конфликт возобновился, когда в 1949

[145] Султыгов А. Х. А. Этнополитический конфликт в Северной Ирландии: прошлое и настоящее // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 168.

году Ирландия получила независимость, а Ольстер (Северная Ирландия) остался частью Великобритании. В середине 1950-х гг. ИРА возобновили террористические акции.

Кровопролитные столкновения, в которых гибли мирные жители, усиливали желание обеих сторон разрешить конфликт мирно, что привело к установлению в 1993 году принципа «открытых дверей» – приглашения за стол переговоров всех вовлеченных сторон с условием их отказа от насилия[146]. С этого времени, вероятно, наиболее значимым представителем ирландского сепаратизма является существующее с 1905 года движение Шинн Фейн (Sinn Fein – «Мы сами»), представители которого участвовали в разработке подписанного 10 апреля 1998 года Белфастского соглашения (Соглашения Страстной пятницы). Помимо Шинн Фейн, соглашение подписали представители Великобритании и Ирландии, а также ряд британских и ирландских партий (СДЛП, Ольстерская юнионистская партия и др.) Содержавшиеся в нем условия, включавшие возможность Северной Ирландии в будущем проголосовать за независимость региона, наряду с сосуществованием Ирландии и Великобритании в рамках Европейского союза, удовлетворили стороны конфликта.

Напряженность в отношениях жителей Северной Ирландии сохраняется, несмотря на то что объективные причины недовольства ирландцев в настоящее время устранены (была устранена дискриминация и установлена автономия), в Ирландии и в настоящее время действуют сепаратистские организации. Стоит отметить, что некоторые из них продолжают традиции прошлого. Ирландская республиканская армия (ИРА), признанная террористической организацией, продолжает считать Северную Ирландию оккупированной, и периодически устраивает теракты. Так, группировка «Новая Ирландская Республиканская Армия» взяла на себя ответственность за взрыв машины полицейского в Белфасте, произошедший 4 марта 2016 года[147], а также за взрыв автомобиля 19

---

[146] Султыгов А. Х. А. Этнополитический конфликт в Северной Ирландии: прошлое и настоящее // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 168-173.

[147] В Белфасте полиция нашла еще одну бомбу сепаратистов // «Вести» интернет-газета. 07.03.2016. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2728397 (дата обращения: 19.12.2017).

января 2019 года[148] и убийство журналистки Лайры Макри во время беспорядков 23 апреля 2019 года[149]. Данную группировку также обвиняют в подготовке взрывов в феврале 2017, ноябре 2018, августе 2019, апреле 2021[150].

Однако, текущий уровень напряженности не сравнится с прошлым: боевые действия и террор во время конфликта в Северной Ирландии 1960-х-1998 гг. унесли почти 3500 жизней. Воспоминания об этом, с одной стороны, наряду с воспоминаниями времени о жесткой политики в отношении ирландцев, создают основу для исторической предпосылки сохранения конфликта, но с другой стороны – не позволяют радикалам получить поддержку населения. Действия ИРА дискредитируют ирландские сепаратистские организации, предпочитающие легальные методы: партия «Шинн Фейн» (ирл. Sinn Féin — «мы сами»), получила право участия в легальной политической борьбе при условии отказа ИРА от вооруженных выступлений, о чем унионисты напоминают ее представителям после каждого теракта ИРА.

Североирландское сепаратистское движение в целом характеризуется устойчивыми устремлениями и продолжает выступать за отделение Северной Ирландии от Великобритании и последующее воссоединений с Республикой Ирландией. Такая позиция, на наш взгляд, объясняется именно тем, что ирландский сепаратизм основывается на политических предпосылках, то есть стремлении к самоопределению и созданию собственных государственных институтов, этнических предпосылках – ирландской идентичности, желании населения Ольстера воссоздать единую Ирландию, исторических предпосылках – разделяющей ирландцев и англичан истории выступлений и памяти о жертвах столкновений, и религиозных предпосылках – конфликте протестантов и католиков.

---

[148] "ИРА" взяла на себя ответственность за взрыв в Северной Ирландии // РИА НОВОСТИ. 29.01.2019. URL: https://ria.ru/20190129/1550086284.html (дата обращения: 10.02.2019).

[149] New IRA admits murder of journalist Lyra McKee and offers 'sincere apologies' // The Irish News. 23.04.2019. URL: https://www.irishnews.com/news/northernirelandnews/2019/04/23/news/dissident-republican-new-ira-group-admit-murder-of-journalist-lyra-mckee-and-offer-sincere-apologies--1603611/ (accessed: 30.04.2018).

[150] Dungiven bomb plot: New IRA admit responsibility for attempted attack on PSNI officer // Belfast Telegraph. 22.04.2021. URL: https://www.belfasttelegraph.co.uk/news/northern-ireland/dungiven-bomb-plot-new-ira-admit-responsibility-for-attempted-attack-on-psni-officer-40343105.html (accessed: 10.07.2022).

Отметим, что последняя предпосылка означает и наличие разногласий между двумя основными религиозными группами Северной Ирландии, которое не позволяет ирландцам объединиться в борьбе за отделение от Великобритании. Унионисты Северной Ирландии, в основном – протестанты, предки которых были выходцами из других регионов Великобритании, выступают за сохранение единства государства. С одной стороны, их деятельность ослабляет позиции ирредентистов, с другой – углубляет раскол в обществе и приводит не к разрешению, а, скорее, к заморозке конфликта. Традиционно даже на выборах в Ассамблею Северной Ирландии «Шинн Фейн» и Социал-демократическая и лейбористская партия (СДЛП) уступают унионистским партиям, хотя поддержка сепаратистов остается достаточной для того, чтобы формируемый Ассамблеей Исполнительный Комитет Северной Ирландии включал представителей Шинн Фейн и СДЛП. Поэтому принятие решений часто сопровождается ожесточенными дискуссиями унионистов и сепаратистов, что периодически приводит к кризису власти в регионе, впрочем, обычно разрешаемому легально, мирным путем[151], что характеризует ход конфликта в целом.

Однако, вероятно, наиболее значимым фактором низкой поддержки сепаратизма в Северной Ирландии, препятствующей переходу конфликта в активную фазу, можно назвать режим прозрачности границ, установленный рядом международных соглашений (в том числе, Белфастского и соглашений, определяющих взаимодействие государств-членов Европейского союза). Указанные проблемы ирландского сепаратистского движения объясняют результаты социологических опросов 2015–2016 гг.[152], согласно которым жители Северной Ирландии не поддерживали идею отделения.

Основой для нового подъема ирландского сепаратизма могло стать только событие, существенно меняющее status quo. Таким событием стало решение о выходе Великобритании из состава Европейского союза.

---

[151] Paisley and McGuinness sworn in as power-sharing revived // The Guardian. 08.05.2007. URL: https://www.theguardian.com/uk/2007/may/08/northernireland.northernireland4 (accessed: 22.03.2018).
[152] Ireland’s Call // RTÉ. 05.11.2015. URL: https://www.rte.ie/culture/2022/1022/1329756-irelands-call-david-mccullagh-on-the-twists-and-turns-of-brexit/ (accessed: 22.03.2017).

Еще до проведения референдума о членстве Великобритании в ЕС Мартин Макгиннес, представитель Шинн Фейн, заявил, что в случае выхода страны из ЕС необходимо провести референдум об отделении Ольстера от Великобритании и присоединении к Ирландии[153]. После того, как стало известно о том, что выход Великобритании из состава ЕС будет осуществлен, число сторонников идеи отделения Северной Ирландии резко возросло.

Одной из предпосылок подъема сепаратистских настроений стала перспектива восстановления государственной границы между Северной Ирландией и Республикой Ирландией, о чем свидетельствует рост числа заявлений жителей Северной Ирландии на получение гражданства Республики Ирландии в 2016–2017 годах[154]. Данная проблема остается актуальной и в настоящее время. В декабре 2017 года в результате переговоров между Великобританией и Европейским союзом была достигнута договоренность о «смягчении» статуса границы[155], в 2019 году был принят Североирландский протокол к соглашению о «Brexit»[156], призванный обеспечить свободу передвижения жителей ЕС и Великобритании и успешную торговлю между государствами-членами Европейского союза и Соединенным Королевством. Однако, сформированный институт границы оказался несовершенным, а готовность сторон конфликта к поиску компромисса – легко подвергаемой сомнению. В 2021 году со стороны Еврокомиссии поступило предложение ввести частичный таможенный контроль, ограничивающий ввоз вакцин от коронавируса, правительство Великобритании сообщило о стремлении ужесточить условия

---

[153] Kroet C. Call for united Ireland vote if UK leaves EU // POLITICO. 03.11.16. URL: http://www.politico.eu/article/united-ireland-vote-if-uk-leaves-eu-brexit-referendum/ (accessed: 19.12.2017).

[154] Bulman M. Brexit blamed as number of Britons applying for Irish passports rises by two thirds // Independent. 16.04.2017. URL: https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/irish-passport-british-brexit-people-applying-charlie-flanagan-a7685981.html (accessed: 15.02.2018).

[155] Brexit: no transition deal for Gibraltar, EU officials confirm – as it happened // The Guardian. 08.12.2017. URL: https://amp.theguardian.com/politics/live/2017/dec/08/brexit-border-eu-theresa-may-juncker-tusk-markets-live (accessed: 20.03.2018).

[156] Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community // Official Journal of the European Union. 31.01.2020. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:12020W/TXT&from=EN (accessed: 20.07.2022).

транзита товаров из Соединенного Королевства в ЕС[157], что свидетельствовало об усилении напряженности между Великобританией и Европейским союзом. На протяжении 2022 года напряженность, связанная с необходимостью разрешения проблемы границы, сохранялась. Однако, 27 февраля 2023 года было заключено соглашение по Североирландскому протоколу, призванное обеспечить целостность единого рынка ЕС[158], создавая «зеленую зону» движения товаров в Северную Ирландию. 24 марта 2023 года представителями МИД Великобритании и Еврокомиссии было подписано новое торговое соглашение, Виндзорская концепция, упрощающая процедуру ввоза товаров в Северную Ирландию из других регионов Великобритании, за исключением продукции, в дальнейшем направляемой в Ирландию[159]. По высказыванию главы МИД Великобритании Дж. Клеверли, данное соглашение «защищает единый рынок ЕС, внутренний рынок Великобритании и, что наиболее важно, элементы Белфастского соглашения»[160].

В целом, выход Великобритании из состава Европейского союза и сопутствующие ему изменения правил торговли с государствами Европейского союза способствовали новому подъему сепаратизма в Северной Ирландии[161]: современный ирландский сепаратизм приобрел серьезную экономическую предпосылку. Выход Великобритании из состава Европейского союза оказался сопряжен с оттоком зарубежных финансовых структур и инвестиций и трудностями в перемещении товаров на протяжении всего процесса установления нового режима функционирования границы, что, в свою очередь, вызвало недовольство граждан, в том числе, ирландцев. Следствием их недовольства сложившейся ситуацией, вероятно, стала первая в истории Шинн Фейн победа на выборах в Ассамблею Северной Ирландии в мае 2022 года. Виндзорская

---

[157] Джонсон: изменение Североирландского протокола не повлияет на торговлю с ЕС // РИА Новости. 17.05.2022. URL: https://ria.ru/20220517/protokol-1789067583.html (дата обращения: 20.07.2022).

[158] Protocol on Ireland and Northern Ireland // An official website of the European Union. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/relations-non-eu-countries/relations-united-kingdom/eu-uk-withdrawal-agreement/protocol-ireland-and-northern-ireland_en (accessed: 01.04.2023).

[159] Великобритания и ЕС подписали новое торговое соглашение по Северной Ирландии // ТАСС. 25.03.2023. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17366787 (дата обращения: 01.04.2023).

[160] Там же.

[161] Boffey D., Rankin J. EU publishes plan to keep Northern Ireland in customs union // Guardian. 28.02.2018. URL: https://www.theguardian.com/politics/2018/feb/28/eu-publishes-plan-to-keep-northern-ireland-in-customs-union (дата обращения: 10.04.2018).

концепция снизила недовольство среди сепаратистов, но не среди унионистов: Демократическая унионистская партия отказалась участвовать в формировании правительства Северной Ирландии[162], что означает, с одной стороны, сохранение напряженности между представителями Великобритании и ирландскими унионистами, с другой – укрепление позиций Шинн Фейн в Ольстере.

Таким образом, для ситуации Северной Ирландии оказались весьма значимыми наднациональные институты ЕС, существовавшие на момент создания межгосударственного соглашения Ирландии и Великобритании и определявшие формат работы границ. Сохранение этого формата в новых условиях позволило бы замедлить рост напряженности в регионе. Однако, коммуникативные неудачи во время процесса переговоров привлекают внимание жителей Северной Ирландии к еще одному следствию «Brexit»: возможности Северной Ирландии при отделении от Великобритании не покинуть ЕС, а, наоборот, вернуться в ряды его членов в составе Республики Ирландии без каких-либо санкций со стороны Брюсселя, что означает, что сдерживающих конфликт факторов становится все меньше.

Другой пример урегулирования межэтнического конфликта связан с историей государства, в его современном виде сформировавшегося достаточно поздно – Италии.

Конфликт в Южном Тироле

Территория Южного Тироля до 1920 года входила в состав Австро-Венгерской Империи и была включена в состав Италии после Первой мировой войны.

Сепаратистские движения в Южном Тироле активизировались после окончания Второй мировой войны. Тогда появился «Комитет освобождения Южного Тироля», причудливо сочетавший террор и стремление избежать жертв: основная часть акций состояла в подрывах зданий, которые осуществлялись

[162] Ананьева Е. 25 лет Белфастскому соглашению. Неладно что-то в «особых отношениях» // РСМД. 21.04.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/25-let-belfastskomu-soglasheniyu-neladno-chto-to-v-osobykh-otnosheniyakh/ (accessed: 21.04.2023).

ночью, когда людей в зданиях не было. Целью террористов было привлечение внимания мировой общественности к дискриминации немецкого меньшинства.

Террористические акции продолжались до конца 1960-х гг., когда Италия под давлением мирового сообщества была вынуждена пойти на уступки. В 1969 году Италия и Австрия пришли к решению, удовлетворившему все стороны конфликта[163]: Южный Тироль остался в составе Италии, однако получил права расширенной автономии.

В настоящее время взгляды наиболее категоричных тирольских сепаратистов можно выразить высказыванием оппозиционного политика и сооснователя партии «Свобода Южного Тироля» Евы Клотц: «Италия – оккупационная держава, которая не имеет права управлять нашим регионом и вмешиваться в нашу жизнь»[164]. Как гласит декларация партии «Свобода Южного Тироля», «Около 350 тысяч немецкоязычных граждан Южного Тироля живут на этой аннексированной территории, прилагая все усилия к тому, чтобы сохранить свои традиции и обычаи, но задача сохранения своего культурного наследия на территории иностранного государства является серьезным вызовом для каждого. Более того, Италия находится на грани банкротства, и даже наш богатый регион страдает от экономической нестабильности. Мы убеждены, что единственный способ для нас остаться процветающим регионом – отделиться от Италии». Отметим, что, как и прочие северные регионы Италии, Южный Тироль отрицательно относится к налоговой политике центра и субсидированию южных регионов страны, таким образом, сочетая этнонациональную, историческую и экономическую предпосылки сепаратизма.

В мае 2014 года руководство партии «Свобода Южного Тироля» провело опрос среди жителей региона по вопросу отделения от Италии с последующим присоединением к Австрии. Проголосовали 61 000 граждан Южного Тироля, из которых 90% поддержали идею отделения. Однако, в регионе с населением более

---

[163] Австрия // Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/avstriya.html?page=0,15 (дата обращения: 01.03.2016).

[164] L'Ecosse fait rêver les indépendantistes du "Sud-Tyrol" italien // L'Express. 27.08.2014. URL: https://www.lexpress.fr/styles/l-ecosse-fait-rever-les-independantistes-du-sud-tyrol-italien_1570875.html (дата обращения: 01.04.2023).

500 000 человек этот результат не может быть показательным. В настоящее время не существует единой цели тирольских сепаратистов: одни выступают за обретение независимости, другие – за «возвращение» к Австрии, третьи – за получение более широкой автономии, (вероятно, в действительности большинство тирольских организаций преследует именно эту цель), есть даже сторонники присоединения к Швейцарии. Отсутствие единства целей затрудняет формирование продуманной программы действий и отрицательно сказывается на эффективности сепаратистского движения Южного Тироля. В свою очередь, неспособность тирольских сепаратистов консолидироваться, на наш взгляд, связана с результатами интеграционных процессов в 1990-х, которые оказали благотворное влияние на взаимоотношения между Италией, с одной стороны, и Южным Тиролем и Австрией, с другой: аналогично случаю Северной Ирландии, уменьшилось значение государственной границы между Италией и Австрией на территории исторического региона Тироля (захватывающего территории как Австрии, так и Италии), что удовлетворило стремление многих жителей Южного Тироля к воссоединению с более близким в культурном и лингвистическом отношении государством.

Кроме того, региональные сепаратистские движения в органах государственной власти Италии имеют еще меньший «вес», чем в Испании, а потому не могут претендовать на коренное изменение статус-кво. Так, Южнотирольская народная партия (нем. Südtiroler Volkspartei, итал. Partito Popolare Sudtirolese), крупнейшее легальное сепаратистское движение Южного Тироля, по результатам выборов в Палату Депутатов 2018 года получила 3 места, и столько же – на выборах в Сенат. Результаты Лиги значительно выше – 125 мест в Палате Депутатов и 58 мест в Сенате, но, вероятно, более высокие результаты достигнуты именно как следствие отказа Лиги от идей сепаратизма как основы идеологии партии и от образа регионалистской партии, партии Севера.

Другой причиной служит факт, уже упоминавшийся выше, актуальный для любого государства Европейского союза: экономически успешный регион,

добившись независимости, автоматически выйдет из состава Европейского союза, из зоны евро, и, следовательно, столкнется с рядом экономических проблем.

Соответственно, в рамках существующей системы наднациональных и межгосударственных институтов в ЕС, с точки зрения экономической предпосылки сецессия Южного Тироля представляется бессмысленной, в отличие от расширения автономии. Последняя же предполагает необходимость сохранения благоприятных для сотрудничества отношений с центром, что, вероятно, способствует усилению поддержки умеренных акторов, как это происходило и в рассмотренном выше примере Северной Ирландии.

Таким образом, урегулированию территориальных межэтнических конфликтов способствует наличие институтов наднационального уровня ЕС, обеспечивающих, с одной стороны, прозрачность границ и возможность перемещения граждан, с другой стороны – сложности для любого государства ЕС, которое попытается изменить существующие национальные границы. В данных условиях наиболее приемлемым для обеих сторон конфликта решением становится развитие трансграничных и межгосударственных институтов, поддерживающих этнокультурные связи, что снижает уровень поддержки радикальных движений и приводит к стабилизации ситуации.

2.1.2. Вопрос о пределах полномочий региональных институтов власти[165]: от автономии до сецессии[166]

В случае, если не существует «родственного» этнически и исторически государства, которое готово поддержать сепаратистов того или иного государства, соответствующий регион стремится или к сецессии, или к расширению автономии. Одним из актуальных примеров конфликта с участием такого региона можно назвать другой британский кейс – ситуацию в Шотландии.

Шотландский сепаратизм

Последствия Brextit в настоящее время вызвали подъем не только ирредентистского движения Северной Ирландии, но и активности шотландских сепаратистов, как выступающих за отделение территории, так и готовых довольствоваться расширением привилегий региона.

Отношения Шотландии с британским правительством на протяжении истории в целом носили мирный характер. Одной из причин этого является тот факт, что Шотландия добровольно вошла в союз с Англией, а не была завоевана, как Ирландия. В 1707 году вступил в силу Акт об Унии, согласно которому создавалось единое союзное государство – Великобритания. Стоит отметить, что Уния была выгодной для Шотландии, получившей возможность доступа к рынкам, принадлежавшим Англии. Поэтому, как утверждают некоторые

---

[165] Региональные институты власти – институты власти регионального уровня (определенного региона определенного государства).

[166] При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Филяева А.И. Почему Шотландия решила остаться в составе Великобритании? Причины поражения сепаратизма на референдуме о независимости Шотландии 18 сентября 2014 года // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Пятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2015». – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – С. 414-417.; Филяева А.И. Каталонский кризис сквозь призму Стэндфордской модели кризиса политического развития // Русская политология. 2019. № 3(12). С. 23-35.; Филяева А.И. «Языковые войны» в Бельгии // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Девятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2019» / [отв. редактор А.К. Сорокин]. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 427-431.; Филяева А.И. Информационные войны в этнических конфликтах: Шотландия накануне референдума о независимости 18 сентября 2014 года // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С. 371-375.

исследователи, шотландцы не воспринимали себя как «покоренных» или «культурно угнетаемых»[167], и в Шотландии долгое время не было предпосылок для серьезных выступлений против Лондона, а после их появления конфликт между шотландцами и англичанами не перешел на стадию вооруженного насилия.

Идея отделения стала популярной лишь в 1970-х годах. Некоторые ученые, в частности, М. Питток, считают, что причиной подъема сепаратистских настроений послужило введение политики государства всеобщего благосостояния, сопряженной с «централизацией и стандартизацией»[168]. Представители другой точки зрения, например, П.Сенклер, связывают это с началом разработок месторождения нефти и газа на Северном море. Тогда Шотландская национальная партия (ШНП) начала программу «Это шотландская нефть!», главная идея которой заключалась в том, что для Шотландии значительно более выгодно заниматься разработкой нефтяных месторождений самостоятельно, поскольку в настоящее время Лондон направляет на развитие Шотландии лишь малую часть доходов от добычи шотландской нефти. В результате поддержка ШНП возросла настолько, что на парламентских выборах в Великобритании 1974 года ШНП получила 30% голосов Шотландии, что позволило ей получить 11 мест в Палате общин[169]. На наш взгляд, успех данной программы свидетельствует в пользу подхода, выделяющего экономическую предпосылку как главный фактор усиления сепаратизма в Шотландии.

Увеличение числа сторонников идеи сепаратизма привело к необходимости поиска компромисса между Британским правительством и сепаратистами. Таким компромиссом стала идея деволюции, наиболее важным последствием разработки которой стало принятие 17 ноября 1998 года «Акта о Шотландии», согласно которому шотландцы получили право учредить свой парламент и администрацию

---

[167] Sinclair P.R. Review on “National Separatism” by Colin H. Williams // Canadian Journal of Sociology. June 1, 1984. P. 370-371.
[168] Ichijo A. Review on “The Road to Independence? Scotland in the Balance, revised and expanded” by M. Pittock // Nations and nationalism. 2014. V. 20. № 3. P. 588.
[169] Griffiths R.D., Savić I. Globalization and Separatism: The Influence of Internal and External Interdependence on the Strategies of Separatism // PGDT. 2009. № 8. P. 444.

во главе с первым министром. Так Шотландия получила ограниченную автономию в составе Великобритании. ШНП рассматривала это достижение как очередной шаг к отделению Шотландии от Великобритании и продолжила борьбу за независимость.

Получив на выборах в парламент Шотландии в 2011 году необходимое для формирования правительства большинство мест (69 из 129), ШНП вывела вопрос о независимости Шотландии на уровень референдума. Однако, референдум о независимости Шотландии 18 сентября 2014 года окончился поражением сепаратистов: 55,3 % проголосовавших (при том, что явка составила 84,6 %) отвергли независимость[170].

Впрочем, результаты референдума не уменьшили поддержку сепаратизма в регионе. Так, число членов ШНП значительно возросло: в декабре 2013 членами партии были 25000 человек, в июле 2016 число членов партии достигло 120000 человек[171], так что ШНП стала третьей по числу членов партией Великобритании. Кроме того, после выборов в парламент Великобритании 2015 года ШНП впервые в истории стала третьей по силе фракцией: партия получила 56 мест из 59 предоставляемых Шотландии[172]. Парламентские выборы в Великобритании, состоявшиеся 8 июня 2017 года и 12 декабря 2019 года, оказались не столь благоприятными для ШНП, принеся данной партии 35 мест и 48 мест соответственно. Тем не менее, ШНП сохранила третью позицию в Парламенте Великобритании. Кроме того, на выборах 2016 и 2021 гг. в Парламент Шотландии ШНП одержала победу, позволившую данной партии сформировать правительство. Позиции ШНП позволяют партии активно использовать легальные методы борьбы, активно участвуя в парламентских дискуссиях.

---

[170] Scottish independence referendum: final results in full // The Guardian. 18.09.2014. URL: https://www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2014/sep/18/-sp-scottish-independence-referendum-results-in-full (accessed: 10.04.2018).

[171] Apostolova V., Audickas L., Jackson L., Keen R. Membership of UK political parties // UK Parliament, Standard notes SN05125. URL: https://esrcpartymembersprojectorg.files.wordpress.com/2018/02/sn05125_hoc_membershipofukpoliticalparties.pdf (accessed: 28.03.2017).

[172] UK election 2017: full results // The Guardian. 09.06.2017. URL: https://www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2017/jun/08/live-uk-election-results-in-full-2017 (accessed: 28.09.2017).

Большинство предпосылок отделения Шотландии в настоящее время не актуальны. Так, этнической или религиозной дискриминации в Шотландии нет, борьба за независимость была мирной, и, в отличие от Ирландии, стороны конфликта не тяготит память о жертвах недавней вооруженной борьбы. Существование региона как части Соединенного Королевства не мешает Шотландии самостоятельно решать вопросы, относящиеся к сфере образования, транспорта, здравоохранения, культуры и окружающей среды, так что к ведению Лондона в настоящее время относится только сфера финансов, социальной и внешней политики. Кроме того, Шотландия всегда сохраняла независимую судебную систему, школьную и церковную организации[173]. Другими словами, историческая, политическая и этническая предпосылки в настоящее время не актуальны.

Кроме того, не может быть реализована полностью «пацифистская» предпосылка – перевод атомных субмарин, базирующихся в Шотландии, на территорию Англии обошелся бы в миллиарды долларов, следовательно, в случае отделения подводные лодки могли бы остаться под контролем Шотландии, которая, напротив, выступает за удаление ядерного оружия с шотландской территории.

Таким образом, основой политических кампаний ШНП остается экономическая предпосылка. Идеи сецессии обосновываются утверждением, что уровень благосостояния Шотландии после получения независимости возрастет. Однако, пока Великобритания оставалась членом Европейского союза, данная перспектива являлась сомнительной.

Так, в случае успеха сепаратистского движения на референдуме о независимости 2014 года Шотландия намеревалась строить свою экономику в первую очередь на базе разработки нефтяных и газовых месторождений шельфа Северного моря, экспорте шотландского виски и туризме. Но все три основы в результате отделения были бы подорваны в случае, если бы Шотландии не

---

[173] Кустарев А. Англия и Шотландия // Агентство Политических Новостей. 21.06.2007. URL: http://www.apn.ru/publications/article17294.htm (дата обращения: 19.12.2017).

удалось бы войти в Европейский союз, тогда как такая перспектива была наиболее вероятной: Испания и Великобритания намеревались выступить против, и, возможно, к ним присоединились бы другие государства, столкнувшиеся с угрозой распада. Другими словами, в случае выхода и из состава Великобритании, и из состава Европейского союза Шотландия рисковала экономическим благополучием. Однако, поскольку Великобритания перестала быть членом ЕС, шансы Шотландии войти в его состав после обретения суверенитета повысились. Подобный исход компенсировал бы негативные последствия отделения от Великобритании, связанные с интегрированностью Шотландии в экономическую систему Соединенного Королевства.

Выход Великобритании из состава Европейского союза связан с экономическими проблемами, оттоком зарубежных финансовых структур и инвестиций, и, соответственно, угрозой ужесточения социальной политики вследствие усложнения торговли в связи с ужесточением режима границы между Соединенным Королевством и ЕС, что вызывает резкую критику со стороны представителей ШНП[174]. В результате шотландский сепаратизм приобретает новых сторонников, ранее считавших отделение слишком радикальной мерой.

После референдума 2016 года лидер ШНП и первый министр Шотландии Никола Стерджен требовала проведения повторного референдума о независимости Шотландии в период с осени 2018 года до весны 2019 года, до окончания процедуры выхода Великобритании из состава Европейского союза. Однако, после заявления премьер-министра Великобритании Терезы Мэй о необходимости совместной работы в целях создания выгодных условий для Шотландии и Великобритании представители ШНП согласились с тем, что референдум следует провести по завершении процедуры «брексита», когда будет возможность оценить достигнутые результаты процедуры[175].

---

[174] Бухарова М. Униженные брекситом: выход из ЕС ударил по самым незащищенным британцам // ТВ-новости. 19.04.2017. URL: https://russian.rt.com/world/article/380371-unizhennye-i-oskorblyonnye-breksit-sostoitsya-za-schyot (дата обращения: 09.03.2018).

[175] Carrell S. Nicola Sturgeon shelves second Scottish independence referendum // The Guardian. 27.06.2017. URL: https://www.theguardian.com/politics/2017/jun/27/nicola-sturgeon-shelves-second-independence-referendum (accessed: 03.03.2021).

Данная ситуация, на наш взгляд, демонстрирует особенности шотландского сепаратистского движения, возглавляемого ШНП, которая декларирует своей целью независимость Шотландии, но на практике добивается скорее расширения полномочий властей Шотландии и привилегий региона (главным образом – в сфере экономической политики), которое возможно и в рамках дальнейшей автономизации, а не сецессии, достижение которой представляется не принципиальной целью ШНП. В пользу такого взгляда на шотландский сепаратизм свидетельствует и тот факт, что лидер ШНП предлагал включить в бюллетень референдума о независимости Шотландии две формулировки: о полном отделении и о расширении прав региона[176].

Как бы то ни было, определяющим фактором для будущего сепаратистского движения Шотландии, как и для аналогичного – в Северной Ирландии, стали особенности формирования системы экономических и правовых связей между ЕС и Соединенным Королевством, измененных после выхода Великобритании из Европейского союза: в случае, если созданные условия окажутся неблагоприятными для Шотландии с одной стороны, и для Европейского союза – с другой, можно ожидать дальнейшего усиления позиций сепаратизма. Упоминавшиеся выше разногласия ЕС и Соединенного Королевства, выявленные в ходе переговоров о новом режиме британско-ирландской границы, поддерживают популярность ШНП среди шотландских избирателей, что привело к официальному заявлению главы ШНП Н. Стерджен о намерении провести новый референдум о независимости Шотландии 19 октября 2023 года[177]. В ноябре 2022 года Верховный суд Великобритании принял решение о запрете проведения референдума. Однако, представители ШНП продолжили высказываться в поддержку повторного голосования по вопросу о независимости Шотландии: так, 27 марта 2023 года Х. Юсуф, избранный на роль лидера ШНП и главы правительства Шотландии, заявил: «народ Шотландии в настоящее время

---

[176] Ананьева Е.В. Референдум о независимости Шотландии: цепная реакция // Сепаратизм в политической жизни современной Европы. М.: Ин-т Европы РАН, 2015. С. 43.

[177] Nicola Sturgeon sets a date for another referendum on Scottish independence // The Economist. 29.06.2022. URL: https://www.economist.com/britain/2022/06/29/nicola-sturgeon-sets-a-date-for-another-referendum-on-scottish-independence (accessed: 29.07.2022).

нуждается в независимости более, чем когда-либо, и независимость будет получена при жизни нашего поколения»[178].

Впрочем, возможно, даже в случае, если усиление данных сепаратистских движений продолжится, результатом их деятельности станет только расширение автономии: многие государства Европейского союза с большой долей вероятности не поддержат изменение границ «старых» европейских государств, поскольку за этим событием последует подъем сепаратизма в других регионах, что приведет если не к отделению определенных территорий, то к усилению напряженности между сторонами конфликта. Примером такого государства является Испания, наиболее острый текущий конфликт в которой связан с каталонским сепаратистским движением.

Каталонский вопрос

Сепаратизм в Испании, в наибольшей степени распространенный в Стране Басков и Каталонии, отличается склонностью многих националистических организаций официально изменять степень радикальности своих претензий, от стремления к отделению до требований федерализации или расширения прав автономий. Поэтому, несмотря на террористическое прошлое баскского движения, и каталонский, и баскский конфликты ближе к шотландскому, чем к североирландскому. Тем не менее, недавние события в Каталонии ознаменовали новый подъем сепаратизма в Испании, что свидетельствует об актуализации его экономических и политических предпосылок в данном регионе. Последние можно назвать «традиционными» для Каталонии.

В 1137 году династии графов Барселоны и королей Арагона заключили брачный союз, и было образовано королевство Арагон. В то время Каталония обладала широким рядом прав и привилегий, в том числе правом распоряжаться

[178] Macaskill A., Smout A. Humza Yousaf wins race to be Scotland's next leader, vowing to revive independence // Reuters. 27.03.2023. URL: https://www.reuters.com/world/uk/scotlands-next-leader-be-announced-with-independence-movement-crisis-2023-03-26/ (accessed: 01.04.2023).

финансами и устанавливать налоги[179]. Впрочем, после образования Испанского государства в 1469 г. Каталония потеряла свое привилегированное положение.

В XVIII–XIX веке происходит каталонское возрождение. Одновременно с распространением чувства каталонской «уникальности» и подъемом национальной идентичности происходила индустриализация и модернизация Каталонии, которая привела к экономическому развитию Каталонии, оставившей далеко позади большую часть районов Испании. «Каталонизм» вылился в каталонский национализм, требующий увеличения политической роли Каталонии в жизни страны.

В 1931–1939 гг. была предпринята попытка создания Каталонской республики. Испанские власти не допустили этого, но предоставили Каталонии автономию. Однако, как и в стране Басков, с приходом к власти генерала Франко автономия была упразднена, проявления каталонской национальной идентичности жестоко пресекались. В период правления Франко в Каталонии действовали радикальные организации, однако, они не обрели такой силы, как в Стране Басков или Ирландии. Главной причиной этого считается присущая каталонцам уравновешенность, стремление к поиску компромиссов[180].

По новой конституции 1978 года и автономному статуту 1979 года Каталония снова получила автономный статус, был признан официальный статус каталанского языка, как и других языков, которые являются традиционными для народов, населяющих Испанию[181]. Был восстановлен Каталонский парламент и учреждено правительство Каталонии (Женералитет), снят запрет каталонской культуры. Каталония получила также свою полицию, радио, телевидение. Казалось бы, это соответствовало запросу большинства каталонцев, который, на наш взгляд, можно выразить словами Жорди Пужоля, председателя правительства

---

[179] Хенкин С.М. Испания: испытание Каталонией / С.М. Хенкин // Перспективы : [веб-сайт] / Фонд исторической перспективы. 14.01.2013. URL: http://www.perspektivy.info/book/ispanija_ispytanije_katalonijej_2013-01-14.htm. (дата обращения: 10.12.2017).

[180] Хенкин С.М. Потенциал регионального сепаратизма в Испании // РСМД. 21.06.2012. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/potentsial-regionalnogo-separatizma-v-ispanii/ (дата обращения: 19.12.2017).

[181] Миронов В. Побег из Испании: как каталонцы веками борются за независимость // RT. 22.09.2017. URL: https://russian.rt.com/nopolitics/article/432783-istoriya-nezavisimost-katalonia (дата обращения: 10.12.2017).

Каталонии с 1980 по 2003 и лидера националистов в то время: «...мы испанцы в другом виде, чем остальные... Мы хотим оставаться испанцами, но мы также хотим иметь наш язык, нашу культуру, наши традиционные политические институты, и чтобы реальность того, что мы являемся другим народом, была воспринята в Испании»[182]. Однако, с точки зрения каталонских националистов, полученных Каталонией привилегий недостаточно.

Как отмечает С. Хенкин, «по сравнению с автономным статутом 1932 года Каталония получила больше прав в сфере образования и культуры, но меньше в области функционирования судебной системы и охраны общественного порядка»[183]. Партия «Демократическая конвергенция Каталонии» (кат. Convergència Democràtica de Catalunya, CDC), которая впоследствии стала основным вдохновителем каталонского сепаратистского движения, уже в 1989 году заявила, что полномочия каталонских властей не позволяют им обеспечивать потребности Каталонии, и продолжила поддерживать националистические настроения в регионе.

В 2005 году развернулась дискуссия, касавшаяся проекта нового автономного статута Каталонии. «Камнем преткновения» стало положение, в котором признавалась каталонская нация, в то время как согласно Конституции, в Испании существует только одна нация – испанская, применительно к автономным общностям используется термин «национальность». Спорными были и положения, касавшиеся расширения полномочий в судебной, налоговой, финансовой сфере[184]. В итоге Конституционный суд в 2010 году признал 14 статей неконституционными, в частности, констатировав отсутствие юридических оснований для именования жителей Каталонии отдельной нацией. На следующий день после оглашения решения суда состоялась массовая

---

[182] Цит. по: Баранов А.В. Каталонский сепаратизм: факторы влияния на статус автономного сообщества // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2013. № 3. С. 30.

[183] Хенкин С.М. Испания: испытание Каталонией // Перспективы: [веб-сайт] / Фонд исторической перспективы. 14.01.2013. URL: http://www.perspektivy.info/book/ispanija_ispytanije_katalonijej_2013-01-14.htm (дата обращения: 10.12.2017).

[184] Висенс Е. От национальности к нации, или уроки национализма // Испания − Каталония: империя и реальность . Сборник статей. / Перевод, составление и предисловие Елены Висенс. М.: REGNUM, 2007. 92 с. С. 10.

демонстрация протеста под лозунгом «Мы – нация», в которой приняли участие более миллиона человек[185].

Помимо «национально-идеологической» предпосылки существовали и другие причины обострения сепаратистских настроений в Каталонии. Их «катализатором» послужили финансовые трудности, ярко проявившиеся в результате мирового экономического кризиса. Каталонцы небезосновательно утверждают, что центр, получая налоговые поступления из Каталонии, тратит на нужды данного региона на 16 млрд евро меньше, чем отдают каталонцы[186], что другие регионы содержатся за счет Каталонии. Стоит отметить, что сначала в целях решения финансовых проблем каталонцы попытались изменить существующее государственное устройство, расширив автономию своего региона: в 2012 лидер коалиции «Конвергенция и Союз» (КиС), А. Мас на встрече с председателем правительства Испании М. Рахоем выдвинул предложение о создании в регионе независимого министра финансов и предоставлении Каталонии полного контроля над собираемыми налогами. Предложение не было принято. После этого было объявлено о намерении Каталонии отделиться от Испании и вступить в ЕС.

Вероятно, целью коалиции в тот момент было не достижение независимости, а привлечение внимания к своим требованиям: в состав КиС наряду с CDC входила партия «Демократический союз Каталонии» (кат. Unió Democràtica de Catalunya, UDC), последовательно выступавшая за автономизацию региона, а не за его отделение, и, поскольку они приняли план действия коалиции, реализованный в 2013–2014 году, можно предположить, что проведение референдума о независимости против воли Мадрида не рассматривалось всерьез (как будет рассмотрено ниже, когда CDC решилась на конфронтацию с правительством Испании, коалиция с UDC распалась).

---

[185] Crowds protest against Catalonia court ruling // Irish Examiner. 10.07.2010. URL: https://www.irishexaminer.com/world/arid-30465028.html (accessed: 19.12.2017).

[186] Нестеров В. Новая жизнь европейского сепаратизма // Фонд стратегической культуры. 18.01.2014. URL: https://fondsk.ru/news/2014/01/18/novaja-zhizn-evropejskogo-separatizma.html (дата обращения: 19.12.2022).

По решению Конституционного суда Испании референдум был запрещен[187]. Референдум – или, вернее, уже опрос – все же был проведен в ноябре 2014 года, но не имел юридической основы и силы. В нем приняли участие 2,25 млн из 5,4 млн потенциальных избирателей. 80,7% из них поддержали идею обретения полной независимости[188].

Разочаровавшись в легальных методах организации референдума, CDC реализовала новую тактику, предложенную Артуром Масом: приравнять предполагаемую победу сторонников независимости Каталонии на выборах в Парламент Каталонии 2015 года к одобрению населением Каталонии идеи отделения на референдуме о независимости, и затем инициировать процесс отделения. UDC небезосновательно счел подобные действия незаконными, утверждая, что любые шаги по обретению независимости должны быть согласованы с Мадридом[189]. В результате было принято решение о роспуске коалиции 17 июня 2015 года, которое было реализовано. Члены UDC оставили свои должности в правительстве.

На выборах 2015 года новая коалиция «Вместе за «Да» (кат. Junts pel Sí, куда вошла CDC и еще три партии) получила 62 мандата, а партия «Кандидатура народного единства» (кат. Candidatura d'Unitat Popular, CUP), также выступающая за отделение Каталонии – 10 мандатов, что обеспечило указанным партиям большинство в парламенте Каталонии. 9 ноября 2015 года «Вместе за «Да» и CUP приняли резолюцию, провозглашавшую «начало процесса создания независимого государства с республиканской формой правления»[190]. Конституционный суд Испании признал ее незаконной. Тем не менее, парламент Каталонии продолжил действия по отделению от Испании.

---

[187] El Tribunal Constitucional anula la declaración soberanista catalana // El Mundo. 25.03.2014. URL: https://www.elmundo.es/espana/2014/03/25/5331be9d268e3e87688b4574.html (accessed: 10.12.2017).

[188] La Generalitat estima en 2,25 millones la participación y en un 81% el sí a la independencia // El Correo. 09.11.2014. URL: http://www.elcorreo.com/bizkaia/politica/201411/09/arranca-cataluna-jornada-participacion-20141109093245.html (accessed: 10.12.2017).

[189] La ruptura de CiU da vía libre a Mas para volcarse en su plan soberanista // El PAIS. 18.06.2015. URL: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2015/06/18/catalunya/1434618723_909552.html (accessed: 10.12.2017).

[190] Новое государство на карте Европы. Каталония выходит из состава Испании? // РИА Новости Украина. 09.11.2015. URL:http://rian.com.ua/analytics/20151109/1000005249.html (дата обращения: 10.12.2017).

Чтобы не оставить правительству Испании возможности напомнить населению о коррупционных проблемах, связываемых с деятельностью CDC во времена лидерства Жорди Пужоля, партия CDC сменила название на «Европейская демократическая партия Каталонии» (кат. Partit Demòcrata Europeu Català, PDeCAT). Таким образом, PDeCAT предприняла меры, позволяющие предотвратить дискредитацию сепаратистов в глазах населения Каталонии накануне решающего референдума.

Референдум о независимости Каталонии прошел 1 октября, и из 43 % каталонцев, которые приняли в нем участие, за независимость проголосовали 90,2 %[191], то есть около 2 млн человек. Учитывая, что испанское правительство объявило референдум незаконным, неудивительно, что большинство голосовавших были сторонниками независимости. По закону о референдуме, независимость должна была быть провозглашена в течение двух суток после публикации результатов голосования – то есть 6 октября[192]. Однако, провозглашение независимости произошло лишь 27 октября. Вероятно, такая задержка объяснялась намерением Карлеса Пучдемона, в то время – Президента Женералитета Каталонии, провести переговоры об условиях выхода Каталонии из состава Испании, о котором он говорил еще до референдума. Однако, после проведения референдума оказалось, что поддержка правительства Испании более значительна, нежели поддержка сепаратистов.

Действительно, как показал референдум, а также последовавшая вскоре после него – 8 октября 2017 – акция сторонников единства Испании, многие каталонцы выступают за сохранение Каталонии в составе Испании. Парламент Испании остался на стороне Рахоя. ЕС по-прежнему поддерживал правительство Испании, несмотря на вызвавшее осуждение со стороны политиков из многих государств насилие со стороны полицейских по отношению к участникам референдума. Особенно важным было заявление Артура Маса о том, что

---

[191] Макаренко Г., Химшиашвили П. Шаткая независимость: как Каталония и Мадрид могут выйти из тупика // РБК. 10.10.2017. URL: https://www.rbc.ru/politics/10/10/2017/59db6f1a9a7947df3ebe2722 (дата обращения: 10.12.2017).
[192] Там же.

Каталония не готова к столь радикальному шагу, как отделение[193]. Таким образом, Рахой получил возможность обвинить Пучдемона и его сторонников в попытке переворота, и предложить переговоры по другому вопросу – о расширении прав Каталонии в рамках Конституции Испании, с возможностью изменения Конституции в перспективе[194].

Пучдемон, напротив, оказался в неоднозначной ситуации: «победа» на референдуме обернулась тактическим поражением для его партии. Согласиться на переговоры по углублению/расширению автономии без ущерба для имиджа PDeCAT было невозможно, так что в итоге Пучдемон все же объявил о независимости Каталонии.

В ответ Сенат Испании проголосовал за активацию статьи 155 Конституции Испании, предполагающей прямое управление регионом, которая, по решению правительства Испании, была исполнена путем роспуска каталонского парламента и правительства и проведения выборов в Парламент Каталонии 21 декабря 2017 года[195]. После принятия этого решения Пучдемон и несколько его соратников отправились в Бельгию, в то время как оставшиеся в Испании члены PDeCAT приняли решение участвовать в парламентских выборах 21 декабря, фактически приняв тот факт, что в ближайшее время отделения Каталонии от Испании не произойдет[196].

Несмотря на готовность к переговорам о расширении автономии Каталонии, Мадрид не мог оставить без внимания незаконные действия бывших членов Правительства Каталонии. 3 ноября Верховный суд Испании выдал европейский ордер на арест Карлеса Пучдемона и четырех бывших членов распущенного правительства Каталонии, уехавших в Бельгию. Однако, затем ордер был отозван, что означало, что эти политики больше не находятся в международном

---

[193] Филатов Г. Счет за независимость: чем Мадрид ответил Барселоне // РБК. 12.10.2017. URL: https://www.rbc.ru/opinions/politics/12/10/2017/59df5bc09a7947c39dfb5ad5 (дата обращения: 10.12.2017).
[194] Там же.
[195] Премьер Испании назначил выборы в парламент Каталонии на 21 декабря // РБК. 27.10.2017. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59f380239a7947876a974bee (дата обращения: 10.12.2017).
[196] Макаренко Г. Побег от независимости: как Каталония отказалась сопротивляться Мадриду // РБК. 30.10.2017. URL: https://www.rbc.ru/politics/30/10/2017/59f71b609a79470f1cc539df (дата обращения: 10.12.2017).

розыске[197]. Восемь их коллег, оставшиеся на территории Испании, были арестованы в ноябре, но шестеро из них были освобождены под залог и получили возможность участвовать в выборах 21 декабря. Таким образом власти Испании демонстрировали, что нарушение закона неприемлемо – и одновременно явно старались не допустить радикализации националистского движения Каталонии.

Предполагалось, что после выборов может начаться выработка проекта структурных изменений системы государственного устройства Испании, которые бы позволили найти компромисс между идеями центра и сторонников расширения полномочий властей автономий. Реальное развитие событий оказалось иным: переговоры могли состояться в случае определенной «гибкости» обеих сторон конфликта, но и правящая Народная партия, и сторонники независимости Каталонии по-прежнему были не склонны к компромиссам.

Выборы 2017 года завершились победой сторонников независимости Каталонии, получивших больше половины мест в парламенте Каталонии[198]. Первое место получила коалиция «Вместе за Каталонию» (кат. Junts per Catalunya), сформированная на базе PDeCAT после распада «Вместе за “Да”» и впоследствии получившая статус партии. В результате, лидером нового парламента Каталонии оказалась именно партия «Вместе за Каталонию», что привело к новым трудностям при выборе президента Женералитета и формировании правительства Каталонии: «Вместе за Каталонию» предложила кандидатуру Карлеса Пучдемона, по-прежнему находившегося в Бельгии и не имевшего возможности сформировать правительство. В результате Мадрид продолжил прямое управление регионом, в то время как Пучдемон продолжил поддерживать идеи сепаратизма.

Достичь компромисса хотя бы касательно формирования правительства Каталонии оказалось невозможным: действия правительства Испании ограничены законодательством Испании и решениями, принимаемыми Верховным судом

---

[197] Верховный суд Испании отозвал международный ордер на арест Пучдемона // ТАСС. 05.12.2017. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4784951 (дата обращения: 10.12.2017).

[198] Elecciones catalanas 2017 // El Pais. 2017. URL: https://resultados.elpais.com/elecciones/2017/autonomicas/09/index.html (accessed: 10.11.2019).

Испании, а для каталонцев дело Пучдемона и его сторонников стало вопросом политической субъектности. В случае судебного процесса по делу каталонских сепаратистов соблюдение закона, как ни парадоксально, оказалось дестабилизирующим фактором: решение Верховного суда выдать международный ордер на арест Пучдемона и его соратников, принятое 23 марта 2018 года, не только осложнило взаимоотношения парламента Каталонии с парламентом Испании, но и вызвало массовые протесты в Каталонии и, как следствие, осуждение действий испанских властей со стороны граждан многих государств Европейского союза. Европейский союз и его государства-члены, в то же время, продолжали поддерживать мирное урегулирование конфликта между Мадридом и Барселоной, стремясь при этом сохранить нейтралитет, о чем, на наш взгляд, свидетельствует решение суда Шлезвиг-Гольштейна в Германии о невозможности экстрадиции Карлеса Пучдемона в Испанию. Вскоре после этого решения Пучдемон отказался от выдвижения своей кандидатуры на пост президента Женералитета в пользу другого члена «Вместе за Каталонию», Кима Торры, в результате избранного на указанную должность 14 мая 2018 года. Это разрешило одно из многих противоречий, но для того, чтобы действие 155 статьи Конституции Испании прекратилось, было необходимо сформировать правительство Каталонии. В числе предложенных Торрой кандидатов на должности министров были политики, находившиеся под следствием после референдума о независимости Каталонии. Мадрид препятствовал вступлению в должность данных политиков, в результате чего Торра был вынужден предложить альтернативные кандидатуры. После этого, 2 июня 2018 года, правительство Торры все же начало работу, завершив тем самым период прямого управления Мадрида Каталонией[199].

Тот же день, 2 июня 2018 года, ознаменовал и появление перспективы смягчения позиции Мадрида: принес присягу новый премьер-министр Испании Педро Санчес, представитель ИСРП. Здесь необходимо отметить, что наряду с

[199] Catalan President calls for talks with Spain's new PM // The Local. 02.06.2018. URL: https://www.thelocal.es/20180602/catalan-president-calls-for-talks-with-spains-new-pm (accessed: 10.10.2019).

процессом над каталонскими сепаратистами в Испании проходил еще один важный процесс – коррупционное дело Gürtel, в рамках которого рассматривались обвинения многих членов Народной партии в махинациях[200]. Ряд обвинительных приговоров по данному делу 24 мая 2018 года окончательно дискредитировал НП, что сделало возможной отставку Мариано Рахоя, отказавшегося оставить свой пост самостоятельно. Однако, для объявления вотума недоверия Рахою Педро Санчес был вынужден обратиться к другим партиям – слишком мало мест ИСРП занимала в парламенте Испании – в частности, к каталонским депутатам, которым Санчес дал обещание начать переговоры по Каталонском кризису после прихода к власти.

С течением времени напряженность между Барселоной и Мадридом вновь начала усиливаться: более года с того момента, когда Санчес получил пост премьер-министра, переговоры так и не начинались. На наш взгляд, бездействие ИСРП объяснялось тем, что статус и.о. премьер-министра, полученный Санчесом, предполагал проведение внеочередных выборов в Парламент Испании. Выражение однозначной позиции могло стоить ИСРП части голосов избирателей, и потому, вероятно, Санчес стремился уклониться от выражения однозначной позиции по Каталонскому вопросу до парламентских выборов. Выборы 28 апреля 2019 года, не позволившие ИСРП сформировать правительство, продлили период отказа Мадрида от рассмотрения указанной проблемы до 2020 года, когда процесс вновь был заморожен в связи с пандемией COVID-19[201].

Выбранная стратегия принесла ИСРП успех на выборах, однако, не позволила решить каталонскую проблему. Осенью 2019 года был оглашен обвинительный приговор организаторам референдума в Каталонии, что привело к беспорядкам в регионе. Затем свое влияние на развитие конфликта в Испании оказала пандемия COVID-19: вопрос о лишении депутатской неприкосновенности избранного членом Европарламента Пучдемона был «заморожен», Каталония

---

[200] The fall of Rajoy: how Gürtel affair defeated Spain's great survivor // The Guardian. 01.06.2018. URL: https://www.theguardian.com/world/2018/jun/01/fall-of-mariano-rajoy-gurtel-spain (accessed: 10.10.2019).

[201] Catalan independence talks are back — and the stakes are high for PM Sánchez // POLITICO. 13.07.2021. URL: https://www.politico.eu/article/catalonia-independence-spain-prime-minister-pedro-sanchez/ (accessed: 10.07.2022).

оказалась одним из регионов, в наибольшей степени пострадавшей от коронавируса. Взаимное недовольство Барселоны и Мадрида было ознаменовано новым роспуском Парламента Каталонии. Однако, на выборах 14 февраля 2021 года вновь одержали победу сторонники независимости.

В январе 2022 года П. Арагонес, председатель правительства Каталонии и член партии «Левые республиканцы Каталонии» (одной из победивших в 2021 году сепаратистских партий) заявил о необходимости проведения референдума о независимости Каталонии[202]. Коммуникация сторон по-прежнему оставалась неэффективной: в феврале 2022 года в ответ на заявление представителей испанского правительства о состоявшемся переходе «от постоянного конфликта с правительством Каталонии к постоянному диалогу»[203] Женералитет Каталонии отметил, что «собрание в рамках двусторонней комиссии не является заменой прямому диалогу между правительствами»[204]. В дальнейшем, в течение весны и лета 2022 года возможность конституционной реформы все же обсуждалась – и во время встреч лидеров Испании и Каталонии, и в процессе заседаний двусторонней комиссии испанского и каталонского правительств. Однако, после нового заявления П. Арагонеса о необходимости проведения референдума о независимости Каталонии ситуация была вновь дестабилизирована в связи с последовавшим распадом правительственной коалиции в Каталонии[205].

В данном случае, вероятно, основной причиной продолжения эскалации конфликта является неспособность представителей центра и региона провести конструктивное обсуждение текущих проблем и усовершенствовать существующие национальные институты. Тем не менее, определенную роль сыграла и позиция представителей других государств Европейского союза,

---

[202] Гаврилова С. Каталонский вопрос на повестке политической жизни Испании // РСМД. 27.01.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/katalonskiy-vopros-na-povestke-politicheskoy-zhizni-ispanii/ (дата обращения: 10.04.2023).

[203] Гаврилова С. Каталонский вопрос на повестке политической жизни Испании // РСМД. 27.01.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/katalonskiy-vopros-na-povestke-politicheskoy-zhizni-ispanii/ (дата обращения: 10.04.2023).

[204] Там же.

[205] Гаврилова С. Каталонский вопрос на повестке политической жизни Испании // РСМД. 27.01.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/katalonskiy-vopros-na-povestke-politicheskoy-zhizni-ispanii/ (дата обращения: 10.04.2023).

стремящихся сохранить нейтралитет и невольно оставляющих надежду на поддержку обеих сторон конфликта (с каталонской стороны такие надежды связаны с возможностью войти в состав ЕС при наличии обстоятельств, которые могли бы легитимизировать отделение от Испании). В других обстоятельствах конфликт с басками Мадриду разрешить удалось.

Баскский вопрос

Сепаратизм в Стране Басков имеет не очень долгую историю, оформившись в активные политические движения лишь в XX веке. Однако, националистические и сепаратистские идеи в данном регионе имеют глубокие исторические корни.

Хотя государства басков, видимо, никогда не существовало, баски исторически обладали широкой автономией. Взаимоотношения между центром и страной Басков определялись совокупностью льгот, привилегий и обязанностей под названием «фуэрос». Упомянутые взаимоотношения ухудшились в 1876 году, когда «фуэрос» были отменены. В результате возникла «баскская проблема». Тогда Сабино Арана (1865-1903) создал идеологию баскского национализма, согласно которой основу баскского народа составляла «раса», этническая чистота крови, а Испания угрожала существованию этой исключительной расы. В 1894-1895 гг. была основана Баскская националистическая партия (БНП), целью которой была независимость баскских территорий – Эускади.

Автономия Страны Басков, полученная в октябре 1936 года, была упразднена после прихода к власти генерала Франко. Баскский язык был запрещен, были распущены партии и общественные организации, запрещалось петь баскские песни и называть детей баскскими именами. Сотни людей были расстреляны, десятки тысяч эмигрировали. В итоге, как это происходило и в Ирландии, ответом на жесткую политику центра стал террор. В результате деятельности созданной в 1959 году организации ЭТА[206] (Euskadi Ta Askatasuna — «Страна басков и свобода») погибли более 800 человек.

[206] Historia de ETA desde dentro // ABC. URL: http://www.abc.es/especiales/eta/historia/index.asp (accessed: 19.12.2017).

Деятельность ЭТА продолжалась до 2011 года, когда организация объявила о прекращении вооруженной борьбы (при этом не сдав оружие: тотальное разоружение ЭТА началось только в апреле 2017 года[207]). В настоящее время ЭТА отличается от ИРА, которая продолжает террористические акции, осложняя взаимоотношения своего «легального крыла» - Шинн Фейн – и властей.

Тем не менее, ЭТА и ее последователи в настоящее время обладают значительно меньшим влиянием, нежели Баскская националистическая партия (БНП), определяющая главное направление современного баскского сепаратистского движения. Так, по итогам парламентских выборов в Испании в 2016 БНП занимает 5 мест в Конгрессе депутатов и 6 мест в Сенате, лидируя среди баскских партий; согласно результатам выборов в Баскский Парламент, партия получила 28 мест, и в альянсе с Социалистической партией Страны Басков, сформировала правительство, главой которого стал Иньиго Уркульо, лидер БНП. Деятельность данной партии иллюстрирует особенности баскского сепаратизма.

Одной из таких особенностей является дуализм, берущий начало еще в идеях Арано – сочетание радикальной цели и умеренной политики, легальных методов. Партия «колеблется», отклоняясь то влево – к радикализму, то вправо – к умеренности, в зависимости от обстоятельств, что позволяет ей привлекать больше сторонников и сохранять доминирующую позицию в регионе, но, на наш взгляд, снижает вероятность достижения какой-либо стратегической цели. Эту тенденцию испанские политологи С. Де Пабло и Л.Меес характеризуют как колебания маятника в диапазоне «умеренность-радикализм», «автономия – независимость»[208].

В 2003 году Хуан Хосе Ибарретче, президент Страны Басков, предложил проект нового автономного статута, который предусматривал наделение автономии статусом «свободно присоединившегося к Испании государства» и

---

[207] Exclusive: Eta documents reveal details of weapons dumps as group disarms // The Guardian. 08.04.2017. URL: https://www.theguardian.com/world/2017/apr/08/eta-basque-separatist-group-formally-disarms-arms-cache (accessed: 03.03.2018).

[208] De Pablo S., Mees L. El pendulo patriotico. Historia del Partido Nacionalista Vasco (1895-2005). Barcelona, 2005. 503 p.

«создание лишенных элементов подчиненности отношений»[209] между Страной Басков и Мадридом. Данный проект был отвергнут как нарушающий Конституцию Испании, однако, глава правительства Испании Хосе Луис Родригес Сапатеро заявил, что отклонение от плана не исключает того, что некоторые требования басков будут учтены. Слова Сапатеро характеризуют наиболее распространенный путь развития диалога между Мадридом и Страной Басков в XXI веке: Мадрид отвечает отказом на невыполнимые в рамках действующей политической системы требования сепаратистов, соглашаясь на переговоры по менее дискуссионным предложениям.

Так, после выборов в региональный парламент Страны Басков 2009 года БНП оказалась в оппозиции, что привело к активизации радикального крыла партии: члены БНП участвовали в манифестациях под лозунгами независимости Страны Басков, «амнистии заключенных этаровцев» и т.д. После этого председатель БНП Иньиго Уркульо заключил соглашение с председателем правительства Испании Родригесом Сапатеро, предоставив правительству поддержку Баскской националистической партии в утверждении бюджета на 2011 год и в принятии «законов и инициатив по преодолению экономического кризиса» в обмен на, фактически, возможность решать важнейшие для Страны Басков вопросы в диалоге с правительством.

После событий 2009 года БНП не принимала активного участия в инициативах, связанных с требованием независимости, выступая за расширение автономии Страны Басков. Так, 20 апреля 2014 года, в День баскской Родины, глава правительства Страны Басков Иньиго Уркулью предложил трансформировать Испанию в конфедерацию[210]. Однако, серьезные переговоры с центром по данному вопросу так и не начались, в частности, по причине поражения сепаратистов на референдуме о независимости Шотландии.

---

[209] Сапатеро и Рахой намерены защищать единство нации // РИА Новости. 15.01.2005. URL: https://ria.ru/politics/20050115/1701999.html (дата обращения: 03.01.2018).

[210] Le Pays basque veut la création d'une confédération espagnole // Sputnik France. 23.04.2014. URL: http://fr.sputniknews.com/presse/20140423/201042484.html (accessed: 19.12.2017).

В настоящее время БНП стремится к улучшению условий самоуправления для Страны Басков и одновременно сохранению «союзнических» отношений с правительством Испании. Такая позиция наиболее влиятельного представителя баскского сепаратистского движения противоречит позиции других сепаратистских партий, сохраняющих стремление к независимости (например, партии «Единство Страны Басков»), но объясняется современными предпосылками сепаратизма, наиболее значимыми из которых являются политическая, экономическая и этническая.

Этническая предпосылка заключается в охарактеризованных выше особенностях баскского народа. Однако, в настоящее время, когда баскская культура, язык и традиции не подавляются, эта предпосылка стала менее острой. Экономическая проблема серьезнее: Страна Басков является регионом-донором, как и Каталония: на них приходится примерно по 19% ВВП Испании. Однако, ежегодные темпы роста ВВП в Стране Басков ниже, чем в Каталонии[211]. Более того, в законодательстве закреплено положение, согласно которому сумма налоговых выплат, перечисляемых Страной Басков Мадриду, не должна превышать объем расходов государственной казны, приходящийся на данный регион[212]. В целом, экономическая ситуация в Стране Басков свидетельствует о необходимости, скорее, переустройства системы, а не сецессии.

Кроме того, территориальное устройство Испании и соответствующая нарезка округов не позволяет сепаратистским партиям, популярным в лишь в «своем» регионе с небольшой (в масштабах Испании) численностью населения, получить значительное число мандатов на выборах в Парламент Испании (в отличие от избирательной системы Великобритании, благодаря которой ШНП в 2015 году получила 56 мест), что ослабляет потенциал БНП как участника политической борьбы.

---

[211] История и экономические предпосылки сепаратизма в Испании // Вестник Кавказ. 04.11.2015. URL: http://www.vestikavkaza.ru/articles/Istoriya-i-ekonomicheskie-predposylki-separatizma-v-Ispanii.html (дата обращения: 19.12.2017).

[212] Zubiri I. The economic agreement between the Basque Country and Spain. Ad Concordiam, 2010. P. 61.

Кроме того, этническая предпосылка данного конфликта в настоящее время ослаблена в результате формирования институтов трансграничных связей с другими регионами исторической «Эускаль Эрриа» - территории басков.

Отметим, что подобные соглашения способствуют урегулированию конфликта не во всех случаях. Так, Каталония также является часть подобного еврорегиона. Однако, при сохранении экономических предпосылок и неразрешенных проблемах управления регионом при неопределенной позиции внешних акторов потенциал конфликта, как было рассмотрено выше, остался серьезным.

Отметим, что в других подобных случаях, когда экономические и управленческие проблемы присутствуют, но Европейский союз поддерживает целостность государства, ситуация развивается иначе. В качестве примера можно рассмотреть территориальный конфликт в Бельгии.

Бельгия: межобщинный конфликт фламандцев и валлонов

Для Европейского союза особое значение представляет целостность Бельгии, в столице которой – Брюсселе – располагается штаб-квартира ЕС. Особенность Бельгии в сравнении с другими государствами, сталкивающимися с проблемой сепаратизма, в том, что для данного государства воплощение идей сепаратизма, вероятно, будет означать не только отделение определенной территории, но и, как следствие, исчезновение государства с карты мира.

Два крупных региона данного государства, Фландрия и Валлония, разделены множеством различий и противоречий, по причине которых Бельгия не раз оказывалась на грани распада.

Разрыв в экономическом развитии Фландрии и Валлонии существует столько, сколько сама Бельгия, которая стала независимым государством в 1830 году. Изначально Валлония обеспечивала Бельгии место одного из промышленных лидеров Европы, тогда как Фландрия оставалась сельскохозяйственным регионом. После Второй мировой войны север и юг государства «поменялись местами»: в 1950-е – 1960е гг. во Фландрии начали развивать нефтеобрабатывающую и автомобилестроительную отрасли, в то время

как Валлония продолжала фокусироваться на угольной и металлургической промышленности. Кроме того, после войны во Фландрии произошел рост рождаемости, в результате чего фламандская доля национального продукта Бельгии возросла еще больше за счет увеличения численности населения.

Напряженность в отношениях между двумя этническими группами возрастала. В 1968 году произошел так называемый Лувенский конфликт (или Лувенский кризис): дискуссия о том, на каком языке должно вестись преподавание в Лувенском университете, едва не привела к распаду страны. В результате разделился лишь Лувенский университет (франкоязычный поток переселился в город Лувен-ля-Нев в Валлонии), а целостность государства позволили сохранить реформы. В 1970 году было законодательно закреплено существование фламандской, франкофонной и германоязычной общин и трех регионов – Валлонии, Фландрии и Брюсселя. В 1980 году Фландрия и Валлония получили статус автономий, а в 1989 права региона получил и Брюссель. Однако, достигнутые результаты удовлетворили далеко на всех: с 1979 действовал Фламандский блок, выступающий за отделение Фландрии.

В 1993 ведущие политические группировки фламандцев и франкофонов подписали Сен-Мишельские соглашения, согласно которым Бельгия стала федеративным государством, состоящим из сообществ (фламандского, французского и немецкого) и регионов (Фландрии, Валлонии, Брюсселя), которые получили широкую автономию – вплоть до права заключать международные договоры по некоторым вопросам. Как это происходило и в Великобритании, и в Испании, и в Италии, введение автономии на время стабилизировало ситуацию. Однако, с конца 2000-х гг. фламандское сепаратистское движение снова начало проявлять активность.

Очередной виток конфликта снова оказался связан с лингвистической проблемой, так и не разрешенной в результате проведенных реформ.

По высказыванию преподавателя Ирландского национального университета, доктора Кэтрин Эмерсон, Бельгия остается «лингвистически разделенным обществом, где языковые различия часто отображаются в виде

социальной или политической напряженности»[213]. Конституция Бельгии, принятая в 1993 году, утвердила право бельгийских граждан пользоваться немецким, французским или нидерландским языком по их собственному выбору. Распределение мест в парламенте и правительстве Бельгии учитывает все существующие регионы и общины (языковые сообщества): в зависимости от избирательного округа избиратели голосуют за фламандские, валлонские или немецкие партии. Это обеспечило представительство всех этнических групп в политике, что снизило напряженность лингвистической проблемы, однако не решило проблему языкового раскола в государстве. Основную часть населения Валлонии составляют франкоговорящие бельгийцы, а большинство жителей Фландрии говорит на нидерландском, так что на большей части территории государства фламандцы и валлоны практически не взаимодействуют друг с другом. Исключение представляют собой области, прилегающие к границе между Фландрией и Валлонией, а также Брюссель, территориально расположенный во Фландрии, официально – двуязычный, однако, в основном, франкоговорящий. Именно на данной территории начинаются «языковые битвы», одна из которых едва не стала причиной политического кризиса в Бельгии в 2005 году, и, вероятно, повлияла на развитие кризиса 2007–2010 года.

Конфликт начался в результате эскалации проблемы разделения избирательного округа Брюссель-Халле-Вилворде (BHV), объединявшего 19 коммун (муниципалитетов) Брюсселя с 35 соседними фламандскими коммунами. Поскольку округ являлся двуязычным, его жители обладали правом решать, к какому округу они принадлежат – фламандскому или валлонскому – и, соответственно, голосовать за фламандскую или валлонскую партию. В результате периодически складывалась ситуация, при которой франкофоны, проживающие на территории фламандских коммун данного округа, голосовали за французские партии, формируя франкоязычные советы муниципалитетов, в то время как официальным языком данных муниципалитетов является

[213] Emerson C. Pis(s)ing on intercultural boundaries: Manneken-Pis and cultural identity. // Intercultural spaces: Language, Culture, Identity. New York. 2007. P. 21-30.

нидерландский. Такое несоответствие вызывало негодование фламандцев. Для разрешения данной проблемы они предлагали разделить округ Брюссель-Халле-Вилворде, перенеся муниципалиты Халле и Вилворде в состав соседних фламандских округов. Валлоны отмечали, что в этом случае франкофоны из Халле и Вилворде потеряют возможность голосовать за франкоязычных кандидатов, считая подобный исход несправедливым. В 2007 году фламандцы приняли решение разделить округ в одностороннем порядке, что стало причиной подробного изучения проблемы данного округа в парламенте, длившегося до 2010 года. Дисскуссия о соответствующей реформе завершилась лишь в 2011 году, когда было принято решение поддержать предложенный фламандцами вариант – округ BHV был все же разделен и упразднен, и франкофоны Халле и Вилворде потеряли возможность выбирать франкоязычные муниципалитеты.

Тем временем, после выборов в парламент Бельгии 10 июня 2007 года начался политический кризис: до марта 2008 года[214] парламенту не удавалось сформировать правительство. Партии, защищающие интересы Валлонии, негативно отреагировали на требования фламандских партий расширить автономию Фландрии – пересмотреть налоговую политику, уменьшив сумму отчислений в государственный бюджет, расширить языковые границы фламандского сообщества и пр. Затем, когда правительство было все же сформировано, противоречия между фламандцами и валлонами вновь обострились по причине мирового финансового кризиса, подчеркнувшего различие уровней экономического развитии Валлонии и субсидирующей ее Фландрии. После досрочных парламентских выборов 2010 года правительство формировалось дольше – 18 месяцев.

Повторение подобной ситуации после выборов 2014 года, на наш взгляд, предотвратили действия Нового фламандского альянса (НФА) – крупнейшей партии, представляющей фламандский сепаратизм. НФА изменил главную цель, заявив об отказе от идеи независимости Фландрии по причине несомненного

---

[214] Распад Бельгии перестает быть политической шуткой // Newsland. 2011. URL: http://newsland.com/user/4297700092/content/raspad-belgii-perestaet-byt-politicheskoi-shutkoi/4213527 (дата обращения: 19.12.2017).

разрыва отношений с ЕС в случае отделения и недостаточного числа сторонников сепаратизма. Один из основателей партии, Эрик Деворт, утверждает, что теперь партия стремится к «конфедеративным отношениям двух государств, которые работают вместе и имеют столицу в Брюсселе»[215]. Поскольку основным носителем сепаратистских настроений является Фландрия, тогда как в Валлонии они возникли в ответ на заявления фламандских националистов, такое изменение направленности партии снизило сепаратистскую активность в стране. НФА одержал победу на выборах, получив 20% голосов избирателей и 33 места в парламенте Бельгии, и впоследствии для формирования коалиции в парламенте вынужден был отказаться от обсуждения вопроса о независимости Фландрии до выборов 2019 года.

Выборы 2019 года привели к мировому рекорду по длительности формирования правительства, занявшего 21 месяц. В результате лидеры выборов, НФА и Фламандский интерес (более радикальный, чем НФА, представитель фламандских сепаратистов), оказались исключены из сформированной коалиции, что привело к протестам. Дальнейшую эскалацию конфликта в Бельгии сдержала лишь пандемия коронавируса, необходимость борьбы с которой обусловила формирование столь непопулярного правительства.

Таким образом, предпосылки сепаратизма в Бельгии не устранены и в настоящее время. Наиболее серьезным остается экономический фактор сепаратизма: Фландрия является наиболее мощным экономическим регионом Бельгии, вынужденным субсидировать значительно менее успешную Валлонию. Сохраняет свое значение и лингвистическая предпосылка: Фландрия выступает за прекращение роста франкоговорящего Брюсселя за счет территории Фландрии, тогда как Валлония обвиняет фламандцев в попытке сделать фламандский язык основным в Бельгии.

Тем не менее, в настоящее время население Фландрии склонно поддерживать умеренных сепаратистов, декларирующих свою цель как

---

[215] Васильевский В. Фламандские националисты отказываются от сепаратизма? // Вся Европа.ru. 2014. № 2(84). URL: http://alleuropa.ru/?p=6274 (дата обращения: 19.12.2017).

федерализацию Бельгии, а не отделение одного из регионов. Возможно, отчасти конфликтность на почве лингвистических разногласий сдерживают трансграничные соглашения с регионами расселения носителей соответствующих языков. Экономическая предпосылка отделения, на наш взгляд, смягчается неизбежными негативными последствиями такой сецессии, спряженной с выходом из состава ЕС. Однако, трудности, сопряженные с пандемией, обостряя лингвистические проблемы, несколько снижают роль ЕС в представлении его жителей, что формирует потенциально нестабильную ситуацию.

На основании вышеизложенного следует отметить, что связь этнической группы и определенной территории упрощает возможность выдвижения лидеров данной группы, которые могут представлять ее в диалоге с центром и с другими группами. В данных условиях урегулирование конфликта будет зависеть от нескольких факторов, как то:

- общность целей движений, являющихся представителями активно участвующих в конфликте этнических групп, и поддержка действий этих движений членами соответствующих этнических групп (так, в случае Южного Тироля цели сепаратистских движений, представляющих интересы тирольцев, разошлись после расширения автономии региона в 1972 г.; аналогичную роль сыграл сохраняющийся в настоящее время раскол протестантов и католиков в Северной Ирландии, что ослабляет ирредентистов; с другой стороны, во время каталонского кризиса отсутствие консолидации политических сил, призванных поддержать идею неделимости Испании, ослабило правительство данного государства);
- готовность к диалогу и компромиссам легитимных лидеров обеих сторон конфликта (так, в Испании баскский кейс был разрешен в результате диалога, но в случае каталонского кризиса сложности коммуникации не позволили представителям Каталонии и Испании начать обсуждение проблем);
- в свою очередь, готовность к диалогу может быть связана с прошлым государства (так, диалог представителей ирландцев с англичанами в большей степени затруднен, чем дискуссии представителей Южного Тироля и итальянцев),

- а также экономическими факторами национального и международного уровня (так, отделение Шотландии от Великобритании более рационально, чем отделение Каталонии от Испании: последний случай предполагает разрыв международных экономических связей с государствами-членами Европейского союза, первый – скорее, восстановление этих связей);
- еще одним значимым элементов урегулирования конфликта является позиция «родственного» государства, других стран-членов ЕС и Брюсселя (так, действия представителей Австрии и ЕС позволили способствовать урегулированию ситуации в Южном Тироле в 1970-х; неоправданные надежды Каталонии на поддержку ЕС, скорее, отчасти обусловили рост числа сторонников идеи сецессии);
- важно и соответствие институтов национального, межгосударственного, наднационального и трансграничного уровней друг другу (так, их гармоничное использование позволило решить баскский и тирольский вопрос, «заморозить» ирландский и институционализировать валлоно-фламандский);
- в качестве отдельного фактора можно рассмотреть соответствие внедряемых институтов урегулирования межэтнических конфликтов наиболее значимым предпосылкам этих конфликтов. Наиболее распространенной предпосылкой сепаратизма в настоящее время является экономическая (основывающаяся на усиливающейся в периоды кризиса уверенности жителей экономически успешного региона в том, что уровень благосостояния данного региона после его выхода из состава соответствующего государства возрастет), в случае обострения которой актуализируются прочие предпосылки. Второй важной предпосылкой является политическая – стремление к расширению привилегий региона и полномочий его властей. Для некоторых движений, в основном, относящихся к «ирридентистскому» типу сепаратизма, по-прежнему актуальны проблемы идентичности, лингвистических и культурных особенностей региона (Приложение 2), которые, впрочем, приобретают особое значение в период обострения экономических предпосылок. Такие движения, тем не менее,

оказываются значительно менее активными, чем движения, основывающиеся в первую очередь на экономических предпосылках, для которых культурная, религиозная и языковая специфика региона является скорее лозунгом, позволяющим достичь целей движения, нежели причиной возникновения этих целей.

Обладают ли определенной спецификой факторы нетерриториальных межэтнических конфликтов, или же перечень одинаков для обоих названных видов конфликта? Чтобы найти ответ на данный вопрос, необходимо рассмотреть ряд соответствующих кейсов.

2.2. Нетерриториальные межэтнические конфликты

Как уже отмечалось ранее, в нетерриториальные межэтнические конфликты в государстве обычно вовлечены этнические группы, не сконцентрированные в определенном регионе, а рассеянные по территории всего государства. В этом случае консолидация этнического меньшинства затруднена ввиду территориальной рассредоточенности, несформированности общей идентичности и отсутствия официальных представителей всей группы. С одной стороны, такая ситуация ослабляет позиции меньшинства; с другой стороны, представителям государства сложнее вести диалог с группой, у которой нет принятых большей частью этноса лидеров и, соответственно, могут различаться цели – но оказываются схожими проблемы и травмы.

Как отмечалось выше, отсутствие у этнической группы «своей» территории характерно для группы иммигрантов и обычно связано либо с недавним появлением данной группы на территории определенного государства, либо с кочевым или полукочевым образом жизни, не позволившим группе «закрепиться» на определенной территории. В последнем случае, когда определенная группа иммигрантов долгое время сосуществует с «коренными» жителями конкретного государства, с правовой точки зрения корректнее использовать вместо термина «иммигранты» термин «национальные меньшинства» (лица или группы лиц, являющиеся гражданами государства и проживающие на его территории, но находящиеся в недоминирующем положении и значительном меньшинстве к основному населению, отличающиеся от него языком, традициями или культурой в целом[216], и идентифицирующие себя как обособленную группу; в рамках

[216] Скоробогатов А.В. Понятие «Национальное меньшинство» в российском законодательстве // Russian Journal of Economics and Law. 2008. № 3(7). С. 82-85.

конструктивистской трактовки этничности может рассматриваться как термин, равнозначный термину «этнические меньшинства»). Однако, отметим, что понятие «национальные меньшинства» охватывает и этнические группы, сконцентрированные на территории определенного региона и потому участвующие в межэтнических территориальных конфликтах. В случае же «старых» иммигрантов речь идет именно о тех национальных меньшинствах, которые когда-то переместились на территорию определенного государства, но не были ассимилированы и не присвоили себе определенную территорию, оставаясь «Другими» для остальных граждан данной страны.

В качестве примера нетерриториального межэтнического конфликта с участием «новых» иммигрантов рассмотрим конфликт между «коренными» жителями ЕС и иммигрантами-мусульманами, в качестве примера нетерриториального межэтнического конфликта с участием «старых» иммигрантов – конфликт между оседлым населением ЕС и цыганами. Разные вариации разрешения «исламского вопроса» позволяют рассмотреть примеры Франции (в настоящее время ориентированной на интеграцию иммигрантов, Австрии (стремящейся, скорее, к взаимной адаптации, достижение которой осложнено культурными различиями) и Италии (государства, чьи культурные особенности такую адаптацию упрощают). Аналогичным образом случай Венгрии демонстрирует пример взаимоотношений этнических групп в государстве, активно защищающем культуру государствообразующего этноса, кейс Чехии – пример государственной политики адаптации иммигрантов и устранения взаимных стереотипов между находящимися в состоянии конфликта этническими группами.

Отметим, что европейские мусульмане представляют, скорее, не этническую, а метаэтническую группу, состоящую из нескольких этнических групп, объединенных культурными особенностями; однако, поскольку факторы напряженности в отношениях каждой из исповедующих ислам этнических групп с «коренным» населением европейских стран одинаковы и обусловлены в основном религиозными различиями и их следствиями, которые во многом

определяют и этническую идентичность каждой из таких групп, в соответствующих главах работы мы будем говорить об иммигрантах-мусульманах в целом.

2.2.1. Нетерриториальные межэтнические конфликты с участием представителей новообразованных иммигрантских сообществ

Франция

Во Франции, как и Германии и Великобритании, период значительных иммиграций из мусульманских стран начался по окончании Второй Мировой войны, в связи с необходимостью восстановления пострадавших территорий. Особенно много иммигрантов были выходцами из стран Магриба, являвшихся колониями Франции.

В первые десятилетия иммиграции переселенцы в основном стремились адаптироваться к особенностям французской культуры и интегрироваться в правовую систему. Приоритетной задачей для них было улучшение условий жизни и труда, о чем свидетельствует профсоюзная деятельность иммигрантов. Однако, выполнению данной задачи препятствовала напряженность, сформировавшаяся в годы конфликта в Алжире, боровшегося за свою независимость от Франции. В 1980-х сообщества иммигрантов начали выступать против дискриминации магрибинцев[217]. Отметим, что представления о способах реализации принципа равноправия, сформулированные в проектах разных групп, различались: одна часть иммигрантов, по-прежнему близкая социалистам, выступала за интеграцию в французскую культурную и правовую систему, другая – за сохранение исламской идентичности при стремлении к французскому гражданству. Вторая ветвь столкнулась с рядом противоречий.

Французская модель национализма (и гражданства) предполагает по крайней мере частичную ассимиляцию иммигрантов, включающую принятие жесткого разделения религиозной и правовой сфер. Однако, иммигранты

[217] Долгов Б. Ислам во Франции: мусульмане и светская республика. С. 117.

являются носителями правовой культуры, системы ценностей и образа жизни, которые частично противоречат фундаментальным особенностям западных систем. Так, с точки зрения исламской правовой культуры, основой закона являются религиозные нормы ислама; с точки зрения правовой культуры стран современной Европы, основой закона являются юридические, «светские» нормы. Поэтому, например, такое понятие, как «права человека», в каждой правовой культуре приобретает свой смысл.

В настоящее время описанное выше разделение групп, стремящихся обеспечить равноправие жителей Франции, сохраняется. Наиболее «либеральные» с точки зрения европейцев представители иммигрантов выражают намерение полноправно участвовать в жизни принимающих их стран, получить доступ к участию в выборах на всех уровнях, вносить свой вклад в социально-экономическое развитие[218]. Такие группы поддерживают идеи законопослушания, уважения к «принимающим» странам, сближения с «коренным» населением наряду с сохранением своей собственной религиозной идентичности. Для выражения именно такой позиции были созданы Федерация мусульман Европы, Французский совет мусульманского культа (ФСМК), Движение светских мусульман и некоторые национальные общины. Эти идеи сформулированы в принятой в 2007 г. Хартии мусульман Европы. Со своей стороны Европейский союз демонстрирует готовность к диалогу с такими силами[219].

Однако, с ростом темпов и масштабов иммиграции после «арабской весны» стали набирать популярность установки и второй группы иммигрантов, в настоящее время представленной, например, движением Таблиг (Таблиг ва даава, «послание и призыв»). В отличие от своих предшественников, некоторые новые иммигранты не стремятся слиться с окружением, овладеть в достаточной степени языком страны пребывания, принять её обычаи, образ жизни, культуру, даже

---

[218] Каргалова М.В. Миграция в Европе: новые тенденции в социальной жизни // Социальное развитие Европы: проблемы и перспективы. М.: Ин-т Европы РАН, 2016. С. 109.
[219] Там же.

законы[220]. Одной из возможных причин изменения тенденции можно назвать расширение возможностей для миграции, одним из проявлений которого стало размещение беженцев из Сирии и Ливии в странах Европы: современные иммигранты не всегда подготовлены к столкновению с обществом, отличающимся от их родного. С другой стороны, новые поколения иммигрантов испытывают разочарование в демократических правах, которые, с их точки зрения, не гарантируют им отсутствие дискриминации, поскольку современное французское общество относится к ним так же, как прежнее – к представителям колонизированных государств[221]. Данные факторы усложняют существующие проблемы диалога культур.

Одним из самых обсуждаемых во Франции начала XXI века обычаев стало ношение хиджаба мусульманками. В 2004 году был принят закон, согласно которому «в государственных школах, колледжах и лицеях запрещено ношение символов или одежды, нарочито указывающих на религиозную принадлежность[222]». Введение такой нормы обычно связывают с распространенной среди европейцев трактовки ношения хиджаба как практики, дискриминирующей женщин и ограничивающей их свободу. В действительности протесты против указанного закона исходили не только от фундаменталистов, но и от мусульманок, рассматривающих ношение мусульманского платка как способ манифестации своей идентичности. Отсутствие общего культурного кода препятствует эффективной коммуникации – те или иные практики по-разному трактуются представителями различающихся культур, что порой приводит к трагедиям.

Одним из наиболее известных стал совершенный 7 января 2015 года теракт в редакции журнала «Шарли эбдо», известного публикациями карикатур, в т.ч., на пророка Мухаммеда. Причиной вновь стала различающаяся трактовка действий – актов публикации карикатур на пророков разных религий. С точки зрения

---

[220] Каргалова М.В. Миграция в Европе: новые тенденции в социальной жизни // Социальное развитие Европы: проблемы и перспективы. М.: Ин-т Европы РАН, 2016. С. 109.
[221] А.В. Гордон. Ислам во Франции: опыт интеграции С. 40.
[222] Осипов Е.А. «Пока все хорошо. Но главное приземление». 15 лет закону о запрете ношения религиозной одежды во французской школе // Политика и Общество. 2019. № 3. С. 1-7.

применяющейся во Франции концепции свободы слова право каждого гражданина исповедовать религию по своему выбору неизбежно предполагает терпимость верующих к возможному отсутствию у других людей пиетета перед всем, что является священным для той или иной религии. Такая трактовка вызывала дискуссии и до описываемых событий: критики и в настоящее время апеллируют к необходимости взаимного уважения чувств всех граждан, в том числе, верующих (что является официальной причиной ограничения свободы, например, в Австрии). Отметим, что как показывают события, связанные с описываемым инцидентом, негодование и печаль светского общества после теракта и схожие чувства у мусульман после публикации карикатур формировались схожим образом: мусульмане рассматривали публикацию карикатур как оскорбление священной для своей религии фигуры, в то время как представители французского правительства и общества трактовали убийство журналистов как посягательство на священные для своей культуры свободу слова и право на жизнь. Вероятно, это свидетельствует о внутренней противоречивости рассмотренной концепции свободы слова с этической точки зрения. Однако, существует и более актуальный для французского общества правовой аспект данной концепции, согласно которой рассмотренные действия представляют нарушения норм разного уровня.

После теракта мирная дискуссия была фактически заморожена: уступки со стороны французского правительства в данной ситуации закрепили бы практику теракта как приемлемого способа выражения своих чувств той или иной группой граждан, что представители Франции вновь подчеркнули в связи с убийством Самюэля Пати 16 октября 2020 года.

Если действия террористов Франция трактует как посягательство на внутренний суверенитет, то реакции представителей других государств – как атаку на внешний. Таким образом рассматривались высказывания президента Турции Реджепа Эрдогана и других лидеров стран, позиционирующих себя как защитников исламского мира. Рассмотрение реакции террористов на карикатуры

как естественной было воспринято европейскими лидерами не как акт защиты чувств соотечественников, но как легитимация новых терактов.

Логичным следствием охарактеризованного восприятия мусульман представителями Французской Республики, вероятно, можно считать принятие Сенатом 30 марта 2021 года поправок к законопроекту о соблюдении принципов Республики. Изменения включают запрет на демонстрацию религиозных знаков несовершеннолетними и ношение одежды, транслирующей представления о неполноценности женщин (что подразумевает, в частности, запрет на ношение буркини в общественных местах для купания)[223]. При этом защитники закона, главным образом, фракция Республиканцев, видит в запрещенных предметах одежды, по высказыванию лидера фракции Брюно Ретайо, не только «маркер покорности женщины», но и «знамя сепаратизма»[224]. В 2022 году в преддверии президентских выборов во Франции представители правительства продолжили высказываться в поддержку реформирования института ислама, призванного предотвратить рост поддержки радикализма и ограничить влияние других государств на деятельность французских политических движений[225]. Подобные заявления вызвали критику со стороны мусульман, обвинивших президента Франции и его приверженцев в исламофобии[226].

Таким образом, в результате ряда радикальных действий и высказываний обеих сторон конфликта коммуникация между представителями разных культур оказалась практически заблокированной: неспособность различающихся сообществ прийти к диалогу сформировала патовую ситуацию.

По-другому развиваются события в другом европейском государстве, где культурные различия между иммигрантами и местными жителями оказались не столь значимыми.

---

[223] Во Франции Сенат принял поправки, направленные на борьбу с сепаратизмом // ИА Красная Весна. 31.03.2021. URL: https://rossaprimavera.ru/news/4100264d (дата обращения: 18.04.2021).
[224] Там же.
[225] Macron’s government seeks to reform Islam in France // Market Watch. 05.02.2022. URL: https://www.marketwatch.com/story/macrons-government-seeks-to-reform-islam-in-france-01644073326 (accessed: 10.07.2022).
[226] Aslan D. France may spread Islamophobia at rotating helm of EU: Experts // Daily Sabah. 05.01.2022. URL: https://www.dailysabah.com/politics/news-analysis/france-may-spread-islamophobia-at-rotating-helm-of-eu-experts (accessed: 10.07.2022).

Италия

Масштабные миграции на территорию Италии начались позже, чем во Франции, в 1970-х, когда страны, первыми столкнувшиеся с данным явлением, осознали, что процесс иммиграции необходимо урегулировать. Поиск альтернативных мест работы привел мигрантов в другие страны Европы, в том числе и в Италию. В связи с этим объем иммиграции начал возрастать, что стало особенно заметным в 1990-х[227], когда масштабы иммиграции начали превосходить возможности «принимающих» стран. Так, в Италии, более столетия подряд классифицировавшейся как трудоизбыточная страна, в настоящее время насчитываются сотни тысяч иммигрантов, большинство из которых пересекли границу нелегально[228]. Данное явление часто связывают с ростом безработицы в современной Италии – и именно это стало основным фактором роста предубеждений итальянцев против новоприбывших.

Особенно сильно число иммигрантов увеличилось вскоре после «арабской весны»[229]. Массовые, не всегда легальные перемещения беженцев из Северной Африки стали одной из причин роста напряженности и между иммигрантами и «коренными» жителями, и между Римом и Брюсселем.

В отличие от Франции, большинство иммигрантов-мусульман в Италии в середине 2010-х было представлено первым поколением иммигрантов, в связи с чем итальянцы не успели разочароваться в иммиграционной политике государства. Тем не менее, возник ряд сложностей, препятствовавших интеграции иммигрантов в институциональную систему государства.

Наиболее серьезной проблемой стала неспособность мусульманской общины выстроить иерархию для коммуникации с центром. Для получения статуса официальной религии в Италии необходимо заключить договор о взаимной ответственности между государством и представителями

---

[227] Галкин А. А. Исламский аспект иммиграционной проблемы // Россия реформирующаяся. 2007. № 6. С. 373.
[228] Михайлов С.В. Западная Европа: от временных иностранных рабочих к новым этническим меньшинствам // Старые и новые лики национальной проблемы. М., 2005.
[229] Языкова В. Миграция в Италии: роль католической церкви в формировании общественного мнения // Современная Европа. 2017. № 5. С.106.

соответствующей конфессии[230]. Однако, для этого необходимо создать иерархическую структуру во главе с организацией, выступающей от лица всей общины[231]. Разногласия между мусульманскими религиозными организациями не позволили им прийти к консенсусу, и договор заключен не был. В 2017 году представителями 70% мусульман Италии был подписан Национальный пакт об итальянском исламе, декларирующий стремление мусульман к диалогу с правительством, борьбе с религиозным экстремизмом и обеспечению религиозных свобод[232]. Данный пакт представляет собой скорее политическое высказывание, дорожную карту будущих переговоров[233], нежели обладающее юридической силой соглашение, что можно рассматривать как классический пример режима коммуникации представителей итальянских мусульман и Рима.

Отсутствие полноценной институциональной базы для взаимодействия с властями отчасти компенсируется осторожностью умеренно настроенных имамов, стремившихся к интеграции мусульман в европейское общество и принимавших идею приоритета светского права над религиозным. Примером выражения такой позиции можно считать «Манифест ислама в Италии», проповедовавший «итальянский ислам, основанных на религиозных и культурных ценностях и полном принятии политической системы и законов Италии»[234]. С другой стороны, успешному сосуществованию способствует позиция Ватикана, роль которого в Италии является крайне значимой. Церковь выступила за благосклонность и уважением к религиозным обычаям ислама, по крайней мере, к тем, что близки католическим (так, при возникновении дискуссии о ношении хиджаба представители церкви отмечали, что запрет на ношение платка не воспринимается всерьез в стране, в которой насчитывается 100 000 монахинь[235]).

---

[230] Нечитайло Д. Ислам в Италии // Россия и мусульманский мир. 2009. № 2. С. 131.
[231] Momigliano A. In Italy, Islam doesn’t officially exist. Here’s what Muslims must accept to change that // The Washington post. 08.02.2017. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/02/08/in-italy-islam-doesnt-officially-exist-heres-what-muslims-must-accept-to-change-that/ (accessed: 10.07.2022).
[232] Ca’ Foscari professor among the experts of the National Pact for an Italian Islam // Ca' Foscari University. 02.02.2017. URL: https://www.unive.it/pag/16584/?tx_news_pi1%5Bnews%5D=2474&cHash=88864a86c850c6836f23b3a2b4f78dae (accessed: 10.03.2023).
[233] Naso P. Visible but unrecognized. The case of italian Islam // De Europa. 2021. Vol 4, № 2. P. 35-47.
[234] Нечитайло Д. Ислам в Италии // Россия и мусульманский мир. 2009. № 2. С. 131.
[235] Нечитайло Д. Ислам в Италии // Россия и мусульманский мир. 2009. № 2. С. 130.

Представители Рима стремятся компенсировать недостаток формальных институтов, регулирующих положение итальянских мусульман, с помощью «юридически неформальных мер»[236]. Так, во время пандемии правительство Италии подписало протоколы, гарантирующие доступность мест отправления культа, с рядом религиозных объединений, в том числе, с четырьмя крупнейшими исламскими объединениями Италии. Указанные начинания (с обеих сторон) поддерживаются Европейским союзом, инициировавшим создание исламских советов и комиссий в Европе, одна из которых подготовила рассмотренный выше манифест. Однако, мирному взаимодействию препятствует ряд факторов.

Как и во Франции, антиисламские настроения резко усилились после событий 11 сентября 2001 года и в дальнейшем обострялись после каждого последующего теракта. Действия исламистов порождают возращение к дискурсу культурной (или даже цивилизационной) угрозы, что оказывает влияние в первую очередь на отношение к умеренным мусульманам (например, представителям Исламского совета Италии «Consulta islamica»), тем более что последние, с точки зрения европейцев, порой довольно сдержанно осуждают терроризм. Умеренные мусульмане, во-первых, порой не видят необходимости публично подтверждать свое осуждение поступков людей, связанных с ними только религией, во-вторых, не всегда могут выразить свои чувства при помощи того же кода, что и европейцы других вероисповеданий, обнаруживая тем самым свою инаковость. Например, после рассмотренного выше теракта в редакции «Шарли-Эбдо» большинство мусульман не смогли использовать лозунг «je suis Charlie» («я – Шарли»), поскольку не могли идентифицировать себя с изданием, публиковавшим карикатуры, в частности, на пророка Мухаммеда[237].

Сохраняется и другая серьезная причина напряженности – последствия нелегальной иммиграции: иммигранты, нелегально, за деньги, пересекающие границу государства, часто вовлекаются в криминальные сферы деятельности, что создает необоснованное представление о предрасположенности носителей

---

[236] Naso P. Visible but unrecognized. The case of italian Islam // De Europa. 2021. Vol 4, № 2. P. 45.

[237] Пушкарская Е. Мы – итальянцы, исповедующие ислам // Коммерсантъ. 23.05.2016. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2988639 (дата обращения: 01.04.2021).

определенной культуры к совершению преступлений. В действительности иммигранты, по мнению некоторых исследователей, сталкиваются со сложностями при попытках влиться в структуру организованной преступности Италии (мафию), отличающуюся специфической идентичностью[238], а для формирования собственного аналога им необходимо установить связи с представителями государственной власти, что предполагает те же сложности, что и установление легальных связей. В целом, оказывается, что иммигранты совершают меньше серьезных преступлений, чем предполагает общественное мнение[239]. В свою очередь, предубеждения, связанные с указанными фактами, порождают дискриминацию иммигрантов и разочарование в европейских устоях среди прибывающих.

Тем не менее, обострение этнорелигиозного конфликта в Италии было связано в большей степени с резким ростом иммиграционного потока после событий в Ливии и Сирии. По причине в данном случае невыгодного географического положения Италия стала «транзитной зоной» для беженцев. Нарастающее напряжение привело к ужесточению иммиграционного законодательства в 2018 году. Отметим, что одной из причин эскалации конфликта стала неудачная политика Европейского союза: не вполне выверенные меры по оказанию помощи пострадавшим в ходе военных конфликтов привели к усилению позиции евроскептиков (в том числе, «Лиги», (бывш. «Лиги Севера»), сменившей риторику защиты независимости Северной Италии на критику Евросоюза и евро и лоббировавших «антимиграционный декрет», а также предложившей запретить мусульманам въезд в страну и депортировать всех живущих в Италии приверженцев ислама: по высказыванию лидера «Лиги» Маттео Сальвини, «ислам несовместим с итальянскими ценностями»[240]). В

---

[238] Ruggiero V. Illegal activity and migrant acculturation in Italy // Intern. J. of law, crime A. justice. Amsterdam, 2009. Vol. 37, issue 1/2. P. 39-49.

[239] Ruggiero V. Illegal activity and migrant acculturation in Italy // Intern. J. of law, crime A. justice. Amsterdam, 2009. Vol. 37. Issue 1/2. P. 39-49.

[240] The Rise of Right-Wing Parties Highlights the Precarious Status of Italy's Muslims // World Politics Review. 02.05.2018. URL: https://www.worldpoliticsreview.com/the-rise-of-right-wing-parties-highlights-the-precarious-status-of-italy-s-muslims/ (accessed: 01.07.2022).

результате, многие проекты, призванные связывать государства и культуры, стали восприниматься с недоверием, усилившимся в эпоху пандемии.

В целом Италия является примером государства, жители которого, согласно опросам общественного мнения, являются едва ли не наиболее недружелюбными по отношению к иммигрантам представителями «старой» части ЕС (что выражается, например, в акциях протеста против строительства мечетей, подобных происходившим в 2007 году в Тоскане). Тем не менее, меньший, нежели во Франции, культурный разрыв позволяет предотвратить переход конфликта на стадию насилия: роль католицизма в жизни и культуре Италии, в т.ч., культуры правовой, отчасти сближает «исконных» и новых жителей Италии, а непринятие итальянцами слишком радикальных высказываний и публикаций на религиозные темы ограничивает остроту публичных дискуссий. Иначе ситуация складывается в другом государстве, в последние годы также занимающем одно из первых мест в числе стран, жители которых негативно относятся к иммигрантам-мусульманам – Австрии.

Австрия

Австрия в данной работе рассматривается как пример государства, по степени напряженности между культурами «коренных» жителей и иммигрантов в настоящее время располагающийся между Францией и Италией. Как и во Франции, мусульманкам запрещено носить одежду, закрывающую лицо, кроме того, запрещено ношение хиджабов сотрудниками государственных учреждений; но, как и в Италии, свобода высказываний ограничена в связи со стремлением снизить конфликтность в обществе.

Современная Австрия – наследница Австро-Венгрии, империи, стремившейся установить режим взаимной терпимости. Законы, касающиеся мусульман, в Австрии существуют с 1912 года, когда в результате присоединения к Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины в империи увеличилось число приверженцев ислама. Закон наделил мусульман правами, данными всем официально признанным конфессиям Австрии, в том числе, правом получения

религиозного образования в государственных школах[241]. Однако, устоявшаяся институциональная система взаимодействия государства и разных конфессий не препятствует росту напряженности, связанной с осуществляемыми мусульманами террористическими актами в США и Европе и тем, как их трактуют представители австрийских ультраправых движений.

Последних тревожит образ жизни иммигрантов, отличающийся от привычного для большинства жителей Австрии, тем более, что в данном государстве в большей степени, чем, например, во Франции, распространены практики адаптации мусульманских традиций. Так, Министерство обороны ежегодно проводит праздник разговения – ифтар – для своих солдат (причем блюда подаются халяльные, но местные, традиционные для Австрии[242]). Ультраправые усматривают в такого рода праздниках шаг к наиболее дискуссионной цели европейских мусульман – имплементации норм шариата в законодательство страны проживания. В настоящее время в Австрии недостаточно сторонников такой реформы, однако, демографические процессы могут изменить ситуацию.

Как уже отмечалось, в 2010-х темпы иммиграции в ЕС из исламских стран резко возросли. Объективно иммиграция предоставляет возможность наполнения рынка труда рабочей силой, предлагает потенциальное решение демографических проблем, которые для Европы в целом и для Австрии в частности остаются актуальными – старение населения, спад рождаемости. В Европе растет число государств, которые пытаются воздействовать на рождаемость с целью ее повышения, необходимого для предотвращения тенденции депопуляции. Известно, что для преодоления депопуляции и обеспечения простого воспроизводства населения суммарный коэффициент рождаемости (среднее число рождений у одной женщины в гипотетическом поколении за всю ее жизнь) должен составлять минимум 2,15 ребенка на одну женщину репродуктивного

[241] Бибикова О. Ислам в Австрии // Россия и мусульманский мир. 2014. № 4(262). С. 98.
[242] Бибикова О. Ислам в Австрии // Россия и мусульманский мир. 2014. № 4(262). С. 107.

возраста. Между тем общий коэффициент рождаемости в странах Европы и Северной Америки в 2021 году составил всего 1,5[243].

Последствия иммиграции могут улучшить демографические показатели, но в этом случае возникнет новая проблема. На демографическое состояние современной Европы все в большей степени влияют приверженцы ислама, в основном представленные «новыми» этническими группами – группами иммигрантов. В таких государствах, как Австрия, начинает меняться этнический состав населения, что при сохранении современных темпов иммиграции и низкого уровня рождаемости среди «коренных» европейских народов может привести к их «замещению» иммигрантами. Такая ситуация, как было продемонстрировано на примере Бельгии, ведет к усилению противоречий между этническими группами и стремлению к перераспределению политического влияния.

Предполагается, что устранить эти проблемы иммиграции можно посредством объединения усилий всех европейских стран и создания общего курса иммиграционной политики, учитывающего интересы как стран-источников миграции, так и «принимающих» государств. Такая политика должна была бы быть закреплена в международных документах и национальных законодательствах, содержащих юридические нормы, устанавливающие правила приёма и адаптации иммигрантов[244]. Однако, выработать такие соглашения сложно, как показал период активного перемещения лиц из стран, вовлеченных в события «арабской весны»: представления государств Европейского союза о целях и средствах иммиграционной политики различаются.

Стоит упомянуть и роль «материнского государства» во взаимодействии культур в Австрии: более половины австрийских мусульман родом из Турции, в связи с чем турецкие политики часто оказываются вовлечены в дискурс

---

[243] World Population Prospects 2022: Summary of Results // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. 2019. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (accessed: 17.08.2022).

[244] Афонцев, С. А. Глобальное управление экономикой: новые вызовы и инициативы // Глобальное управление: возможности и риски. Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2015. С. 62–69.

положения мусульман в Австрии, что, также как и во Франции, расценивается как попытка посягательства на внешний суверенитет «принимающей» страны. Так, в 2015 году уже упоминавшийся закон об исламе был обновлен: было запрещено финансирование мусульманских организаций из-за рубежа и установлена необходимость наличия у всех имамов австрийских дипломов, что позиционировалось Себастьяном Курцем как создание «ислама австрийской чеканки»[245]. В 2018 году в рамках борьбы с политическим исламом было принято решение о закрытии семи мечетей, финансировавшихся из-за рубежа, и депортации подозреваемых в связи с турецкими националистами имамов[246]. В 2020 году, после теракта, произошедшего 2 ноября в Вене, С. Курц напомнил «о необходимости обсуждения политического ислама» и сообщил, что ожидает окончания неверного понимания толерантности[247].

Таким образом, в настоящее время решение «иммиграционной проблемы» в Австрии связано с дистанцированием от других государств и одновременно со сближением с представителями различных культур. Противоречивость такой политики иллюстрирует произошедший в Вене инцидент, в ходе которого неизвестная женщина пыталась сорвать хиджаб с незнакомой ей девушки-мусульманки, предлагая ей «вернуться обратно в Турцию»[248]: хиджаб в подобных случаях воспринимается как маркер не религиозной идентичности, но национальной, причем враждебной австрийской, что, вероятно, является неотъемлемым следствием позиционирования исламских сообществ в СМИ как агентов влияния Турции, представляющих угрозу для политической системы Австрии. В свою очередь, стремление «изолировать» культурные сообщества от их авторитетов из других стран вызывает негативную реакцию у членов иммигрантских сообществ, и вероятно, в долгосрочной перспективе не сможет

---

[245] Золотов А. "Закон об исламе" в Австрии запретил зарубежное финансирование общин // РИА Новости. 26.02.2015. URL: https://ria.ru/20150226/1049672942.html (дата обращения: 17.04.2021).

[246] Пинюгина Е.В. Политические риски институционализации ислама в Европе // Полит. наука. 2018. № 4. С. 203-222.

[247] «Проблема ислама» будет обсуждаться на саммите ЕС – канцлер Австрии // ИА REGNUM. 03.11.2020. URL: https://regnum.ru/news/3106605.html (дата обращения: 17.04.2021).

[248] Muslim woman attacked in Austria for wearing hijab // Analodu Agency. 26.09.2021. URL: https://www.aa.com.tr/en/world/muslim-woman-attacked-in-austria-for-wearing-hijab/2375507 (accessed: 18.08.2022).

предотвратить эскалацию конфликта. Так, опыт стран Восточной Европы показывает, что наличие подобной дистанции при отсутствии обеспечения прав меньшинств и мирного взаимодействия представителей разных культур может приводить к росту недоверия между культурами и, как следствие, усилению напряженности.

2.2.2. Долговременные нетерриториальные межэтнические конфликты с иммигрантскими сообществами

Венгрия

Венгрию, в отличие от Австрии, также в прошлом являвшуюся частью Австро-Венгрии, обычно относят к странам Восточной Европы, наиболее актуальный межэтнический конфликт в которых связан не с «исламским вопросом», но с «цыганским».

Цыгане в настоящее время являются самым многочисленным национальным меньшинством в Венгрии[249]. Это меньшинство имеет долгую историю взаимодействия с «коренными» европейцами: покинув Индию не позднее первого тысячелетия нашей эры, селиться на территории Европы цыгане начали с XIV века[250]. Несмотря на столь длительную коммуникацию, к настоящему времени в большинстве европейских государств сохраняется напряженность во всех аспектах взаимодействия с цыганами, в основном – из-за специфического образа жизни, отношения к законам, правилам поведения и т.д.

Так, многие цыгане негативно относятся к любым законам и институтам, ограничивающим их свободу движения, в частности, к пограничному контролю и

---

[249] Звягина Д.А. Цыгане и венгерское общество: трудности сосуществования // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 9. URL: https://web.snauka.ru/issues/2016/09/71051 (дата обращения: 15.04.2021).

[250] Волкова А.А. Цыганское искусство как способ коммуникации с европейской культурой // Искусство, дизайн и современное образование: материалы международной научно-практической конференции. Сер. "Научные труды РГСАИ" Российская государственная специализированная академия искусств; Институт изобразительных искусств Чжэнчжоуского университета; Международный научно-культурный центр академических контактов. М.: Издательский дом «Научная библиотека» 2016. С. 359.

депортации[251], что закономерно приводит к конфликтам. Негативное отношение к цыганам со стороны органов государственной власти может вызываться и уверенностью цыган в своем праве на незанятые дома и земли (по венгерским законам, цыгане должны получать разрешение на пользование ими)[252]. В свою очередь, недоверие у обычных граждан вызывает образ жизни, считающийся свойственным цыганам: распространенное уклонение от уплаты налогов и оплаты коммунальных услуг, отсутствие мотивации к получению образования (в раннем возрасте мальчики начинают работать, девочки становятся матерями и начинают заниматься детьми; но даже в тех случаях, когда этого не происходит, цыгане уделяют образованию мало внимания, поскольку практика его получения не закреплена и не одобрена старшим поколением[253]). Кроме того, число работающих цыган после падения социалистических режимов заметно снизилось, и, соответственно, увеличилось число цыган, зарабатывающих на жизнь сбором милостыни[254]. Осложняет взаимоотношения «рома» (и других цыганских народов) и «нецыган» и демографический фактор: перенаселенность в цыганских общинах, с одной стороны, и низкая рождаемость среди «коренного» населения Венгрии – с другой. В данных условиях особую роль приобретают не подтверждаемые статистикой стереотипы (аналогичные итальянским стереотипам о мусульманах), согласно которым члены цыганского сообщества склонны к криминальной деятельности в большей степени, чем венгры. В результате представители разных этнических групп дистанцируются друг от друга уже в раннем возрасте: в школах Венгрии (и других стран Восточной Европы) сложилась традиция раздельного обучения цыганских и венгерских детей[255]; все еще распространена, несмотря на осуждение со стороны Европейского суда,

---

[251] Каргалова М.В. Европа: цыганы шумною толпой (цыганский вопрос в Европе) // Современная Европа. 2011. №4(48). С. 21.

[252] Волкова А.А. Цыганское искусство как способ коммуникации с европейской культурой. С. 358–368.

[253] Звягина Д.А. Цыгане и венгерское общество: трудности сосуществования // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 9. URL: https://web.snauka.ru/issues/2016/09/71051 (дата обращения: 15.04.2021).

[254] Полонский И. «Кочевники Европы». Цыгане, власть и общество в восточноевропейских странах // Военное обозрение. 20.01.2016. URL: https://topwar.ru/89371-kochevniki-evropy-cygane-vlast-i-obschestvo-v-vostochnoevropeyskih-stranah.html (дата обращения: 15.04.2021).

[255] Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского союза: основные тренды и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4. С. 125–147.

практика безосновательного помещения цыганских детей в школы для детей с проблемами развития. Впоследствии цыганская молодежь консолидируется и дистанцируется от сверстников из других этнических групп, вдвойне ощущая свою изолированность от «нецыган» (с одной стороны, в связи с транслируемой старшими необходимостью сохранения своей культуры и образа жизни, с другой стороны, в связи с недоверием и страхом со стороны отличающихся от них этнических групп)[256].

Единственным элементом, связывающим цыган и венгров, обычно называют искусство. Так, в XVIII–XIX веке цыганские музыкальные коллективы распространяли венгерско-цыганскую музыкально-танцевальную культуру (в т.ч., народную музыку и танец жанра вербункош и танец чардаш), и, по отзывам современника, лишь они умели играть венгерские напевы[257]. Однако, венгерские националистические движения в настоящее время стремятся отделить венгерскую культуру от цыганской – и от любой другой) и отделить друг от друга соответствующие этнокультурные группы. Так, партия «Фидес», поддерживающая консерватизм и евроскептицизм, стремится ограничить поток иммигрантов (в 2015 году с этой целью на границе Венгрии с Сербией и Хорватией были построены заграждения)[258] и выступает против европейской интеграции, в т.ч., культурной и правовой.

Взгляды более радикально настроенной части венгерского общества озвучивались представителями партии «Йоббик» (в последние годы, однако, начинающей отказываться от агрессивной риторики), в 2000-х–2010-х годах поднявшими тему «цыганской преступности»[259] и инициировавшими создание

---

[256] Majumbar S., Woodhouse A. The problem is they see us as a whole: How Roma exclusion plays into inequality // Worldback. 08.04.2019. URL: https://blogs.worldbank.org/europeandcentralasia/problem-they-see-us-whole-how-roma-exclusion-plays-inequality (accessed: 15.04.2021).

[257] Волкова А.А. Цыганское искусство как способ коммуникации с европейской культурой. С. 362.

[258] How the Hungarian border fence remains a political symbol // CBC/Radio-Canada. 27.02.2020. URL: https://www.cbc.ca/radio/ideas/how-the-hungarian-border-fence-remains-a-political-symbol-1.5476964 (accessed: 15.04.2021); Бухарова М. Колючая Венгрия: Будапешт решил отгородиться от мигрантов «умной стеной» // ТВ-новости. 09.03.2017. URL: https://russian.rt.com/world/article/366360-vengriya-migranty-stena (дата обращения: 15.04.2021).

[259] Махова А.В. Эволюция воззрений крайне правых сил во Франции, Италии и Венгрии 2000–2013 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Махова Александра Викторовна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. - Санкт-Петербург, 2016. 262 с.

гражданской «венгерской гвардии», патрулирующей районы проживания цыган[260] (в 2009 организацию запретили, но некоторые ее ветви продолжили свою деятельность). Другой известной инициативой партии «Йоббик» стало предложение изымать цыганских детей из семей и помещать их в интернаты с целью изменения «менталитета» и повышения мотивации получения образования. Идеи партии привлекли к ней внимание и часть избирателей «Фидес» (так, в 2010 году партия получила 20% голосов, в 2018 году - 19% голосов), но этого оказалось недостаточно для удовлетворения политических амбиций партии, и «Йоббик» смягчила позицию. Вероятно, это свидетельствует о том, что сторонники радикальной позиции в отношении цыган в Венгрии в меньшинстве. Однако, деятельность даже небольшой группы людей может способствовать усилению напряженности между этническими группами.

Так, в 1990–1991 произошли три погрома в местах проживания цыган[261]. В 2008–2009 гг. в Венгрии действовала банда братьев Кишш, нападавшая на цыган под предлогом борьбы с «цыганской преступностью»[262]. Объект для нападения выбирался не по признаку «криминогенности», а по признаку проживания в поселении, где недавно происходили ссоры между венграми и цыганами. Масштаб подобных событий не позволяет конфликту перейти на уровень полномасштабной вооруженной борьбы, но поддерживает взаимную неприязнь между цыганами и венграми. В связи с этим существующие национальные институты критикуются как неэффективные. Наднациональные институты, в свою очередь, в Венгрии не действуют: данное государство не следует стратегии ЕС в отношении урегулирования проблем национальных меньшинств.

Такая слабая поддержка идей ЕС связана с евроскептицизмом. Политический лидер Венгрии В. Орбан, как упоминалось ранее, стремится снизить влияние ЕС на страну, ограничивая иммиграцию и игнорируя критику

---

[260] Тарасов И.Н. Правый радикализм и факторы ксенофобских социальных практик в Венгрии // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. №6. С. 55-62.
[261] Венгрия / Конфликты и расколы // Политический атлас современности. 2013. URL:http://www.hyno.ru/tom1/461.html (дата обращения: 15.04.2021).
[262] Ксенофобские и ультраправые тенденции в Европе: процесс по делу "убийц цыган" в Венгрии завершен // ИА REGNUM. 08.10.2013. URL: https://regnum.ru/news/polit/1692778.html (дата обращения: 15.04.2021).

новой Конституции Венгрии со стороны Брюсселя[263]. Статус ЕС как «разрушителя традиций», которому противостоит консервативное правительство Венгрии, предполагает слабую мотивацию Венгрии к трансграничному сотрудничеству. Поэтому инициативы Европейского союза по урегулированию конфликтов с цыганами, не будучи поддержанными на национальном уровне, не оказывают эффекта, на который рассчитывают их авторы.

В целом, в настоящее время ситуацию в Венгрии можно описать при помощи высказывания Вивиан Рединг на цыганском саммите ЕС 2010 г.: «Несмотря на все наши усилия, ситуация с “рома”, кажется, зашла в тупик»[264]. Цыганское меньшинство и венгерское большинство, стремясь уберечь свое культурное наследие от влияния других групп, избегают коммуникации, что препятствует урегулированию конфликта. Иначе развивается ситуация в странах, где по крайней мере одна из сторон смягчает свою позицию.

Чехия

«Цыганский вопрос» в Чехии существует так же давно, как в Венгрии. В настоящее время он является менее острым, чем в прошлом, однако, история взаимодействия чехов и цыган содержит много событий, память о которых поддерживает взаимную неприязнь.

Цыгане кочевали по территории Чехии примерно с XIV века[265]– как это было и в Венгрии. В XX веке неприязнь к цыганам была институционализирована: в 1920-е-1930-е гг. действовал закон, согласно которому чешские цыгане должны были получать не паспорта, а удостоверения цыган, содержащие разнообразную информацию вплоть до отпечатков пальцев владельца[266], и не могли находиться на территории крупных и курортных городов Чехии. Во второй половине XX века в ЧССР был запрещен кочевой образ жизни.

---

[263] Польша выступила за обсуждение возможности переписать Договор о Евросоюзе // ТАСС. 14.10.2021. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12659601 (дата обращения: 17.12.2021).

[264] Каргалова М.В. Европа: цыганы шумною толпой (цыганский вопрос в Европе) // Современная Европа. 2011. № 4(48). С. 18-27.

[265] Галимуллина Д.И. «Цыганский вопрос» как ключевая проблема в этнонациональной политике Чехии // Политическая регионалистика и этнополитика. 2020. Т. 10. Выпуск 1 (53). С. 137-144.

[266] Чехия: цыганский геноцид по "бархатному сценарию" // ИА Regnum. 18.12.2006. URL: https://regnum.ru/news/polit/757138.html (дата обращения: 17.04.2021).

В 1980-х произошел ряд случаев насильственной стерилизации цыганок[267]. В 1990-х цыганам запрещался вход в некоторые кафе и рестораны, в 1999 в Усти-над-Лабеме была построена стена, отделявшая «цыганский район» (и вскоре снесена под давление общественности, в т.ч. международной[268]). Таким образом, на протяжении XX века дискриминация цыган в Чехии принимала разные формы – от умеренных до радикальных.

Со времени подготовки Чехии к вступлению в Европейский союз (осуществленному в 2004 году) политика в отношении цыган начала меняться: ситуация в Чехии и других странах Восточной Европы неоднократно критиковалась политиками ЕС. Так, в отчете Европейского центра мониторинга расизма и ксенофобии за 2006 год Чехия, наряду с Венгрией, оказалась в числе государств, обвиненных в сегрегации цыганского населения (отметим, что в том же году произошел инцидент со стрельбой по цыганам в южной Чехии).

Со временем Чехии удалось лишь уйти от описанных выше явных форм дискриминации, но не избавиться от нее полностью, как и от взаимных предубеждений. Согласно опросу 2019 года, с цыганами как этнической группой (наряду с арабами) связаны наиболее стойкие антипатии чехов[269]. Интересен пример рекомендации специалиста по проблемам опеки для родителей, усыновлявших двухлетнего цыганского ребенка, с младенчества находившегося в детском доме. Советы включали предложения как можно чаще говорить ребенку: «Ты цыган, но мы все равно тебя любим»[270] и ради позитивного восприятия его обществом постараться как можно быстрее найти и развить его таланты, причем начать творческий поиск с музыки, поскольку «все цыгане очень музыкальны»[271]. Другими словами, обыденное мировоззрение по-прежнему оперирует

---

[267] Чехия: цыганский геноцид по "бархатному сценарию" // ИА Regnum. 18.12.2006. URL: https://regnum.ru/news/polit/757138.html (дата обращения: 17.04.2021).
[268] Тарасов И.Н. Проблема полиэтничности в Центрально-Восточной Европе // POLITBOOK. 2012. № 3. С. 34-44.
[269] В Чехии сократилось доверие к странам Запада // EADaily. 13.08.2019. URL: https://eadaily.com/ru/news/2019/08/13/v-chehii-sokratilos-doverie-k-stranam-zapada (дата обращения: 07.04.2023).
[270] Гаген С. Я. Янчаркова Ю. "Ты цыган, но мы тебя все равно любим". К вопросу о дискриминации в чешском обществе (на примере отношения к "цыганским" детям дошкольного возраста) // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 4(27). С. 128-153.
[271] Гаген С. Я. Янчаркова Ю. "Ты цыган, но мы тебя все равно любим". К вопросу о дискриминации в чешском обществе (на примере отношения к "цыганским" детям дошкольного возраста) // Вестник Гуманитарного университета. 2019. № 4(27). С. 128-153.

примордиалистской трактовкой этнической группы, согласно которой кровь (или генетика) определяет и принадлежность к определенному этносу, и способности и склонности человека. На этом основан стереотип о неспособности цыган к умственному развитию, обусловивший действовавший до 2015 года закон об образовании, допускавший обучение цыганских детей в классах для умственно отсталых[272]. Поэтому в настоящее время число выпускников высших учебных заведений среди цыган «отчужденной» от общества группы немного. В основном с указанными проблемами сталкиваются дети цыган-иммигрантов из других стран, не знающие чешского языка и/или не привыкшие к городской жизни[273].

Отсутствие высшего (а порой и среднего) образования, в свою очередь, сокращает возможности их трудоустройства. Возникает замкнутый круг. В связи с этой ситуацией, как утверждают некоторые исследователи[274], неофициально реализуется выдвигавшаяся и в Венгрии инициатива изъятия детей из таких семей по причине «инфантилизации родителей», чьи традиции и ценности не соответствуют чешским. Убежденность цыган в существовании такой практики вызывает с их стороны негативную реакцию в отношении чешских органов государственной власти.

Представители власти, в свою очередь, часто сталкиваются именно с маргинальной частью цыганской этнической группы, члены которой по той или иной причине не имеют постоянной легальной работы, получают средства к существованию либо из социальных пособий, либо с помощью преступной деятельности и проживающих в «цыганских гетто». Отметим, что упомянутые закрытые районы формируются владельцами жилого фонда, столкнувшимися с

---

[272] Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского союза: основные тренды и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4. С. 125-147.

[273] Навратил П. Как помогающие работники конструируют проблемы цыганских семей: вклад общих и специфических стереотипов о родительстве // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 3. С. 353-372.

[274] Навратил П. Как помогающие работники конструируют проблемы цыганских семей: вклад общих и специфических стереотипов о родительстве // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 3. С. 353-372.

порчей предоставленных в качестве социальной помощи квартир и в дальнейшем стремящихся расселять цыган в менее качественные дома[275].

Если жители таких гетто, занимающиеся преступной деятельностью, вызывают у чехов страх и негодование, то получатели социальных пособий – скорее, раздражение. Подобные эмоции усиливаются в ситуациях, когда пособие получают не только с помощью чешских институтов, но и с помощью европейских – или механизмов, установленных в других государствах ЕС. Например, недовольство вызывает использование чешскими цыганами механизма подачи заявления на предоставление политического убежища в Дании как, фактически, способа получения оплачиваемого отпуска: подав заявление накануне окончания трудового дня в пятницу, потенциальные беженцы получают средства на питание и бесплатное проживание на выходные дни, до начала работы соответствующих органов власти; после отказа в предоставлении убежища цыгане получают оплаченные билеты на обратный путь и возвращаются в Чехию[276]. С точки зрения чехов, указанный способ позволяет цыганам получить «незаслуженный» отдых, что не соответствует распространенной в чешском обществе этике.

Тем не менее, несмотря на недовольство, высказываемое чехами в подобных случаях, отсутствие поддержки правых консервативных движений, вероятно, свидетельствует о невысоком уровне агрессии в отношении цыган. В свою очередь, политика правительства Чехии, менее жесткая в отношении национальных меньшинств, нежели в «консервативной» Венгрии, вероятно, объясняет тот факт, что при низкой динамике процесса разрешения конфликта не происходит его серьезного обострения.

Итак, стороны нетерриториальных конфликтов часто связывают более напряженные отношения, чем участников конфликтов территориальных, которых порой разделяет граница регионов (как в Бельгии и Италии) или связывает

---

[275] Каргалова М.В. Европа: цыганы шумною толпой (цыганский вопрос в Европе) // Современная Европа. 2011. № 4(48). С. 18-27.
[276] Каргалова М.В. Европа: цыганы шумною толпой (цыганский вопрос в Европе) // Современная Европа. 2011. № 4(48). С. 18-27.

длительная история определенной территории (как в Испании и Великобритании) – пусть даже некоторые эпизоды этой истории вызывают гнев и печаль у обеих сторон. Закрепившаяся практика сосуществования с представителями иной, но все же знакомой этнокультурной группы, пусть даже сосуществования обособленного, чаще сопровождается неприязнью, чем страхом. Иначе складываются отношения с группой, которая воспринимается как опасный Другой, способный не просто устроить беспорядки и спровоцировать вооруженный конфликт, но и посягнуть на привычный уклад жизни и культуру. Отметим, что и территориальные конфликты переходили на стадию насилия именно в моменты появления такой угрозы – реальной или воображаемой. Однако, после формирования институтов мирного сосуществования и ограничения определенных культурных практик в регионах, не рассматривающих их как свои (примером может служить запрет корриды в Каталонии), уровень тревожности снижается, и конфликт сосредотачивается вокруг более «прагматичных» предпосылок – экономических, социальных и политических (Приложение 2).

Таким образом, можно выделить следующие особенности урегулирования нетерриториальных межэтнических конфликтов:

- общность целей движений, являющихся представителями активно участвующих в конфликте этнических групп, и поддержка действий этих движений членами соответствующих этнических групп, в случае конфликтов данного вида обычно незначительна (так, при разрешении «цыганского вопроса» основную трудность представляет социальная и внутриэтническая разнородность данной группы; в случае «исламского вопроса» добавляются и различия разных ветвей ислама);
- готовность к диалогу и компромиссам легитимных лидеров обеих сторон конфликта заменяется, скорее, общим уровнем взаимной терпимости (более высоким в Италии, Австрии и Чехии, более низким во Франции и Венгрии) и взглядами лидеров государства, на территории которого происходит конфликт;

- исторические события прошлого оказываются так же значимы, как в случае территориальных конфликтов (так, история Чехии – существование в прошлом законов, ограничивавших права цыган – оказывает значительное влияние на текущие взаимоотношения этнических групп в стране);
- значимы не столько экономические (как в случае этнотерриториальных конфликтов), сколько культурные факторы (степень близости культур конфликтующих этнических групп друг другу, большая в Италии и меньшая во Франции);
- в перечне внешних факторов позиция «родственного» государства сменяется, скорее, на позицию «сочувствующего» внешнего актора: в качестве примеров выражения такой позиции могут рассматриваться высказывания президента Турции Р. Т. Эрдогана относительно событий во Франции, часто направленные на защиту не только выходцев из Турции, но и других французских мусульман, или объявление представителями Европейского союза «декады интеграции цыган» в 2005–2015 гг.;
- важно и соответствие институтов национального, межгосударственного, наднационального и трансграничного уровней друг другу (например, несоответствие политики ЕС на наднациональном уровне политике Венгрии на уровне национальном не позволяет выстроить непротиворечивую стратегию урегулирования конфликта).

Другими словами, межэтнические конфликты разного вида потребуют специфических комбинаций институциональных условий их разрешения.

Глава 3 Модели институционального урегулирования межэтнических конфликтов в странах Европейского союза

В данной главе исследуется функционирование национальных институтов, межгосударственных институтов, в рамках которых «национальные государства добровольно сотрудничают между собой по вопросам, представляющим общий интерес»[277] (Европейский совет, институты, созданные на основе двусторонних соглашений национальных государств, в частности, «принимающего»[278] государства и «родственного»[279] или «сочувствующего»[280]); наднациональных институтов, которые могут выступать в роли «сочувствующего» внешнего актора конфликта[281] и решения которых напрямую не подконтрольны национальным государствам[282] (например, Европейская комиссия и Европейский парламент); трансграничные институты, представляющие собой «любые коллективные взаимоотношения между сопредельными регионами, разделенными государственной границей, которые имеют либо официальный характер, либо

---

[277] Стрежнева М.В. Теории европейской интеграции // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 28-45.

[278] «Принимающее» государство (host-state) – государство, на территорию которого эмигрировала (или вошла в число его граждан в результате изменения границ государства) часть представителей преобладающей этнической группы другого государства («родственного», kin-state), образовавшей этническое меньшинство в его составе.

[279] «Родственное» государство (kin-state) – государство, часть представителей преобладающей этнической группы которого иммигрировала в другое государство («принимающее», host-state) или вошла в число его граждан в результате изменения границ государств, образовав этническое меньшинство в его составе.

[280] «Сочувствующее» государство – государство, которое воспринимает этническое меньшинство другой страны как нуждающееся в защите, даже если предки людей, в настоящее время составляющих это меньшинство, происходят из другого государства.

[281] «Сочувствующий» внешний актор конфликта – сочувствующее государство или политический актор наднационального уровня, воспринимающий этническое меньшинство другой страны как нуждающееся в своей защите.

[282] Стрежнева М.В. Теории европейской интеграции // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2009. № 1. С. 28-45.

признаются публично»[283] (главным образом, Европейские группировки территориального сотрудничества).

Как следует из предыдущей главы, роль институтов определенного уровня будет разной в зависимости от вида конфликта, поскольку различаются предпосылки конфликта и степень вовлеченности в него разных акторов. Для территориального этнического конфликта «сецессионистского» или «автономистского» вида, активность участников которого связана в первую очередь с экономическими и политическими предпосылками и не предполагающего активного вовлечения «родственного» государства, в первую очередь актуальны национальные и наднациональные институты разрешения межэтнических конфликтов. Для урегулирования конфликтов «ирридентистских», связанных с лингвистическими и социокультурными предпосылками, необходимостью определения режима границ и, соответственно, предполагающих вовлечение как «родственного» государства, так и представителей ЕС, необходима гармоничная комбинация институтов всех видов (помимо национальных и наднациональных – межгосударственных и трансграничных).

Для нетерриториального межэтнического конфликта с участием «новых» иммигрантов, еще тесно связанных с «родственным» (или «сочувствующим») государством, важны межгосударственные, национальные и – в меньшей степени – наднациональные институты; для «старых» иммигрантов национальные институты, разумеется, также важны, но менее актуальны межгосударственные институты, чье место занимают наднациональные.

[283] Дубровина О.Ю. Региональное измерение внешней политики: сущность и содержание // Власть. 2013. № 3. С. 76-80.

3.1. Урегулирование территориальных межэтнических конфликтов

3.1.1. Альтернативы ирредентизму как средству урегулирования территориальных межэтнических конфликтов

Национальные институты

Используемые в целях урегулирования «ирредентистских» межэтнических конфликтов институты национального уровня часто сочетают в себе элементы консоциации и интеграции: с одной стороны, региональные партии получают возможность представления интересов соответствующих групп и влияния на местную и региональную политику; с другой стороны, задействуются формальные и неформальные институты, ограничивающие представительство таких партий в парламенте страны.

Так, Белфастское соглашение, которое позволило завершить «Смуту», позволило воссоздать Североирландскую ассамблею. В 2000-х годах в Северной Ирландии окончательно было прекращено прямое правление из Лондона, официально возобновилась работа органов самоуправления, произошла очередная частичная передача власти от центрального парламента Великобритании, к Стормонту – Законодательной ассамблее Северной Ирландии[284]. В 2010 году Северная Ирландия получила право на собственную судебную систему и полицейскую службу, что окончательно закрепило автономию региона.

Расширение автономии позволило снизить поддержку не только радикальных, но и умеренных течений сепаратизма, как отмечалось выше: избирательная система Великобритании сама по себе не препятствует успеху региональных партий на выборах в национальный парламент, как показывает

[284] Трухачев В. Ольстер: конфликт длиной в тысячу лет // Правда.Ру. 08.10.2008. URL: https://www.pravda.ru/world/286588-ulster/ (дата обращения: 13.04.2023).

успех ШНП, однако, поддержка Шинн Фейн и ее сторонников в последние 20 лет была слишком мала для влияния на ход парламентских дискуссий, что в совокупности с принципиальным отказом представителей Шинн Фейн занимать полученные места в Парламенте Англии позволило перевести конфликт на региональный уровень. Отметим, что такой инструмент характерен для интегративного подхода, тогда как институты Северной Ирландии обычно рассматриваются в рамках консоциативного. Другими словами, в данном случае инструменты двух видов смешиваются.

Так, проявляются и характерные для институтов делиберативной демократии побочные эффекты: форма проявления межэтнического антагонизма сменилась на менее радикальную, но напряженность во взаимодействии этнических групп осталась[285]. Ирландское и английское сообщества в повседневной жизни стремятся свести такого рода взаимодействия к минимуму, обучаясь в разных школах, живя в разных районах, посещая разные церкви (что реализуется довольно просто, учитывая религиозные различия). Тем не менее, учитывая сохраняющую память о прошлых вооруженных конфликтах, вероятно, было бы преждевременно ожидать быстрого исчезновения взаимной неприязни, текущий уровень которой сам по себе не разрушителен для действующей политической системы, однако в совокупности с другими факторами (например, экономическими и внешнеполитическими), способен привести к росту числа критиков status quo.

Аналогичным образом сконструированы национальные институты в Италии. Существующая автономия Южного Тироля также сформирована сочетанием консоциативных и интегративных институтов.

На первой стадии урегулирования конфликта в политике Рима преобладала интегративная тенденция: согласно соглашению Грубера-Де Гаспери 1946 г. территория Южного Тироля, ранее принадлежавшая Австрии, была соединена с

[285] Kudryashova I.V. How to accomplish stability in divided societies // Political science (RU). 2016. № 1. С. 22.

провинцией Тренто в рамках региона Трентино – Альто-Адидже[286]. Однако, в 1972 году, после ряда акций сепаратистов и многосторонних переговорах, которые подробнее анализируются ниже, был принят новый статут, согласно которому Трентино – Альто Адидже получил права расширенной автономии (в том числе, фактическое расширения права отправления законодательной и исполнительной региональной власти): в соответствии с принципом субсидиарности, в исключительном ведении региональной власти оказались «образование региональных ведомств, вопросы наименования населенных пунктов с обязанностью использования двух языков, охрана и защита исторических ценностей, местные обычаи и учреждения (библиотеки, академии, институты, музеи) провинциального характера, территориальное планирование и планы строительства, туризм, сельское и лесное хозяйство, защита сельской местности, общественное здравоохранение и социальное обеспечение, горнодобывающая промышленность, местный общественный транспорт, агрокультура, защита ландшафтов и др.»[287]. Девяносто процентов собираемых в Южном Тироле налогов теперь оставались в регионе. Был признан официальный статус немецкого языка и немецкое название территории – Южный Тироль. Немецкий язык начал действовать наряду с итальянским во многих сферах общественной жизни, в том числе в сфере образования, судебной системе, работе органов власти, требующих от своих сотрудников знания обоих языков.

После конституционной реформы 2001 года защита этнического меньшинства была включена в список национальных интересов Италии, что символически закрепило отказ Рима от политики ассимиляции. Отметим, что обособленность, сформировавшаяся «естественно» в Северной Ирландии, в Южном Тироле является частью формальной институциональной системы, включающей квоты в области публичной службы, раздельное школьное обучение и т.д. Квоты вычисляются на основе регулярных переписей населения,

---

[286] Богатырев А. З., Даова М.Х. Южнотирольская модель автономии как паттерн урегулирования конфликтов этнических меньшинств // Право и государство: теория и практика. 2020. № 12(192). С. 156-159.
[287] Богатырев А. З., Даова М.Х. Южнотирольская модель автономии как паттерн урегулирования конфликтов этнических меньшинств // Право и государство: теория и практика. 2020. № 12(192). С. 156–159.

требующих самоидентификации опрошенных в рамках существующих этнических сообществ.

Более «формализованной» можно назвать и практику широкого представительства этнонациональных партий на региональном уровне и незначительного – на национальном, роль которой схожа с описанной при анализе кейса Северной Ирландии.

Таким образом, на национальном уровне используются интегративные инструменты (позволяющие ограничить конфликт рамками регионального уровня) и консоциативные (позволяющие «разделить» антагонистов и обеспечить защиту их культурных особенностей наряду с включенностью обеих сторон в принятие политических решений, связанных с «рутинными» вопросами, определяющими образ жизни). Напряженность в этом случае также остается – так, тирольские политики (например, как отмечалось выше, Е. Клотц, представитель партии «Свобода Южного Тироля») склонны периодически обвинять Италию в оккупации своего региона – однако, status quo устраивает стороны конфликта в той мере, которая требуется для удержания конфликта в рамках, в основном, легальных дискуссий и акций.

Однако, необходимо отметить, что как сама возможность формирования подобных институтов, так и их успешное функционирование во многом зависят от институтов другого уровня.

Межгосударственные и трансграничные институты

В ноябре 1985 года правительства Ирландии и Великобритании пришли к договорённости, что воссоединение Ирландии должно было произойти тогда и только тогда, когда этого пожелало бы большинство населения Северной Ирландии. Так было выработано англо-ирландское Соглашение в Хилсборо, заложившее основу для дальнейших переговоров.

В результате в 1993 г. был заявлен принцип «открытых дверей» – приглашение за стол переговоров всех вовлеченных сторон с условием их отказа от насилия, что исключало из них радикально настроенные силы как элемент традиционной модели урегулирования отношений. Последующие

многосторонние переговоры завершились Белфастским соглашением, которое позволило установить рассмотренные выше национальные институты урегулирования англо-ирландского конфликта. Однако, ими соглашение не ограничивалось. Оно предусматривало сохранение Ольстера в составе Соединенного Королевства с параллельным укреплением связей с Ирландией (посредством создания министерского совета Севера и Юга, британско-ирландского совета, британско-ирландской международной конференции). Стоит отметить, что вопрос о статусе Северной Ирландии был официально закреплен как открытый: признавалось, что значительная часть населения Северной Ирландии выступает за воссоединение с Республикой Ирландией, и отмечалось, что Северная Ирландия является частью Соединенного Королевства и останется таковой до тех пор, пока большинство жителей Республики Ирландии и Северной Ирландии не поддержат иной вариант.

Аналогичным образом, в 1969 году Италия и Австрия пришли к консенсусу, заложившему основу для реформирования институциональной системы управления Трентино – Альто Адидже[288]. Отметим, что в случае Южного Тироля дальнейшее закрепление роли «родственного» государства в судьбе соответствующего региона происходило с использованием не столько межгосударственных институтов (как в случае Северной Ирландии), сколько трансграничных – в частности, трансграничных регионов (созданных на основе сотрудничества приграничных территорий сопредельных государств для принятия совместных решений и осуществления конкретных программ[289]). Так, в 1998 году был создан еврорегион «Тироль Альто Адидже Трентино», включающий в себя австрийскую федеральную землю Тироль и две итальянские провинции – Южный Тироль и Трентино[290]. В результате указанных изменений значительно уменьшилось значение государственной границы между Италией и

---

[288] Австрия // Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/avstriya.html?page=0,15 (дата обращения: 01.03.2016).

[289] Дополнительный протокол к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. Мадрид. 9 ноября 1995 г. Ст.3. // Сборник документов и материалов по вопросам международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. М., 2003.

[290] Сулимов К.А. Автономная провинция Больцано (Южный Тироль). URL: http://identityworld.ru/maps_aera/profile/south_tyrol.pdf (дата обращения: 13.04.2018).

Австрией на территории данного еврорегиона, что удовлетворило стремление многих жителей Южного Тироля к воссоединению с более близким в культурном и лингвистическом отношении государством.

Другими словами, на уровне межгосударственного сотрудничества важной остается не только способность «родственного» и «принимающего» государств заключать соглашения по конкретным вопросам, но и институционализация регулярных встреч по таким вопросам. Немаловажным оказывается и формат трансграничного сотрудничества, при котором часть полномочий из сферы внешней политики (обычно касающихся международных экономических связей) делегируется регионам, что может отчасти компенсировать неизбежно ограничиваемую независимость территории, являющейся только частью определенного государства.

Однако, и создание институциональных условий урегулирования конфликтов данных уровней, как показывает история, часто связано с ролью других институтов, связанных с деятельностью наднациональных акторов.

Наднациональные институты

Как отмечает профессор Женевского института международных отношений и развития Нико Криш, описывая разногласия регионов с центром, «в данном случае международное право не многое может предложить, но Европейский союз может изобретать промежуточные формы»[291].

Нормы Европейского союза обеспечили прозрачность границ между его государствами-членами, что устранило ряд социальных и экономических предпосылок сепаратизма в Северной Ирландии с 1973 года, когда Ирландия, и Соединенное Королевство стали членами ЕС. В свою очередь, выход Великобритании из состава Европейского союза стал причиной роста поддержки сепаратизма в Северной Ирландии, ускорившегося после возникновения напряженности в процессе переговоров о новом режиме границы между Республикой Ирландией и Соединенным Королевством.

---

[291] Krisch N. Catalonia's independence: a reply to Joseph Weiler // EJIL: Talk! 18.01.2013. URL: https://www.ejiltalk.org/catalonias-indepence-a-reply-to-joseph-weiler/ (accessed: 13.04.2018).

Еще более интересной оказалась роль Европейского союза в разрешении южнотирольского конфликта. Отказ Австрии от претензий на территорию Южного Тироля некоторые исследователи[292] связывают с давлением ЕС, рассматривавшего указанное действие как одно из условий членства Австрии в ЕС. Отказ произошел в 1992 году, в 1995 Австрия стала государством-членом ЕС. Дальнейшее углубление интеграции (вступление Австрии и Италии в Шенгенскую зону в 1997 году и в зону евро в 1999, создание еврорегиона «Тироль Альто Адидже Трентино» в 1998), в свою очередь, также способствовало восстановлению связей Южного Тироля с Австрией.

И расширение автономий, и создание трансграничных регионов поддерживает ЕС в рамках реализации одного из важнейших принципов современного Европейского союза – принципа субсидиарности – что означает необходимость расширения полномочий региональных властей. В целом, воздействие ЕС на урегулирование межэтнических конфликтов в его государствах-членах оказывается в указанных профессором Брюссельского свободного университета Бруно Коппитерсом направлениях политики ЕС: во-первых, в рамках Европейского союза поддерживаются модели регионального самоуправления, которые уважают принцип территориальной целостности; во-вторых, поддерживаются стратегии реформирования, направленные на повышение уровня самоуправления в соответствии с демократическими принципами, а террористические стратегии отвергаются; в третьих, считается легитимным применение силы против террористических групп и в других исключительных обстоятельствах[293].

Таким образом, создание национальных и трансграничных институтов урегулирования межэтнических ирредентистских конфликтов в ЕС предваряет установление институтов межгосударственного и наднационального уровней

---

[292] Сорвина М. Ю. Современная мирная инициатива по урегулированию межэтнической проблемы Южного Тироля // Проблемы толерантности: история и современность: Материалы Международной научной конференции, Череповец, 16–18 апреля 2015 года. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2015. С. 83-85.

[293] Coppieters B. Secessionist conflicts in Europe // Secession as an international phenomenon: from America's Civil War to contemporary separatist movements / Ed. D.H.Doyle. Georgia: University of Georgia Press, 2010. P. 255.

(Приложение 3. Схема 1. Система институтов урегулирования территориальных межэтнических конфликтов (ирредентизм) в странах Европейского союза).

3.1.2. Автономия вместо сецессии как средство урегулирования территориальных межэтнических конфликтов[294]

Было бы логично предположить, что в случаях, когда межэтнический конфликт связан с деятельностью движений, стремящихся к сецессии или автономии, роль внешних акторов при урегулировании конфликтов будет менее значимой, нежели в «ирредентистской» модели. Однако, несмотря на то что влияние «родственного» государства, если оно существует, в таких случаях обычно менее значимо (и именно поэтому сепаратистское движение сосредотачивается на сецессии или автономии как возможной цели), то наднациональные институты сохраняют значимую роль.

Национальные институты

В качестве примера регионов, основой для усиления напряженности между этническими группами которых служат неудачные переговоры об изменении национальных институтов, можно рассмотреть Каталонию в Испании, Шотландию в Великобритании и Фландрию и Валлонию в Бельгии.

В Испании одной из распространенных тем политических дискуссий является противоречивость конституционного устройства Испании, которая является государством автономий, то есть унитарным децентрализованным образованием с многочисленными признаками, присущими федерациям. Конституция Испании содержит много неопределенных положений, что создает двусмысленную форму децентрализации, не соответствующую в полной мере ни идеалам консоциации, ни методам интеграции: отсутствует законченная схема разделения полномочий между центром, автономными областями и

[294] При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Филяева А.И. Каталонский кризис сквозь призму Стэндфордской модели кризиса политического развития // Русская политология. 2019. № 3(12). С. 23-35.

муниципалитетами, некоторые формулировки могут трактоваться двояко[295]. Соответственно, снижение конфликта отмечается в областях, в которых представителям региональных властей удалось добиться толкования закона в их пользу.

В испанской Стране Басков институциональные проблемы государственного уровня сейчас менее значимы, чем в Каталонии. Так, высокая степень автономии, предоставленная Стране Басков, обуславливает высокую поддержку среди населения региона Баскской националистической партии, которая, как отмечалось выше, в настоящее время выступает не за отделение территории от Испании, а за продолжение переговоров с Мадридом о дальнейшем расширении полномочий властей региона. Так было не всегда, как отмечалось ранее; однако, после серии успешных договоренностей между центром и представлявшей Страну Басков Баскской националистической партией в 2003–2009 годах взаимодействие сторон было относительно мирным.

Иначе события развиваются в Каталонии, переговоры представителей которой с Мадридом в последние 10 лет могут рассматриваться как неудачные. Масштаб проблемы продемонстрировал изъян интегративной стратегии урегулирования конфликтов, предлагающей не допускать на национальный уровень региональные партии посредством, в том числе, соответствующей нарезки избирательных округов: потерявшие надежду на диалог «на равных» каталонские националисты просто перешли грань закона, что привело к резкой эскалации конфликта.

На выборах в Парламент Испании 2004 года одержала победу Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП; Partido Socialista Obrero Español), сформировавшая новое правительство, которое поддерживало идею расширения автономии: в октябре 2004 года говорилось о «готовности правящей партии

[295] Хенкин С.М. Потенциал регионального сепаратизма в Испании // РСМД. 21.06.2012. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/potentsial-regionalnogo-separatizma-v-ispanii/ (дата обращения: 19.12.2017).

провести реформу системы автономий»[296]. В это время уже составлялся проект нового текста закона об автономном статуте, который был одобрен 30 сентября 2005 года парламентом Каталонии, а затем передан в Мадрид. Началось активное обсуждение проекта нового статута. После внесения ряда изменений текст статута был вынесен на референдум и 18 июня 2006 года был одобрен. Сама по себе инициатива создания нового статута была приемлемой, однако суть предлагаемых изменений противоречила конституционному устройству государства, что свидетельствовало о выходе властей автономии за пределы своих полномочий. Возникшая ситуация, очевидно, свидетельствует о том, что с приходом к власти ИСРП политическая система потеряла необходимый уровень управляемости. Правительство, поддержав стремление Каталонии к автономии, не сумело установить границы предлагаемых реформ, которые бы соответствовали основному закону страны.

Как бы то ни было, одобрение нового автономного статута Каталонии в 2006 году повлекло за собой резко негативную реакцию Народной партии Испании (НП). НП, а также «Народный защитник и автономные сообщества Арагон, Балеарские острова, Валенсия, Мурсия и Риоха»[297] обратились в Конституционный суд, чтобы оспорить противоречившие Конституции положения. В то время, как Конституционный суд разбирал указанные иски, появились внешние изменения, усугубившие положение страны: в 2008 году начался мировой экономический кризис. В Каталонии заговорили о том, что налоговый дефицит – разница между суммой налогов, выплаченных Испании Каталонией, и суммой, полученной регионом после перераспределения полученных средств на государственном уровне – составляет около 8 %[298]. В ситуации экономического кризиса такие особенности финансирования регионов

---

[296] Висенс Е. От национальности к нации, или уроки национализма // Испания − Каталония: империя и реальность. Сборник статей. / Перевод, составление и предисловие Елены Висенс. М.: REGNUM, 2007. 92 с.

[297] Хенкин С.М. Испания: испытание Каталонией / С.М. Хенкин // Перспективы : [веб-сайт] / Фонд исторической перспективы. 14.01.2013. URL: http://www.perspektivy.info/book/ispanija_ispytanije_katalonijej_2013-01-14.htm. (дата обращения: 10.10.2019).

[298] Muñoz J., Tormos R. Economic expectations and support for secession in Catalonia: between causality and rationalization // European Political Science Review. 2015. 7:2. P. 315-341.

вышли на передний план, что привело к росту поддержки каталонских националистов.

В дальнейшем КиС неоднократно предпринимала попытки расширения автономии региона. Однако, правительство Испании, сформированное Народной партией, победившей на выборах 2011 года, отвечало решительным отказом на все инициативы каталонцев. После нескольких безрезультатных попыток добиться компромисса с центром, в 2013 году, одна из членов КиС, партия «Демократическая конвергенция Каталонии» (ДКК) сочла, что программа «Государства автономий», которой ранее придерживалась партия, провалилась, и главной целью партии официально стала независимость Каталонии. Возможно, на ранних этапах это можно было рассматривать как попытку привлечь внимание Мадрида и вовлечь центр в дискуссию; однако, после ряда действий обеих сторон, рассмотренных ранее, «точка невозврата» оказалась пройдена. Это стало причиной эскалации конфликта, так и не разрешенного до сих пор, поскольку, как указывалось ранее, сепаратисты не рассматривают как полноценную начавшуюся в 2022 году дискуссию о проблемных институтах. Несмотря на заключение правительствами Испании и Каталонии соглашений «о преодолении юридизации [политической жизни] и укреплении гарантий»[299] и о продвижении и защите каталанского языка, представители Каталонии настаивают на проведении референдума о независимости.

В Бельгии дискуссия о спорных элементах системы продолжается, чему, вероятно, способствует тенденция к поддержке более умеренных представителей Фландрии и Валлонии на национальных парламентских выборах. Однако, в соответствии с неформальными правилами бельгийской политической системы, продолжительность обсуждения вопроса прямо пропорциональна уровню его сложности, а главные противоречия связаны с основами действующей институциональной системы.

---

[299] Гаврилова С. Каталонский вопрос на повестке политической жизни Испании // РСМД. 27.01.2023. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/katalonskiy-vopros-na-povestke-politicheskoy-zhizni-ispanii/ (дата обращения: 10.04.2023).

Так, критикуется консоциативный формат разделения страны на языковые сообщества и округи, каждый из которых имеет свой парламент и правительство. Регионы Фландрия и Валлония существуют практически независимо друг от друга, а территория округа Брюссель, «смешивающего» говорящие на разных языках сообщества, становится все меньше, как показывает рассмотренная ранее ситуация в муниципалитетах Халле и Виллворде. С одной стороны, такой формат позволяет каждой этнической группе в полном объеме представлять свои интересы и влиять на политические решения; с другой стороны, ставится под сомнение необходимость сосуществования территорий, не связанных практически ничем, кроме института бельгийской монархии, национальной футбольной команды и неприязни к новым иммигрантам. Тем не менее, такой формат пока позволял Бельгии разрешать многие противоречия – возможно, за счет наднациональных институтов, влияние которых будет подробно рассмотрено ниже, но и в этой части работы проявляется в следующем кейсе – шотландском.

В Шотландии степень удовлетворенности институциональным устройством государства после реформ 1998 года оставалась примерно на том же уровне, что и в Стране Басков: стремление сепаратистов к независимости отчасти удовлетворялось компромиссными мерами центра, а противоречия разрешались легальным путем (вплоть до проведения референдума о независимости Шотландии). Однако, как и в Стране Басков, экономические и финансовые аспекты взаимодействия центра и регионов были и остаются основным источником противоречий. Предпосылкой роста популярности шотландского национализма являются и институты, связанные с двумя другими направлениями, остающимися в исключительной компетенции Лондона: социальной и внешней политики. Противоречия по соответствующим вопросам были серьезно усугублены изменением роли наднациональных институтов в связи с процедурой Brexit.

Таким образом, переход от мирных дискуссий унионистов и сецессионистов/автономистов к столкновениям часто связан с недостатками действующей институциональной системы государства и неспособностью сторон

конфликта выработать проект их устранения. Однако, решающей причиной (или поводом) для обострения межэтнического конфликта могут стать и наднациональные факторы.

Наднациональные институты

Как отмечалось ранее, шотландские националисты заявили, что решение о проведении нового референдума о независимости следует принимать по завершении процедуры «брексита», когда будет возможность оценить достигнутые результаты[300]. Однако, процедура затянулась. Заключенное в 2020 году новое торговое соглашение сохранило нулевые тарифы и нулевые квоты и закрепило компромиссное решение вопроса рыбной ловли. Однако, вопросы о регулировании финансовых рынков и обмене данными в нем рассмотрены не были[301], что не позволяло делать благоприятные прогнозы о будущем британской экономики, уже пострадавшей не только от ожидавшихся следствий Brexit, но и от непредвиденных обстоятельств, связанных с пандемией COVID-19. Неудивительно, что по завершении 1 января 2021 года переходного периода и официального осуществления Brexit представители ШНП снова начали высказываться в поддержку проведения нового референдума о независимости.

В свою очередь, переход к диалогу между правительством Испании и баскскими сепаратистами в целях урегулирования конфликта активно поддерживался со стороны Европейского парламента[302], что наряду с готовностью сторон конфликта идти на компромиссы привело к позитивным результатам. Аналогичную роль играет статус Бельгии как центра ЕС и его модели, что не позволяет «эталону» европейской политической системы демонстрировать ожесточенную конфронтацию крупнейших этнических групп.

---

[300] Carrell S. Nicola Sturgeon shelves second Scottish independence referendum // The Guardian. 27.06.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.theguardian.com/politics/2017/jun/27/nicola-sturgeon-shelves-second-independence-referendum (accessed: 03.03.2021).

[301] Беляев Д. Соглашение Великобритании и ЕС. Вопросов больше, чем ответов // ТАСС. 25.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10353351 (дата обращения: 03.03.2021).

[302] EP supports peace initiative in Basque Country and expresses solidarity with victims // European Parliament. URL: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+IM-PRESS+20061020IPR11900+0+DOC+PDF+V0//EN&language=ES (accessed: 13.04.2018).

В то же время, Европейский союз, как уже отмечалось ранее, поддерживает принцип субсидиарности. В 1980-х годах начинает формироваться институциональная система, отражающая пересечение тенденций «внутригосударственного» регионализма как процесса передачи части государственных полномочий в политической и экономической сферах региональным органам[303] и «международного» регионализма как процесса «сознательного расширения и интенсификации… взаимодействий между странами…»[304]. Как указывает д.п.н., профессор КубГУ А.В.Баранов, в этот период начинает складываться «правовая основа создания самостоятельной политической роли» [305] регионов Европейского союза. Так, в 1984 году были разработаны рекомендации по созданию автономных региональных органов и установлению прямых связей между ними и европейскими институтами[306]. В 1988 г. Европейский парламент принял «Хартию Сообщества по проблемам регионализации», в 1991 г. – «Хартию регионов Сообщества». В данных документах указывалось, что «регион – это оперативный орган и институциональная ткань сообщества». В связи с этим в 1991 году был создан новый институт ЕС – Комитет регионов, «состоящий из представителей региональных и местных автономий и призванный обеспечить проведение региональной политики и координирование деятельности регионов на общеевропейском уровне»[307]. Комитет является лишь консультативным органом, и изначально его влияние было крайне ограниченным, однако, само его создание стало заявлением об изменении политической структуры ЕС и о потенциале региональных политических акторов, которых ЕС активно поддерживает.

Каналами увеличения влияния региональных структур на наднациональном уровне является посещение Брюсселя представителями региональных институтов

---

[303] Ачкасов В.А. Что такое регионализация? // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2006. № 3. С. 24.
[304] Ачкасов В.А. Что такое регионализация? // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2006. № 3. С. 24.
[305] Баранов А.В. Субнациональные регионы Европейского союза в системе транснациональной интеграции // Вестник ПГУ. 2005. № 1. С. 90.
[306] Зонова Т.В. От Европы государств к Европе регионов / Т.В. Зонова // Полис. 1999. № 5. С. 156.
[307] Там же.

власти и открытие представительств регионов в ЕС[308], а также участие представителей регионов в деятельности Комитета регионов ЕС и Европейского парламента. Представители европейских сепаратистских движений активно участвуют в данных видах политической активности.

Многие сепаратисты (например, члены Нового фламандского альянса К.В. Овермейер, М. Хендрикс, К. Ванлоу) являлись в прошлом или являются в настоящее время членами Комитета Регионов, и, как и другие представители регионов, работающие в составе данного института, выступают за изменение его статуса – превращение его в полноценный институт ЕС. Пока осуществление этой реформы остается маловероятной перспективой, интересы сторонников независимости представляют члены Европейского парламента – например, регионалистское объединение Европейский свободный альянс, в который входят, в том числе, ШНП, НФА, Левая республиканская партия Каталонии и Свобода Южного Тироля. Партии, занимающие значимое положение в региональном правительстве своей территории (ШНП, БНП и пр.), осуществляют деятельность по представительству в ЕС своих регионов, которое в настоящее время широко развито[309].

Однако, стремление Европейского союза к поддержке и региональных акторов, и представителей суверенных государств не всегда оказывает благотворное влияние на процесс урегулирования конфликтов. Решение Верховного суда выдать международный ордер на арест К. Пучдемона и его соратников, принятое 23 марта 2018 года, не только осложнило взаимоотношения парламента Каталонии с парламентом Испании, но и вызвало массовые протесты в Каталонии и, как следствие, осуждение действий испанских властей со стороны граждан многих государств Европейского союза. Европейский союз и его государства-члены, как и раньше, продолжали поддерживать мирное урегулирование конфликта между Мадридом и Барселоной, стремясь при этом сохранить нейтралитет, о чем, на наш взгляд, свидетельствует решение суда

---

[308] Баранов А.В. Субнациональные регионы Европейского союза… С. 89-92.
[309] CoR Regional Offices. URL: https://cor.europa.eu/en/members/Documents/regional-offices-organisations.pdf (accessed: 10.04.2018).

Шлезвиг-Гольштейна в Германии о невозможности экстрадиции Карлеса Пучдемона в Испанию.

Осенью 2017 года представители Европейской комиссии (высшего органа исполнительной власти Европейского союза) отмечали, что конфликт с Каталонией является внутренним делом Испании[310]. Однако, после побега Карлеса Пучдемона в Бельгию и возникновения вопроса о возможности его экстрадиции проблема приобрела международный масштаб, став угрозой для взаимоотношений государств-членов ЕС и способности Европейского союза поддерживать соблюдение права. В марте 2018 года ситуация возникла повторно: теперь решение об экстрадиции Пучдемона должен был принять немецкий суд.

Как Бельгии в 2017 году, так и Германии в 2018 году удалось максимально деполитизировать процесс принятия решения: европейский ордер об аресте подразумевает возможность выдачи обвиняемого в случае, если обвинения соответствуют уголовному кодексу данной страны. Поскольку обвинения в мятеже и подготовке восстания не соответствуют законодательству Бельгии и Германии, в экстрадиции Пучдемона Испании было отказано[311]. Таким образом Бельгии и Германии удалось избежать обвинений в нарушении прав человека, что позволило предотвратить эскалацию напряжения в ЕС. Однако, ситуация расколола европейцев на сторонников каталонских политиков-сепаратистов, считающих, что их преследование обусловлено политическими причинами, и сторонников испанского правительства, обвиняющих бывших членов правительства Каталонии в мятеже и организации беспорядков, которые привели к негативным для Каталонии последствиям в экономической и политической сфере. Невмешательство Европейского союза в конфликт вызывает все большее недовольство европейских активистов.

Так, основатели движения «¡Basta ya!» обратились к руководству ЕС с просьбой помочь Испании «восстановить конституционный порядок и правила

---

[310] Catalan independence referendum illegal under Spanish constitution, European comission confirms // The Independent. 02.10.2017. URL: https://www.independent.co.uk/news/world/europe/catalan-independence-referendum-not-legal-spanish-constitution-european-commission-juncker-spain-law-a7978386.html (accessed: 10.04.2018).

[311] Воробьева Е. Каталонский кризис: как решение Европарламента приблизило возможный арест Пучдемона // ТАСС. 11.03.2021. URL: https://tass.ru/opinions/10878025 (дата обращения: 14.04.2022).

демократии»[312] в Каталонии. Вероятно, в случае, если бы наднациональные органы власти ЕС обладали бы более сильным влиянием, нежели национальные государства, такое вмешательство было бы уместным. Однако, в настоящее время вмешательство ЕС вызвало бы недовольство со стороны национальных правительств. Призывы к ЕС с требованием разрешить конфликт в Каталонии усиливают противоречие между наднациональными органами власти и национальными государствами, что в современных условиях скорее ослабит первых. Неудивительно, что бельгийские депутаты, в том числе, члены Европейского парламента, в свою очередь, направили открытое письмо Мариано Рахою с просьбой «смягчить меры, применяемые к лидерам сепаратистского движения Каталонии и начать диалог»[313], отмечая, что «ответственность за погашение кризиса лежит на главах правительств»[314].

Двойственность такой позиции, как ни парадоксально, не позволила ЕС выступить в качестве нейтральной стороны, способствующей урегулированию конфликта, более жесткая позиция ознаменовала бы отказ либо от поддержки региональных идентичностей, либо от защиты государственного суверенитета членов союза.

Таким образом, существующие институты ЕС способны повлиять на урегулирование конфликта как негативно (при демонстрации «неясной» позиции в отношении нарушающих закон сепаратистов), так и позитивно (при формировании институтов, предоставляющих альтернативу отделению). Поэтому в настоящее время более безопасным, привлекающим меньшее внимание к роли Брюсселя в области внутренней политике государств-членов ЕС, представляется другое направление политики ЕС – поддержка межрегиональных трансграничных институтов.

Трансграничные институты

---

[312] Испанские правозащитники требуют от ЕС навести порядок в Каталонии // ИА REGNUM. 30.03.2018. URL: https://regnum.ru/news/polit/2397977.html (дата обращения: 10.04.2018).
[313] Европейские депутаты пристыдили испанское правительство // ИА REGNUM. 30.03.2018. URL: https://regnum.ru/news/2398053.html (дата обращения: 10.04.2018).
[314] Там же.

Распространенным средством снижения напряженности, как и в случае ирредентистских конфликтов, оказывается создание трансграничных регионов.

Несколько территорий, входящих в зону распространения каталанского языка, с 2004 года объединяет еврорегион Пиренеи-Средиземноморье[315]. В настоящее время в его состав входят регионы Испании – Каталония и Балеарские острова, а также французская Окситания, один из департаментов которой – Восточные Пиренеи – является частью исторической области Каталония[316]. Основными направлениями деятельности данного еврорегиона являются содействие обмену информацией в целях развития межрегионального сотрудничества и привлечения инвестиций, создание инфраструктуры, необходимой для устойчивого развития еврорегиона, развитие традиционных и инновационных отраслей экономики, университетов, научных организаций, создание общего социального, культурного и коммуникационного пространства[317]. Каталонские сепаратисты – члены альянса «Конвергенция и Союз» – поддерживали инициативу создания включающего Каталонию еврорегиона еще с 1990-х[318]. Однако, его создание позволило устранить культурные (и отчасти – лингвистические) предпосылки эскалации конфликта, но не экономические и правовые, более актуальные для Каталонии.

Более сильное воздействие на экономическую предпосылку сепаратизма оказало создание европейской группировки (группы) территориального сотрудничества (ЕГТС) Западная-Фландрия/Фландрия-Дюнкерк-Кот-д'Опаль, объединившей несколько территорий исторической Фландрии – Западную Фландрию (Бельгия) и французские департаменты Нор и Па-де-Кале[319]. Формат данной ЕГТС, представляющей собой устойчивую правовую структуру с автономной правосубъектностью в правовых рамках государств-членов ЕС[320],

---

[315] The Euroregion presentation // Euroregio. 27.01.2022. URL: http://www.euroregio.eu/en/the-euroregion/presentation (accessed: 30.01.2023).
[316] По ту сторону Пиренеев: почему каталонцы из Франции ждут референдума // РИА Новости. 29.09.2017. URL: https://ria.ru/world/20170929/1505859538.html (дата обращения: 10.04.2018).
[317] Euroregion lines of action. // Euroregio. URL: http://www.euroregio.eu/en/euroregion/objectives (accessed: 10.04.2018).
[318] Bollens S.A. Cities, Nationalism and Democratisation. New York: Routledge, 2007. P. 77.
[319] EGTS. URL: http://www.gect-egts.eu/nl/egts (accessed: 10.04.2018).
[320] Буданова И.А. "Акторность" еврорегионов // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3(30).С. 57-63.

поддерживает экономическое сближение акторов во Франции и Бельгии, интеграцию рынков труда, сотрудничество в сфере образования и науки, туризма.

Представители баскского сепаратизма долгое время лоббировали создание трансграничного региона, предлагая включить в его состав Наварру и французскую Страну Басков[321], которые, как и испанская Страна Басков, являются частью «Эускаль Эрриа» - самоназванной территории государства басков, территории, за независимость которой выступала ЭТА. В итоге в 2011 году был создан еврорегион Аквитания-Эускади, объединивший Страну Басков и Новую Аквитанию (включающую в себя французскую Страну Басков). С 2017 года Наварра также стала частью данного еврорегиона[322]. Деятельность данного еврорегиона направлена на «стимулирование общего еврорегионального сознания»[323], содействие трансграничной мобильности людей, развитие экономики знаний, повышение конкурентоспособностей, стимулирование сотрудничества в области образования и науки, туризма, экологии и т.д. Другими словами, действующее соглашение напоминает Белфастское, соединившее Республику Ирландия с Северной Ирландией. Данное соглашение, в условиях более благоприятных, нежели каталонские, оказалось более удачным.

Таким образом, предпосылки стремления к сецессии и автономии часто связаны с проблематичным, с точки зрения сепаратистов, функционированием национальных институтов; однако, на ход конфликта в равной степени оказывают влияния как национальные, так и наднациональные институты Европейского союза. Трансграничные институты играют второстепенную роль, и только в тех случаях, когда их деятельность связана с ключевыми предпосылками межэтнического конфликта, что бывает реже, чем при разрешении «пограничных» ирредентистских конфликтов (Приложение 4. Схема 2. Система институтов урегулирования территориальных межэтнических конфликтов (сецессия/автономия) в странах Европейского союза).

---

[321] Уркулью претендует на создание «еврорегиона» с Наваррой и французской Страной Басков // Espana Rusa. 10.11.2014. URL: https://espanarusa.com/ru/news/article/541268 (дата обращения: 10.05.2017).
[322] Projets de dimension eurorégionale - Eurorégion Aquitaine-Euskadi-Navarre // La Mot. URL: http://www.espaces-transfrontaliers.org/ressources/projets/projects/project/show/projets-de-dimension-euroregionale-euroregion-aquitaine-euskadi-navarre/ (accessed: 10.04.2018).
[323] Ciudadanía eurorregional. URL: http://www.naen.eu/es/strategie/citoyennete-euroregionale/ (accessed: 10.04.2018).

3.2. Урегулирование нетерриториальных межэтнических конфликтов

3.2.1. Адаптация и интеграция как стратегии институционального урегулирования нетерриториальных межэтнических конфликтов с участием новообразованных иммигрантских сообществ[324]

В случае нетерриториальных межэтнических конфликтов оказываются неактуальными некоторые институты из применяющихся при разрешении конфликтов территориальных: территориальная децентрализация, создание трансграничных регионов и пр. Однако, как и в рассмотренных ранее случаях, наблюдается серьезное влияние на ход конфликтов «внешних» акторов и порождаемых их взаимодействием институтов. В условиях, когда национальные институты еще не успели окончательно сформироваться, поскольку та или иная этническая группа сравнительно недавно действует на территории определенного государства как самостоятельный политический актор, влияние внешних акторов – Европейского союза и «родственных» государств – оказывается особенно значимым. Именно в таких условиях развивается конфликт между этническими группами иммигрантов, исповедующих ислам, и «коренного» населения Франции, Австрии и Италии.

Национальные институты

Как отмечалось ранее при рассмотрении примера Италии, создание сплоченных мусульманских общин в европейских государствах обычно сопряжено с рядом трудностей, связанных не только с конфессиональной, но и

[324] При подготовке данного раздела диссертации использованы следующие публикации, выполненные автором лично, в которых, согласно Положению о присуждении ученых степеней в МГУ, отражены основные результаты, положения и выводы исследования: Филяева А.И. Институциональное урегулирование нетерриториальных межэтнических конфликтов: стратегии адаптации и интеграции // Вестник Московского государственного областного университета. – 2023. – № 2. URL: https://old.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/1184 (дата обращения: 09.06.2023).

этнической раздробленностью: помимо различий многочисленных течений ислама, консолидации мусульман порой препятствуют различия культур «родственных» стран, из которых происходят или сами иммигранты, или их предки. Так, во Франции первенство по численности делят сообщества иммигрантов из Алжира и Марокко, однако, мусульмане представлены и выходцами из Туниса, Турции, Ливана и др. государств[325]; в Италии крупнейшими можно назвать группы албанцев и марокканцев, значительно превосходящие по численности сообщества выходцев из Бангладеш, Египта, Пакистана и т.д.; в Австрии турки, составляющие большинство среди мусульман-иммигрантов, все же не могут консолидироваться с босняками, македонцами и албанцами[326]. Другими словами, в рассматриваемых государствах нет этнической группы, которая, являясь безусловным демографическим и духовным лидером, могла бы претендовать на представительство идей мусульман в коммуникациях с государственными служащими. В связи с этим институциональные связи не образуют единую устойчивую систему.

Кроме того, во всех трех государствах при увеличении числа иммигрантов-мусульман была выявлена следующая проблема: право свободного выбора религии и отправления соответствующего культа в случае ряда направлений ислама не может быть полностью реализовано, поскольку ислам фактически не отделяет частную жизнь от общественной[327], а религиозные нормы – от правовых, следствием чего являются предложения радикальных представителей мусульманских сообществ о внедрении норм шариата в правовую систему «принимающих» государств. С другой стороны, политика ассимиляции, склонения иммигрантов к отказу от прежних этнокультурных ценностей, противоречит статье 18 Декларации прав человека и гражданина. Решение данной проблемы вырабатывается в ходе диалога между различными акторами, роль

---

[325] Étrangers – Immigrés : pays de naissance et nationalités détaillés. Recensement de la population // Institut national de la statistique et des études économiques. 29.06.2020. URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/4510549?sommaire=4510556 (accessed 03.05.2021).

[326] Пинюгина Е. В. Мусульмане в Австрии: проблемы и достижения интеграции // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5(26). С. 103-110.

[327] Биссон Л. С. Ислам и Республика во Франции // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2(14). С. 117-122.

которых в принятии решений варьируется в зависимости от концепции национальной идентичности соответствующего государства.

Наиболее последовательным сторонником интегративной модели разрешения конфликтов можно назвать Францию, в последние годы стремящуюся в значительной мере унифицировать культуру своих граждан (по крайней мере, культуру правовую и социальную), проводящую политику, приводящую к расколу мусульман и сокращающую число конфессий, наделенных возможностью представлять интересы мусульман в дискуссиях с центром. Приоритет постсекуляризма (идеи разделения не только сфер государственного и религиозного, но и общественной и личной нравственной жизни[328]) и, в частности, свободы слова предполагает исключение из диалога с Парижем ряда мусульманских движений, в том числе, умеренных с точки зрения других государств, в т.ч., Италии. Так, новый закон о сепаратизме, обсуждавшийся в Сенате Франции 30 марта 2021 года[329], призванный подчеркнуть светский характер Французской Республики и ослабить позиции радикального ислама, содержит ряд положений, воспринятых многими мусульманами как ограничение свободы слова и вероисповедания. В том числе, закон подтверждает и расширяет действие принципа нейтральности, согласно которому госслужащим, а также сотрудникам частных компаний, заключивших контракт с государством, запрещено носить религиозные символы и высказывать свои политические взгляды[330]. Ужесточается контроль над религиозными организациями и направляемыми им финансовыми средствами (источники пожертвований свыше 10 тысяч евро будут раскрываться), вводится обязательное посещение государственных образовательных учреждений для всех детей в возрасте от 3 лет (за исключением ситуаций, в которых этому препятствует ряд медицинских

---

[328] Биссон Л. С. Ислам и Республика во Франции // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2(14). С. 117-122.

[329] France's 'anti-separatism' law aims to legalize Islamophobia: Experts // Daily Sabah. 2021. URL: https://www.dailysabah.com/world/europe/frances-anti-separatism-law-aims-to-legalize-islamophobia-experts (accessed 11.05.2021).

[330] Шумилин А. И. Франция: Республика против "политического ислама" (часть i) // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 1(19). С. 56.

показаний), корректируются законы о наследовании с целью заблокировать действие соответствующих норм шариата.

Формируемые в результате такой политики институты оказываются «невозможными» с точки зрения многих мусульман, которых эти институты были призваны включить в социальную и правовую системы Франции. Это углубляет раскол между мусульманскими группами, поскольку за рамками институциональных связей с государством оказываются не только откровенно радикализированные группы, но и относительно умеренные[331], а значит, число «исключенных» людей возрастает, что способствует эскалации конфликта. Организации, соглашающиеся коммуницировать с правительством, осуществляющим такую политику, не воспринимаются как реальные представители интересов мусульманских групп. Так, «Французский совет мусульманского культа» частью мусульман рассматривался лишь как канал коммуникации с государством, при использовании которого можно объединиться, формально принять ряд его условий ради «успокоения» силовых ведомств[332]. В действительности же представители разных этнических групп, объединенные вокруг разных организаций, мечетей и молельных домов, образуют пеструю группу верующих от фундаменталистов до либеральных мусульман. В данной ситуации государство сделало акцент на индивидуальной, а не групповой интеграции[333], фактически разорвав диалог с рядом мусульманских движений (что проявляется, в том числе, в образовательной политике Франции). Разрыв диалога усугубляется недавним роспуском Французского совета мусульманского культа, заменить который призвана новая организация, Мусульманский форум, членов которого отбираются представители государственных органов власти, а не

---

[331] Nussbaum A. Macron Thrusts Muslims Onto the Front Line of French Politics. // Bloomberg. 2020. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-12-13/macron-thrusts-muslims-onto-the-front-line-of-french-politics (accessed 03.05.2021).

[332] Повразнюк К. В. Роль мусульманских организаций в сообществах Великобритании, Германии, Франции и Италии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 4. С. 116-129.

[333] Семененко, И. С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Управление государством: Проблемы и тенденции развития: Политическая наука: Ежегодник 2007 / Российская ассоциация политической науки. Москва: Издательство "Политическая энциклопедия", 2008. С. 448-501.

религиозные деятели[334]. Другими словами, осуществляются попытки использовать техники делиберативной демократии, стремящейся сместить акцент с групповой идентичности на индивидуальную. Однако, для снижения роли групповой идентичности среди мусульман Париж задействует меры, усиливающие значение государственных институтов и уменьшающие роль институтов религиозных, а именно такие меры вызывают резкую критику со стороны мусульман и способствуют росту напряженности.

Проявляется и один из наиболее значимых недочетов интегративного подхода: будучи исключенными из процесса обсуждения решений государства, радикальные представители этнических групп переходят к нелегальным методам выражения своей позиции, как показывают рассмотренные ранее события во Франции. Избежать эскалации конфликта в такой ситуации возможно лишь в случае слабости радикалов. Снизить их влияние государство пытается при помощи поддержки формирования новых «зонтичных» мусульманских организаций, поддерживающих умеренный ислам, таких, как созданный в 2016 г. Фонд в поддержку ислама, включающий общественных деятелей (не только мусульманского вероисповедания), имамов и исламоведов[335]. Недолгое существование Фонда пока не позволяет прийти к выводу о его (не)эффективности, однако, охарактеризованное выше ужесточение политики Парижа само по себе препятствует консолидации мусульман, ослабляя позиции умеренного ислама, действия сторонников которого рассматриваются частью французских мусульман как недостаточные для защиты их веры. Так, Координационный комитет турецких мусульман во Франции (ККТМФ), Исламская конфедерация Милли Горюс (ИКМГ) и Движение за веру и практику (ДВП) охарактеризовали текущую политику Парижа как стремление «подменить исламские ценности ценностями французскими»[336]. В целом, эта фраза вторит

---

[334] "Это погубит всех". Во Франции приняли судьбоносное решение // РИА Новости. 14.02.2022. URL: https://ria.ru/20220214/frantsiya-1772343439.html (дата обращения 03.08.2022).

[335] Осипов Е. А. Умеренный ислам во Франции как перспектива выхода из кризиса идентичности // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 156-165.

[336] Шумилин А. И. Франция: Республика против "политического ислама" (часть i) // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 1(19). С. 54-61.

высказыванию Президента Франции Э. Макрона «школы прежде всего должны вселять ценности Республики, а не какой-то религии»[337], и позволяет исчерпывающе охарактеризовать текущую политику французского правительства.

Другими словами, существующие во Франции национальные институты позволили создать и закрепить практику эффективного диалога лишь с представителями либеральной ветви умеренного ислама, все больше сужающейся с принятием новых законов. В свою очередь, меры, направленные на снижение влияния радикальных организаций, парадоксальным образом становятся фактором радикализации умеренных групп.

Более «мягкий» подход использует Рим. Политики Италии, как отмечалось выше, акцентируют внимание на общих элементах культуры местных жителей и иммигрантов, которые призваны помочь преодолеть взаимное отчуждение; диалог между властями и представителями иммигрантских общин можно назвать более активным, а политику государства – более осторожной, чем во Франции, ориентирующейся скорее на адаптацию иммигрантов к жизни в новом государстве. Тем не менее, поводов для разногласий в Италии ненамного меньше.

Так же, как и во Франции, мусульманское сообщество неоднородно: марокканская, тунисская, албанская, сенегальская и другие общины разделяются по конфессиональному признаку[338]. Создать единую зонтичную организацию не удалось, поэтому действуют несколько – Ассоциация итальянских мусульман, Исламская религиозная община Италии, Исламский совет Италии[339] и др. – которые представляют умеренный ислам. Однако, некоторые инициативы сторонников этого направления ислама все же предполагают изменение status quo, что вызывает недовольство у «коренных» итальянцев. В качестве примера таких идей можно рассматривать предложения ввести преподавание Корана в школе, разрешить мусульманкам фотографироваться с непокрытой головой при

---

[337] Там же. С. 57.
[338] Бибикова О. Ислам и мусульмане на Апеннинском полуострове // Россия и мусульманский мир. 2013. № 6(252). С. 109-137.
[339] Нечитайло Д. Ислам в Италии // Россия и мусульманский мир. 2009. № 2. С. 122-137.

оформлении документов, признать пятницу нерабочим днем для мусульман, уравнять брак по законам шариата с гражданским браком[340] и т.д.

Реализация ряда идей из перечисленных (в частности, связанных с образованием) невозможна по причинам юридического характера: например, учащиеся в Италии выбирают, историю какой религии будут изучать, но среди предлагаемых конфессий – лишь зафиксированные в перечне, соответствующему списку существующих религиозных общин[341], а единая мусульманская община создана так и не была. Другие идеи встречают сопротивление не только партий «Национальный альянс» и «Лига Севера», занимающих откровенно антиммигрантскую позицию, но и более лояльных политических акторов, в том числе, представляющих ислам. Так, член Исламского совета Италии и натурализованная марокканка Суад Сбаи в 2011 году стала инициатором поправок в закон «О защите общественного правопорядка и идентификации людей», включающих в число предметов, запрещенных к «немотивированному использованию» в общественных местах, хиджаба[342]. Важно, что данная идея не просто позиционировалась как направленная на защиту свободы женщин, исповедующих ислам, но исходила от мусульманки, а представители правительства (в лице, например, Д. Амато, занимавшего пост министра внутренних дел) и Ватикана, высказывались в защиту ношения закрывающих лица вуалей в целом. Стремление представителей итальянских органов государственной власти использовать мягкие формулировки даже при введении схожих с французскими мер, вероятно, меняет производимый ими эффект.

Кроме того, в Италии были созданы государственные институты, призванные устранить дискриминацию иммигрантов-мусульман – Комиссия по интеграции иммигрантов, Национальный координационный союз по региональной политике и социальной интеграции иностранных граждан,

---

[340] Семененко И. С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Управление государством: Проблемы и тенденции развития: Политическая наука: Ежегодник 2007 / Российская ассоциация политической науки. Москва: Издательство "Политическая энциклопедия", 2008. С. 448-501.

[341] Семененко И. С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Управление государством: Проблемы и тенденции развития: Политическая наука: Ежегодник 2007 / Российская ассоциация политической науки. Москва: Издательство "Политическая энциклопедия", 2008. С. 448-501.

[342] Там же.

Департамент гражданских свобод и иммиграции. С отдельными религиозными общинами государство заключает договора о сотрудничестве. Полномочиями в области разрешения проблем иммигрантов обладают и местные власти, оказывающие общинам поддержку в соответствии с их нуждами[343].

Отметим, что в Италии меньшая степень напряженности между итальянцами и этническими группами иммигрантов, вероятно, объясняется не только влиянием государственных институтов, но и ролью института Римско-католической церкви. С одной стороны, вероятно, именно значение католицизма для итальянской национальной идентичности препятствует массовому обращению в ислам итальянцев (по крайней мере, число обращенных в ислам местных жителей в Италии растет медленнее, чем во Франции[344]), что воспринимается как меньшая угроза итальянской идентичности, в настоящее время включающей религиозную – точнее, католическую – составляющую. С другой стороны, смягчает взаимное недоверие осторожная политика Ватикана в отношении иммигрантов, воплощающая в жизнь принцип «Католическая Церковь не отвергает ничего из того, что истинно и свято в этих религиях. Она с искренним уважением рассматривает тот образ действия и жизни, те предписания и учения, которые, во многом отличаясь от того, чего она придерживается и чему учит, всё же нередко доносят луч Истины, просвещающей всех людей»[345]. Отчасти, вероятно, это облегчает задачу по созданию институтов урегулирования межэтнических конфликтов представителям Рима.

В целом, итальянское правительство часто поощряет создание неформальных институтов, позволяющих установить определенный режим коммуникации между представителями этнических меньшинств и государственных органов и «сгладить» проблемы, связанные с негибкостью институтов более формальных. В качестве примера такого неформального института можно рассматривать упоминавшийся выше «Национальный пакт об

---

[343] Нечитайло Д. Ислам в Италии // Россия и мусульманский мир. 2009. № 2. С. 122-137.
[344] Там же.
[345] Языкова В. Е. Миграция в Италии: роль католической церкви в формировании общественного мнения // Современная Европа. 2017. № 5(77). С. 109.

итальянском исламе, который является выражением открытого, интегрированного сообщества и соответствует ценностям и принципам государственного порядка»[346]. В ответ правительство предпринимает меры, направленные на устранение проблем, возникающих в связи со сложностями интеграции мусульманских сообществ в нормативную систему признания религий в Италии, в качестве примера чего можно рассматривать включение исламских сообществ в число религиозных организаций, получивших разрешение на отправление культа во время пандемии COVID-19[347].

При более светской культуре, чем в Италии, и более умеренной политике, чем во Франции, Австрия демонстрирует своего рода «средний» путь разрешения конфликтов с иммигрантами.

Популярность в Австрии Австрийской народной партии и Австрийской партии свободы (получивших на парламентских выборах 2019 года 37,5% и 16,2% голосов – первое и третье места соответственно) обусловила курс на ограничение иммиграции. Тем не менее, это предполагает введение мер не столько в отношении уже прибывших в Австрию иммигрантов, исповедующих ислам, сколько в отношении грядущих волн иммигрантов и «родственных» государств.

В Австрии, в отличие от Италии, институционализирована возможность изучения ислама как религии в государственных школах, государство оказывает мусульманам поддержку при строительстве культовых сооружений[348]; в отличие от Франции, в школах разрешено носить хиджаб (в 2019 году начали действовать поправки в закон об образовании, запрещающие ношение хиджаба девочкам младше 11 лет, но в 2020 году Конституционный суд отменил этот запрет[349]). Для служащих в армии Австрии предусмотрен отдых в праздничные для мусульман дни и питание в соответствии с нормами исповедуемой религии (причем, как уже отмечалось выше, предлагаться могут в первую очередь приготовленные

---

[346] Naso P. Visible but unrecognized. The case of italian Islam // De Europa. 2021. Vol 4, № 2. P. 35-47.
[347] Naso P. Visible but unrecognized. The case of italian Islam // De Europa. 2021. Vol 4, № 2. P. 45.
[348] Пинюгина Е. В. Мусульмане в Австрии: проблемы и достижения интеграции // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5(26). С. 103-110.
[349] Конституционный суд Австрии отменил запрет носить хиджаб для учениц начальной школы // ТАСС. 11.12.2020. URL: https://tass.ru/obschestvo/10237891 (дата обращения 11.05.2021).

соответствующим образом блюда австрийской кухни, что рассматривается как практика культурной интеграции). Однако, существующие возможности все же удовлетворяют не всех мусульман. С этим связана проблема, аналогичная итальянской и французской: этнические и конфессиональные границы не позволяют консолидироваться даже умеренным мусульманам. Так, официальная мусульманская структура, коммуницирующая с государством – Исламское религиозное сообщество Австрии (ИРСА) – не признает мусульманами алевитов (в основном представленных курдами); другие конфессиональные и этнические группы (босняки, персы, афганцы, арабы и др.), будучи вправе рассчитывать на «голос» ИРСА, склонны рассчитывать на свои мечети и организации (такие, как Союз боснийских мусульман или Союз независимых иранских женщин), рассматривая ИРСА как защитника в первую очередь интересов турецких иммигрантов[350]. Это усложняет коммуникацию правительства с указанными этническими группами: так, чтобы идентифицировать алевитов как мусульман, не вступая в конфронтацию с ИРСА, органы государственной власти рассматривают их как «приверженцев религии, имеющей исламские корни»[351]. В целом, если необходимо решить вопрос, касающийся определенной этнической группы, сложно определить, с какой именно из существующих организаций следует коммуницировать: статус легитимного лидера каждой этнической группы переходит от одного института к другому – в зависимости от политической ситуации и реакции на нее мусульман, а механизм, способный зафиксировать такое смещение предпочтений, отсутствует (в случае территориальных конфликтов таким механизмом являются региональные парламентские выборы, однако, в данном случае они неприменимы).

Отметим, что некоторые практики, в других государствах рассматриваемые как опасные для правовой культуры государства, в Австрии демонстрируют свою нейтральность. Так, некоторые женщины, носящие хиджаб, относятся к либеральной ветви ислама и разделяют западные представления о правах

[350] Пинюгина Е. В. Мусульмане в Австрии: проблемы и достижения интеграции // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5(26). С. 103-110.
[351] Там же.

человека, а данный предмет одежды используют для манифестации своей идентичности, не только религиозной, но и этнической; в то же время, женщины, не носящие хиджаб, могут отказываться от головного платка по экономическим причинам – в связи с требованиями работодателя, но в остальном оставаться приверженницами более близкой к фундаменталистской версии ислама[352]. Другими словами, само по себе разрешение ношения таких «символов» той или иной религиозной принадлежности и другие подобные меры в современных реалиях может позволить привлечь умеренных представителей мусульман, при этом не обязательно «уступая» радикальным. Тем не менее, понятие угрозы своей идентичности, как отмечалось ранее, по-разному наполняется не только и представителями «принимающего» государства, и – со своей стороны – представителями иммигрантов, что предполагает необходимость рассмотрения не столько тем, которые могут стать факторами эскалации конфликта, сколько организаций, определяющих, что следует воспринимать как такой фактор.

Действительно, национальные институты, при помощи которых реализуется то или иное направление политики, схожи – различия, в основном, заключаются в составе иммигрантских движений, которые вовлекаются в диалог с государством, и, соответственно, в разной степени культурной интеграции иммигрантов. Граница между умеренным и радикальным проводится в соответствии с представлениями политиков о том, какие ценности могут представлять угрозы национальной идентичности и безопасности. Соответственно, уровень напряженности межэтнического конфликта в таких случаях зависит от того, насколько сильны и влиятельны группировки, находящиеся вне институциональных каналов коммуникации с государством и выбирающие радикальные способы заявить о себе – вплоть до террористических актов. Сила таких акторов, в свою очередь, во многом зависит от поддержки «родственных» для соответствующей этнической группы государств. Кроме того, в ситуации, когда сложно определить, какая из организаций является легитимным

[352] Abid L.J. Muslims in Austria: integration through participation in Austrian society // J. of muslim minority affairs. Abingdon. 2006. Vol. 26. № 2. P. 263-276.

представителем определенной этнической группы в данный момент, органы государственной власти порой обращаются к представителям «родственного государства» на территории «принимающего». Это обуславливает значимую роль межгосударственных институтов в разрешении межэтнических нетерриториальных конфликтов.

Межгосударственные институты

Практика финансирования европейских мусульманских организаций со стороны «родственных» государств широко распространена. Так, молельные дома и мечети Италии поддерживаются Марокко, Египтом, Кувейтом, Ливией и Тунисом[353], французские мечети – главным образом, Марокко, Алжиром, Саудовской Аравией и Турцией. Гранты обычно составляют несколько миллионов в год (так, в 2016 году, согласно отчету посла Марокко во Франции, на поддержку строительства и управления мечетей, а также оплату труда имамов было потрачено 6 миллионов евро[354]). Возможность непрозрачного и не контролируемого французским государством финансирования организаций вызывает тревогу, высказываемую, в том числе, Президентом Франции Эммануэлем Макроном[355]. Однако, стремясь изменить ситуацию, Э. Макрон предложил Саудовской Аравии совместное с Францией финансирование таких организаций, что, в свою очередь, вызвало критику: государственное финансирование культов не вписывается в светскую модель Французской Республики и создает потенциальную угрозу попадания средств из государственного бюджета «в руки врагов Республики»[356] .

Другая практика поддержки эмигрантов обычно рассматривается «принимающим» государством как менее угрожающая: в случае, когда та или иная этническая группа иммигрантов по каким-либо причинам не смогла

---

[353] Повразнюк К. В. Роль мусульманских организаций в сообществах Великобритании, Германии, Франции и Италии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. Т. 6. № 4. С. 116-129.

[354] Gully H. Macron compte s'attaquer au financement étranger des mosques // LesEchos. 12.04.2018. URL: https://www.lesechos.fr/2018/04/macron-compte-sattaquer-au-financement-etranger-des-mosquees-988717 (accessed 11.05.2021).

[355] Ibid.

[356] Шумилин А. И. Франция: Республика против "политического ислама" (часть i) // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 1(19). С. 54-61.

сформировать представляющую ее организацию, правительство может вести коммуникацию с этой группой через посольство соответствующего «родственного» государства. Отметим, что в это случае может усилиться напряженность между мигрантами из разных этнических групп: конкурирующие между собой «родственные» государства, преследуя не столько интересы эмигрантов, сколько национальные, способны «спроецировать» внешнеполитический конфликт на уровень межэтнических взаимоотношений в другом государстве (в качестве примера такой ситуации можно рассматривать политику Марокко и Алжира во Франции[357]). В совокупности с внешним финансированием исламских организаций рассмотренная практика фактически выводит взаимоотношения в мусульманском сообществе из-под контроля «принимающего» государства, что может рассматриваться как потенциальный фактор дестабилизации политической системы.

Ситуацию осложняет еще один спорный метод поддержки этнических групп со стороны «родственных» государств. Так, только около 30% французских имамов являются гражданами Франции[358]. Изменить ситуацию сложно по той же причине, что фигурирует в обсуждении вопроса финансирования религиозных учреждений: увеличить число имамов, обладающих не просто французским паспортом, но французской идентичностью, можно было бы при наличии возможности получения религиозного образования в университетах. Однако, светский характер Французской Республики с 1905 года препятствует этому на законодательном уровне[359]. В 2020 году несколько раз появлялись сообщения о разработке законопроекта, который мог бы предусмотреть необходимые изменения[360], но официальных сообщений о начале соответствующего процесса не было. Противники данной реформы отмечают: ослабление зарубежного

---

[357] Салкина М. Институционализация ислама во Франции // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 2(45). С. 112-122.
[358] Осипов Е. А. Умеренный ислам во Франции как перспектива выхода из кризиса идентичности // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 156-165.
[359] Салкина М. Институционализация ислама во Франции // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 2(45). С. 112-122.
[360] Шумилин А. И. Франция: Республика против "политического ислама" (часть i) // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2021. № 1(19). С. 54-61.

влияния может сопровождаться консолидацией мусульман внутри страны, что может усилить конфликт между иммигрантами и местными жителями[361]. Другими словами, текущую ситуацию можно рассматривать в категориях интегративного подхода к разрешению конфликтов в редакции Горовица, согласно которому, наличие внутригруппового конфликта способно предотвратить эскалацию межгруппового. Однако, следует учитывать, что в случае обострения конфликта между группами мигрантов могут ухудшиться и отношения представителей данных групп с «коренным» населением - в связи с субъективным снижением уровня безопасности. Кроме того, в случае, когда «родственное» государство заявляет о стремлении к укреплению «исходной» идентичности эмигрантов, как это было сделано президентом Турции Р. Эрдоганом[362], политика «родственного» государства начинает противоречить политике государства «принимающего», что представляет более значимую угрозу, нежели перечисленные ранее.

С такой точки зрения принимающиеся в Австрии решительные меры разрешения охарактеризованных проблем представляются обоснованными. Впрочем, принятый в 2015 году закон о продвижении «европейского ислама» и запрете иностранного финансирования имамов, призванный снизить «риски идеологической обработки» верующих[363], в краткосрочной перспективе действительно способствовал усилению напряженности: в 2018 году известия о том, что семь мечетей, финансировавшихся из-за рубежа, будут закрыты, а подозреваемые в связи с турецкими националистами имамы были депортированы, вызвали недовольство верующих[364]. Тем не менее, рассмотренные выше особенности национальных институтов Австрии, формирующих более «дружелюбную» по отношению к мусульманам среду, чем во Франции, вероятно, позволят компенсировать столь радикальные меры. Стоит отметить, что для

---

[361] Салкина М. Институционализация ислама во Франции // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 2(45). С. 112-122.

[362] Пинюгина Е. В. Мусульмане в Австрии: проблемы и достижения интеграции // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 5(26). С. 103-110.

[363] L'Autriche interdit le financement des imams par des fonds étrangers // 25.02.2015. URL: https://www.letemps.ch/monde/lautriche-interdit-financement-imams-fonds-etrangers (accessed 11.05.2021).

[364] Austria to shut down mosques, expel foreign-funded imams // Reuters. 08.06.2018. URL: https://www.reuters.com/article/us-austria-politics-islam-idUSKCN1J40X1 (accessed 11.05.2021).

Италии такого рода ужесточение законодательства оказалось менее актуальным – при меньшем уровне напряженности между этническими группами.

Таким образом, система международных институтов урегулирования межэтнических конфликтов действует в тесной связи с национальной: уступки при формировании одной из систем могут сопровождаться ужесточением закрепленных в законе практик функционирования другой системы; изменения институтов на одном уровне неизбежно повлекут изменение status quo на другом.

Последствия изменения наднациональных институтов, как ни странно, будут менее заметными.

Наднациональные и трансграничные институты

Более слабая роль наднациональных институтов в данном случае связана с необязательностью для стран-членов Европейского союза ряда положений, касающихся защиты прав иммигрантов. Так, рамочная конвенция о защите национальных меньшинств так и не была подписана Францией, и поэтому не действует на территории данного государства. «Общепризнанные» европейские нормы утверждают, главным образом, общие ценности членов Европейского союза, но не способы реализации этих ценностей. Так, согласно Хартии Европейского союза об основных правах от 2002 г., «союз уважает культурное, религиозное и языковое разнообразие»[365]; Амстердамский договор 1997 г. включил упоминание о возможности Европейского союза «принимать соответствующие меры для борьбы с дискриминацией по признаку пола, расового или этнического происхождения, религии или убеждений, инвалидности, возраста или сексуальной ориентации»[366], однако, в Лиссабонском договоре формулировка смягчена до «Европейский союз стремится бороться с дискриминацией по признаку пола, расового или этнического происхождения, религии или убеждений, инвалидности, возраста или сексуальной ориентации»[367].

---

[365] Charter of fundamental rights of the european union (2000/C 364/01) // Official Journal of the European Communities. 18.12.2000. URL: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (accessed: 12.05.2021).
[366] The Treaty of Amsterdam. 1998. URL: https://web.archive.org/web/20120829111957/http://www.eurotreaties.com/amsterdamtreaty.pdf (accessed: 12.05.2021).
[367] Treaty of Lisbon. 2007. URL: https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2007:306:FULL:EN:PDF (accessed: 12.05.2021).

Чрезвычайно общий характер норм препятствует созданию конкретных институтов: поскольку не существует общеевропейских норм, определявших бы отношения между церковью и государством, невозможно создать влиятельные наднациональные институты, регулирующие межэтнические взаимоотношения «местных» и иммигрантов-мусульман на территории сразу нескольких европейских государств.

В свою очередь, создание новых общеевропейских норм с целью урегулирования интересующих нас вопросов затруднительно по тем причинам, которые замедлили углубление европейской интеграции в целом. Отметим, что даже документы об общих ценностях ЕС содержат противоречия: например, как показывает практика, уже упоминавшийся пункт Хартии об основных правах Европейского союза о принятии культурного разнообразия противоречит положению о необходимости обеспечения равенства между мужчинами и женщинами[368], принимаемой как данность не во всех культурах. Таким образом, при попытке выработать конкретные меры Европейский союз сталкивается с трудностями, аналогичным возникающим в связи с дилеммой поддержки государственного суверенитета и права наций на самоопределение проблемам.

Помимо логических противоречий, в XXI веке проявилось стремление государств-членов Европейского союза преследовать в первую очередь национальные интересы. Самым ярким примером данной тенденции последних лет можно назвать политику европейских государств во время пандемии COVID-19, однако, для рассмотрения интересующей нас проблемы более актуален иммиграционный кризис в ЕС, возникший в 2015 году.

Франция и Италия наряду с Германией, Венгрией и Швецией вошли в число стран, принявших в период кризиса больше всего иммигрантов – в сумме около 75%[369]. Поэтому данные государства активно выступали за пропорциональное распределение иммигрантов по территории Европейского союза. В частности,

---

[368] Charter of fundamental rights of the european union (2000/C 364/01) // Official Journal of the European Communities. 18.12.2000. URL: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (accessed: 12.05.2021).

[369] Любарт М. К. Франция в современном миграционном кризисе 2015–2017 годов // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 119-139.

Франция предложила создать центры приема иммигрантов и обеспечения защиты границ, которые позволили бы «принимая беженцев, обеспечить права человека, в особенности право на убежище и в то же время отрегулировать миграционные потоки, организовав возвращение в страны происхождения нелегальных экономических мигрантов»[370]. Однако, даже принятый принцип квотирования при распределении иммигрантов по странам ЕС не был реализован, что особенно сильно осложнило ситуацию в Италии, столкнувшейся со значительными финансовыми и логистическими трудностями в связи с большим числом перемещенных лиц, оказавшихся на территории данной страны[371]. В результате событий 2015 года позиции сторонников евроскептицизма в Италии усилились, особенно после принятия рядом европейских стран (в том числе, Францией и Австрией) решения о возобновлении контроля на внутренних границах[372].

Помимо евроскептицизма, усилившегося в странах, разочарованных отсутствием европейской солидарности в критический момент, созданию сильных наднациональных институтов препятствует нежелание придавать этническим и религиозным сообществам статус субнациональных акторов, которые могли бы расширить институциональную систему «Европы регионов», включив в нее и нетерриториальных акторов (подобно тому, как в в Парламенте Бельгии представлены не только территориальные субъекты, но и языковые сообщества). Принцип субсидиарности, реализованный в отношении групп, рассматриваемых как угроза национальной безопасности и идентичности (наподобие Европейской арабской лиги, выступающей за прекращение интеграции иммигрантов-мусульман в европейскую систему общественных отношений[373]), может привести к фактическому изменению границ внутри Европейского союза, что вызывает тревогу у политических акторов национального уровня.

---

[370] Любарт М. К. Франция в современном миграционном кризисе 2015–2017 годов // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 119-139.
[371] Примакова Н. С. Италия перед лицом миграционного кризиса: Методы урегулирования и последствия для итальянского общества // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 4. С. 181-215.
[372] Там же.
[373] Станкевич Г. В. Западноевропейский ислам: региональные измерения политической жизни Европейского Союза // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. № 4(29). С. 69-77.

Таким образом, наднациональные и трансграничные институты рассматриваются представителями государств не как средства урегулирования межэтнических конфликтов с участием «новых» иммигрантов, а скорее, фактор эскалации таких конфликтов, что не лишено оснований. В то же время, национальные и межгосударственные институты формируют единую, тесно связанную систему, от степени гармоничности которой зависят перспективы урегулирования межэтнических конфликтов (Приложение 5. Схема 3. Система институтов урегулирования нетерриториальных межэтнических конфликтов («новые» иммигранты) в странах Европейского союза).

3.2.2. Институциональное урегулирование долговременных нетерриториальных межэтнических конфликтов: выбор между стратегиями признания и исключения

В случае, когда этническая группа, представленная потомками иммигрантов, в течение долгого времени находится на территории государства, и, тем не менее, остается обособленной от его «коренных» жителей, влияние межгосударственных институтов оказывается менее значимым, нежели в случае «новых» иммигрантов. Роль «сочувствующего» актора в этом случае переходит к акторам наднационального уровня, и становится менее значимой в силу ограниченности их влияния: государства-члены Европейского союза противодействуют расширению полномочий наднациональных институтов ЕС (в качестве проявления данной тенденции можно рассматривать неудавшуюся попытку создания Конституции ЕС). В связи с этим складывается система, которая может быть рассмотрена на примере институционального урегулирования межэтнического конфликта с участием цыган в государствах Европейского союза.

Национальные институты

Особенностью институциональной системы, регулирующей взаимоотношения «коренных» жителей государств-членов Европейского союза с

цыганами, можно назвать главенствующую роль национальных институтов: на международном уровне цыган не поддерживают представители «родственных» им государств, поскольку «исход» с соответствующих территорий был осуществлен несколько веков назад. В условиях отсутствия активного давления со стороны институтов Европейского союза именно правительства государств, для которых актуален «цыганский» вопрос, определяют направление политики в отношении национальных меньшинств.

Снизить напряженность между местными жителями и цыганами в Венгрии были призваны институты, созданные еще в 1990-х. Так, в 1993 году был принят закон о национальных меньшинствах, закрепивший статус цыган и предоставивший им право на самоуправление и финансовую поддержку со стороны государства. Функционирует ряд государственных организаций, которые занимаются проблемами цыган и их интеграции в венгерское общество – Управление по делам цыган, институт государственного секретаря по вопросам меньшинств, межминистерская комиссия по делам цыган и др., создана система оказания помощи по трудоустройству дискриминируемых групп населения[374]. В целях повышения уровня образования среди цыган начали действовать программы, в рамках которых, в частности, оказывается помощь ученикам с низкой успеваемостью («Tanoda» - «Учебная группа»), детям из неблагополучных семей предоставляется возможность изучения иностранных языков («Из последнего ряда»)[375]. Существует в Венгрии и институт координаторов – представителей цыган в школах, помогающих наладить коммуникацию между школьниками и, соответственно, разрешать конфликты, возникающие из-за взаимного непонимания[376].

---

[374] Венгрия / Конфликты и расколы // Политический атлас современности. 2013. URL:http://www.hyno.ru/tom1/461.html (дата обращения: 15.04.2021).

[375] Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Осуществление Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах: Третьи периодические доклады, представляемые государствами-участниками в соответствии со статьями 16 и 17 Пакта: добавление: Венгрия. 2006. URL: https://www.refworld.org.ru/docid/479859d72.html (дата обращения: 15.04.2021).

[376] Звягина Д.А. Цыгане и венгерское общество: трудности сосуществования // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 9. URL: https://web.snauka.ru/issues/2016/09/71051 (дата обращения: 15.04.2021).

Тем не менее, существующие национальные институты критикуются как неэффективные. Так, Консультативный комитет Совета Европы по Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств в 2020 году отметил, что цыгане сталкиваются «со структурными проблемами во всех сферах общественной жизни, включая образование, трудоустройство и доступ к жилью и медицинскому обслуживанию»[377]. Объясняют ситуацию несколько факторов.

В целом действующую систему можно рассматривать как консоциативную: в 2011 г. был принят Акт о правах национальных меньшинств, согласно которому, тринадцать национальных меньшинств, в том числе, цыгане, имеют право формировать органы национального самоуправления; также цыганам предоставлено право решать, на каком языке будут получать образование их дети (родном языке их этнической группы, венгерском, двух языках)[378]. Консоциативный характер институтов урегулирования межэтнических конфликтов предполагает выбор направления автономизации, а не интеграции, что в условиях отсутствия мирного и успешного диалога культур привело к взаимной изоляции этнических групп. Так, цыган обвиняют в использовании «бизнеса меньшинств» - акцентировании внимания на своей этнической принадлежности ради финансовой помощи от государства. С другой стороны, закон не учитывает разнородность цыган как группы, в частности, тот факт, что их нельзя представлять как единое меньшинство с общим языком[379].

Помимо названных частных недочетов институциональной системы, поддерживающей права меньшинств, существует и более серьезный, усугубляющий изоляцию национальных меньшинств: венгерская концепция национальной идентичности носит примордиалистский характер. Из рассмотренных ранее современных концепций нации выделяется французская модель, которая предполагает обязательное принятие иммигрантом культурных

---

[377] Hungary: Roma minority needs “urgent” help for education, housing and health care, among other findings in new opinion on minorities // Council of Europe. 12.10.2020. URL: https://search.coe.int/directorate_of_communications/Pages/result_details.aspx?ObjectId=09000016809fe4c6 (accessed: 10.05.2021).

[378] Кутергин В. А., Садовая Е. С. Регулирование этнополитических отношений в рамках образовательной политики: опыт стран ЕС // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 91-105.

[379] Там же.

норм, заставляя тем самым отступать представителей определенных этнических групп от привычных им культурных практик, пусть даже связанных в их сознании с этнической и религиозной идентичностью. Однако, венгерская концепция идет дальше, связывая национальную идентичность с принадлежностью к определенной группе, объединенной родством и культурой, причем нация в данном случае не ограничивается пределами государства: «руководствуясь идеалом объединенной венгерской нации, Венгрия должна нести ответственность за судьбу венгров, проживающих вне ее границ, должна способствовать их выживанию и развитию, и должна продолжить поддерживать их усилия, направленные на сохранение их венгерской культуры, а также способствовать их сотрудничеству друг с другом и с Венгрией»[380]. Отдельно отмечается роль национальностей и этнических групп как «государствообразующих факторов»[381]. Логичным следствием этого представляется ситуация, в которой рассмотренные ранее институты урегулирования межэтнических отношений, функционируя в рамках политики, подразумевающей разные роли национальных меньшинств и венгерского большинства, будут закреплять взаимную изоляцию этнических групп и лишь поддерживать напряженность между ними.

Концепция национальной идентичности в Чехии иная: важно жить на территории Чехии и говорить на чешском языке[382] (причем живущие за рубежом соотечественники в нацию не включаются, в отличие от Венгрии). Вероятно, этим обусловлена меньшая, чем в Венгрии, напряженность в отношениях «коренных» жителей и цыган, отмечавшаяся выше. Однако, национальные институты, регулирующие межэтнические конфликты в Чехии, находятся на стадии формирования, и в настоящее время не вполне эффективны.

Основными элементами чешской национальной политики снижения напряженности можно назвать, с одной стороны, поддержку получения цыганами образования (в т.ч., стремление изменить их отношение к нему), с другой

---

[380] Основной Закон Венгрии. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=298 (дата обращения: 21.05.2023).
[381] Основной Закон Венгрии. URL: https://www.parlament.hu/irom39/02627/02627.pdf (дата обращения: 21.05.2023).
[382] Коровицына Н. В. Современная чешская нация: проблемы идентичности // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 4(4). С. 184-189.

стороны, формирование взаимной терпимости. Первый элемент разрабатывается активно: в этом направлении действует Агентство по социальной интеграции, Совет Правительства Чехии по вопросам национального меньшинства. Однако, часть мер принята недавно. К примеру, в Чехии лишь с 2016 года действует закон, согласно которому цыган с плохой успеваемостью обучают в обычных классах, но с дополнительной помощью педагогов-ассистентов, адаптированными учебными программами и индивидуальными учебными планами, призванными помочь сократить разрыв в дошкольной подготовке, связанный с низким уровнем образования и дохода родителей. Однако, соблюдается этот закон не везде[383]. Ограниченна и поддержка языковой идентичности в образовательной сфере: разрабатываются региональные программы по изданию учебников на цыганском языке[384], но возможность преподавания на родном языке национальных меньшинств пока предоставлена только полякам[385].

Несмотря на то, что функционирует Совет Правительства Чешской Республики по вопросам цыганского меньшинства, который занимается «внедрением инклюзивного образования, проблематикой жилья для цыган, урегулированием социальной напряженности в отдельных регионах Чехии»[386], на практике формированию взаимной терпимости уделяется меньшее внимание, ввиду чего, некоторые инициативы, направленные на урегулирование конфликта, приводят к противоположному результату: так, споры вызвали включенные в «Стратегию интеграции населения цыганской национальности до 2020 года» меры, в том числе, финансовая поддержка изучения цыганского языка, проведения цыганских фестивалей и организации цыганских музеев, а также «позитивная дискриминация» цыган при трудоустройстве[387]. Однако, созвучие охарактеризованных мер практикам, поддерживаемым Европейским союзом, по

---

[383] Галимуллина Д.И. «Цыганский вопрос» как ключевая проблема в этнонациональной политике Чехии // Политическая регионалистика и этнополитика. 2020. Т. 10. Выпуск 1 (53). С. 137-144.
[384] Там же.
[385] Тарасов И. Н. Проблема полиэтничности в Центрально-Восточной Европе / И. Н. Тарасов // PolitBook. 2012. № 3. С. 34-44.
[386] Галимуллина Д.И. «Цыганский вопрос» как ключевая проблема в этнонациональной политике Чехии // Политическая регионалистика и этнополитика. 2020. Т. 10. Выпуск 1 (53). С. 137-144.
[387] Галимуллина Д.И. «Цыганский вопрос» как ключевая проблема в этнонациональной политике Чехии // Политическая регионалистика и этнополитика. 2020. Т. 10. Выпуск 1 (53). С. 137-144.

крайней мере, позволяет говорить о возможности выстраивания непротиворечивой системы, объединяющей национальные и наднациональные институты урегулирования межэтнических конфликтов. В Венгрии подобное в настоящее время невозможно.

Наднациональные институты

В 2004 году, с расширением Европейского союза на территорию ряда стран Центральной и Восточной Европы, число цыган, являющихся гражданами ЕС, резко возросло[388]. В связи с этим актуализировалось соответствующее направление политики в области защиты национальных меньшинств. В 2005–2015 гг. в ЕС была объявлена «декада интеграции цыган». Суть такой интеграции с точки зрения Европейского союза была охарактеризована на «цыганских саммитах» в Брюсселе (2008 г.) и Кордове (2010 г.); вошла в «Стратегию 2020» в качестве части инициативы «Европейская платформа борьбы с бедностью». В 2011 году была сформулирована рамочная программа ЕС в области интеграции цыган. Была установлена практика отчетов государств-членов ЕС о том, как реализуются меры по интеграции цыган в «коренное» общество[389].

Однако, ни за упомянутую «декаду интеграции цыган», ни за последующие пять лет ЕС не удалось существенно изменить положение данной этнической группы. Низкое влияние наднациональных институтов на процесс урегулирования соответствующих конфликтов в некоторых странах современной Европы объясняется тем, что национальная политика в данных государствах скорее открыто отрицает идеи, продвигаемые институтами Европейского союза, чем воплощает их в жизнь.

Любое государство, претендующее на членство в Европейском союзе, должно продемонстрировать готовность принять необходимость следовать связывающим его положениям европейского права, подразумевающим, в том числе, такие стандарты демократии, как защита национальных меньшинств.

---

[388] Каргалова М. В. ЕВРОПА: ЦЫГАНы ШУМНОЮ ТОЛПОЙ… (Цыганский вопрос в Европе) // Современная Европа. 2011. № 4(48). С. 18-27.

[389] Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского союза: основные тренды и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4. С. 125-47.

Однако, актуализация в некоторых государствах правого популизма в 2000-х[390] привела к отказу от идей, приверженность которым эти государства проявляли накануне принятия в число членов ЕС в 2004 году. Отметим, что содержание популистской идеологии в данном случае было, вероятно, во многом обусловлено разочарованием от результатов процесса европейской интеграции, неудовлетворенностью положением в ряду государств-членов ЕС.

Примером такого государства является Венгрия. Основополагающие институты ЕС, защищающие права представителей национальных меньшинств, на территории данной страны действуют – как и на территории любой другой страны, являющейся членом Европейского союза. Среди таковых – гарантированное всем гражданам ЕС право передвижения и свободного пребывания на территории ЕС, избирательное право на муниципальном уровне и на уровне Европарламента, право на защиту от дискриминации по национальному признаку[391]. Распространяется на жителей Венгрии и действие ряда норм Совета Европы – Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепившей права меньшинств на изучение родного языка и участие в государственном управлении, Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, запретившей дискриминацию и политику ассимиляции[392], Европейской хартии региональных языков и языков меньшинств, предлагающей разные варианты соотношения преподаваемых языков. Однако, воплощению в жизнь соответствующих принципов часто препятствует охарактеризованное выше логическое противоречие между венгерской концепцией нации и принципом защиты равных возможностей национальных меньшинств.

Несмотря на формальное соблюдение общих принципов, некоторые инициативы, предполагающие внедрение конкретных практик, не находят в Венгрии поддержки: так, правительство Венгрии, в отличие от нескольких других

---

[390] Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского союза: основные тренды и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4. С. 125-47.
[391] Каргалова М. В. Европа: цыганы шумною толпой… (Цыганский вопрос в Европе) // Современная Европа. 2011. № 4(48). С. 18-27.
[392] Кутергин В. А., Садовая Е. С. Регулирование этнополитических отношений в рамках образовательной политики: опыт стран ЕС // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 91-105.

стран Европы (в т.ч., Чехии), сохраняет прежнюю систему функционирования образовательных учреждений, не запрещающую помещение детей цыган в специализированные образовательные учреждения для учащихся с нарушениями развития. При этом Венгрия участвует в со-финансируемой ЕС программе по предотвращению преждевременного прекращения получения среднего образования[393]. Как отмечалось в упомянутом выше докладе Консультативного комитета Совета Европы по Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, используемые в Венгрии меры пока не позволяют создать систему инклюзивного образования, равно как и решить жилищный вопрос и проблему неоказания медицинских услуг[394]. Слабое воздействие мер, вероятно, связано как с их недостаточностью, так и с неисполнением соответствующих практик на местном уровне: при высоком уровне недоверия и агрессии в отношении цыган в венгерском обществе реализация мер закономерным образом затрудняется в связи с «человеческим фактором», в то время как стремление к искоренению стереотипов сталкивается с пропагандой близких к расизму идей со стороны таких партий, как «Йоббик».

Сильнее, чем в Венгрии, выражено влияние европейских институтов в Чехии: несмотря на поддержку евроскептических взглядов в правительстве последней, законодательство, затрагивающее «цыганский» вопрос, в последнее десятилетие меняется более радикально, чем в откровенно «правопопулистских» странах. Упомянутое ранее изменение закона об образовании, демонтаж стены между «чешским» и «цыганским» районами произошли под влиянием ЕС [395], поддерживающего инициативы Европейского Центра защиты прав цыган и решения Европейского суда по правам человека[396].

---

[393] Comments of the Government of Hungary on the Fifth Opinion of the Advisory Committee on the implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by Hungary. 2020. URL: https://rm.coe.int/5th-com-hungary-en/16809fe429 (accessed: 12.05.2021).

[394] Fifth Opinion on Hungary. 2020. URL: https://rm.coe.int/5th-op-hungary-en/16809eb484 (accessed: 12.05.2021).

[395] Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского союза: основные тренды и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4. С. 125-147.

[396] Навратил П. Как помогающие работники конструируют проблемы цыганских семей: вклад общих и специфических стереотипов о родительстве // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 3. С. 353-372.

Итак, урегулирование нетерриториальных конфликтов с обособленными этническими группами, долговременно существующими на территории соответствующих государств ЕС, зависит главным образом от совместимости национальных и наднациональных институтов (Приложение 6. Схема 4. Система институтов урегулирования нетерриториальных межэтнических конфликтов («старые» иммигранты) в странах Европейского союза).

Таким образом,

1. Во время развития институтов Европейского союза нормы, регулирующие положение этнических групп, не локализованных на определенной территории, закрепили лишь основные идеи и принципы политики национальных меньшинств. Теперь же институты ЕС не пользуются достаточным доверием национальных правительств значительного числа государств-членов, которое позволило бы склонить «сомневающихся» к реализации единой для всего ЕС политики. В результате наблюдается менее сильная, нежели в случае территориальных межэтнических конфликтов, роль наднациональных институтов в урегулировании нетерриториальных конфликтов.

2. В случае, если миграционные процессы начались сравнительно недавно (в пределах нескольких десятилетий), влияние «родственного» государства оказывается столь сильным, что межгосударственные и национальные институты образуют единую систему взаимозависимых элементов. Однако, национальные меньшинства, сформированные в результате длительных интеграционных процессов, получают лишь поддержку наднациональных институтов, недостаточную для успешной реализации предлагаемых мер и по причине уже упомянутого недоверия не всегда согласованную с национальными институтами.

3. Другими словами, эффективность урегулирования нетерриториальных конфликтов можно связать с гармоничным функционированием системы национальных и межгосударственных институтов (для «новых» иммигрантов) и системы национальных и наднациональных институтов (для «старых» иммигрантов).

4. Система институтов разрешения и предотвращения территориальных конфликтов оказывается более интегрированной, что неудивительно, поскольку формируется она дольше.

5. При этом в случае «ирредентистских» конфликтов межгосударственные, национальные и трансграничные институты выстраиваются на базе институтов наднациональных; когда конфликт связан с перспективой сецессии или расширения автономии региона, национальные институты получают большую свободу ввиду двусмысленности европейских принципов поддержки права нации на самоопределение и защиты территориальной целостности, однако при отсутствии формальных институтов их роль занимают более изменчивые неформальные, что делает неустойчивой систему урегулирования конфликтов, демонстрирующую, насколько сильной остается связь институтов национального и наднационального уровня даже в этом случае.

Заключение

Различные подходы к описанию этничности (примордиализм, инструментализм, конструктивизм) фокусируются на разных аспектах межэтнических конфликтов. В данной работе для анализа таких конфликтов применяется теория конструктивизма, включающая и такую особенность инструменталистского подхода, как склонность анализировать межэтнические конфликты через призму рациональных действий и интересов политических акторов. Мы рассматриваем этничность в соответствии с подходом, согласно которому этническая группа – это «группа людей, *считающих себя* самобытным культурным сообществом, часто имеющим общий язык, религию, родственные связи и/или общие физические характеристики»[397], то есть придаем большее значение конструируемым признакам, нежели существующим объективно. Соответственно, этническим будет являться любой конфликт с участием такой этнической группы.

Урегулирование конфликтов между этническими группами рассматривается как достигнутое в том случае, если «их идентичности, интересы и нужды могут быть удовлетворены в такой степени, чтобы они [стороны] могли дать обязательство осуществлять и поддерживать состояние урегулирования конфликта»[398]. Отметим, что одну и ту же этническую группу могут представлять несколько политических акторов, которые могут по-разному трактовать интересы данной группы, что может усложнять процесс разрешения конфликта. Поэтому,

---

[397] Lijphart A. Democracy in plural societies: a comparative exploration. New Haven and London: Yale University Press, 1980. 248 p.
[398] Wolff S. Disputed territories: the transnational dynamics of ethnic conflict settlement. New York: Berghahn Books, 2004. P. 244-245.

вероятно, следует уточнить, что речь идет об удовлетворении интересов и нужд наиболее влиятельных политических акторов, представляющих стороны межэтнического конфликта. При этом «внешние» акторы могут способствовать усилению или ослаблению определенных политических сил, изменяя и представления об интересах и нуждах той или иной этнической группы. Другими словами, речь идет не столько об этнических, сколько об этнополитических группах.

Наиболее известными подходами к институциональному урегулированию конфликтов, участниками которых являются такие группы, в настоящее время остаются консоционализм и интеграционизм. Для данных подходов приоритетными являются разные демократические ценности: если для консоционализма наиболее важной ценностью является включенность (inclusion), взаимодействие всех основных «единиц» общества, при котором ни одна из них не оказывается в течение длительного времени в изоляции, то для интегративного подхода (центрипетализма) такой ценностью является умеренность (moderation), готовность политических акторов к компромиссу с оппонентами. Однако, в настоящее время данные подходы сближаются, стремясь преодолеть ограничения, присущие традиционным версиям предлагаемых ими моделей институционального дизайна. Данный процесс порождает новые подходы к институциональным условиям разрешения межэтнических конфликтов. Так, делиберативный подход, концентрирующийся не на ценностях включенности и умеренности, а на публичности (publicity) и взаимодействии (reciprocity), рассматривает сочетание институтов, рекомендованных интегративным и консоциативным подходами. Составной подход предлагает анализировать определенные кейсы, используя и интегративные, и консоциативные категории, связывая использование определенных институтов со сложившимися в конкретном государстве условиями. Такой гибкий подход представляется нам перспективным, поскольку в настоящее время на динамику межэтнических конфликтов влияет большее число факторов, соответственно, определяющих

специфику институционального дизайна, подходящего для урегулирования таких конфликтов в конкретном государстве.

Расширение числа факторов урегулирования межэтнических конфликтов в странах Европейского союза обусловлено существованием на территории ЕС не только национальных, но и наднациональных и межрегиональных идентичностей и акторов. Их наличие усложняет взаимодействие сторон конфликтов, предполагая вовлеченность в процесс развертывания внутригосударственных этнических конфликтов «внешних акторов», которым теоретики институционального дизайна традиционно уделяли меньшее внимание.

Вид акторов, вовлеченных в ход межэтнического конфликта, будет зависеть от вида межэтнического конфликта. Такие конфликты можно разделить на две категории: территориальные и нетерриториальные. Конфликты первого вида связаны с деятельностью сепаратистских движений, выступающих за усиление политической роли определенной территории, вплоть до получения суверенитета, что встречает сопротивление центра. При этом сепаратизм может приобретать форму сецессии (сепаратизм, направленный на отделение и создание суверенного государства), ирредентизма (сепаратизм, направленный на воссоединение определенного этноса путем объединения в форме нового государства территорий, в настоящее время входящих в состав различных государства, либо на переход определенной территории в состав соседнего государства), и в форме политической автономизации (в данном случае сепаратистское движение стремится к расширению прав и привилегий территории, не посягая на целостность государства)[399].

Нетерриториальные межэтнические конфликты не связаны с претензией определенной группы на суверенитет на пространстве определенного региона, так как соответствующие этнические группы «рассеяны» по территории определенного государства, не сосредоточены в границах определенной территории; в данном случае группа может стремиться к расширению своих прав,

[399] Домарева М.А. Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации: автореф. дис. канд. полит. наук: 23.00.01. М., 2004. С. 18.

полномочий и влияния на всей территории государства. Миграционные процессы, столкновение культур, проблемы интеграции и глобализации создают ситуацию межэтнической напряженности, для снижения уровня которой необходимы новые, еще не сформированные механизмы.

И территориальные, и нетерриториальные межэтнические конфликты могут быть вызваны экономическими, историческими, географическими, расовыми, внутриполитическими, внешнеполитическими, идеологическими, религиозными, демографическими, пацифистскими и др. предпосылками. Особенно значимыми оказываются внешнеполитические предпосылки, поскольку в урегулировании базирующихся на них конфликтов обычно задействованы внешние акторы.

Следует отметить, что связь этнической группы и определенной территории упрощает возможность выдвижения лидеров данной группы, которые могут представлять ее в диалоге с центром и с другими группами. В данных условиях урегулирование конфликта будет зависеть от нескольких факторов, как то:

- общность целей движений, являющихся представителями активно участвующих в конфликте этнических групп, и поддержка действий этих движений членами соответствующих этнических групп (Так, в случае Южного Тироля цели сепаратистских движений, представляющих интересы тирольцев, разошлись после расширения автономии региона в 1972 г.; аналогичную роль сыграл сохраняющийся в настоящее время раскол протестантов и католиков в Северной Ирландии, что ослабляет ирредентистов; с другой стороны, во время каталонского кризиса отсутствие консолидации политических сил, призванных поддержать идею неделимости Испании, ослабило правительство данного государства);
- готовность к диалогу и компромиссам легитимных лидеров обеих сторон конфликта (так, в Испании баскский конфликт был разрешен в результате диалога, но в случае каталонского кризиса сложности коммуникации не позволили представителям Каталонии и Испании начать обсуждение проблем);

- в свою очередь, готовность к диалогу может быть связана с прошлым государства (так, диалог представителей ирландцев с англичанами в большей степени затруднен, чем дискуссии представителей Южного Тироля и итальянцев),
- а также экономическими факторами национального и международного уровней (так, отделение Шотландии от Великобритании более рационально, чем отделение Каталонии от Испании: последний случай предполагает разрыв международных экономических связей с государствами-членами Европейского союза, первый – скорее, восстановление этих связей);
- еще одним значимым элементом урегулирования конфликта является позиция «родственного» государства, других стран-членов ЕС и Брюсселя (так, действия представителей Австрии и ЕС позволили способствовать урегулированию ситуации в Южном Тироле в 1970-х годах; неоправданные надежды Каталонии на поддержку ЕС, скорее, отчасти обусловили рост числа сторонников идеи сецессии);
- важно и соответствие институтов национального, межгосударственного, наднационального и трансграничного уровней друг другу (так, их гармоничное использование позволило решить баскский и тирольский вопрос, «заморозить» ирландский и институционализировать валлоно-фламандский);
- в качестве отдельного фактора можно рассмотреть соответствие внедряемых институтов урегулирования межэтнических конфликтов наиболее значимым предпосылкам этих конфликтов. Отмечается, что наиболее распространенной предпосылкой сепаратизма в странах Европейского союза в настоящее время является экономическая (основывающаяся на усиливающейся в периоды кризиса уверенности жителей экономически успешного региона в том, что уровень благосостояния данного региона после его выхода из состава соответствующего государства возрастет), в случае обострения которой актуализируются прочие предпосылки. Второй важной предпосылкой является политическая – стремление к расширению привилегий региона и полномочий его властей. Для некоторых сепаратистских движений, в основном, относящихся к

«ирридентистскому» типу сепаратизма, по-прежнему актуальны проблемы идентичности, лингвистических и культурных особенностей региона, которые, впрочем, приобретают особое значение в период обострения экономических предпосылок. Такие движения, тем не менее, оказываются значительно менее активными, чем движения, основывающиеся в первую очередь на экономических предпосылках, для которых культурная, религиозная и языковая специфика стремящегося к выходу из состава определенного государства региона является скорее лозунгом, позволяющим достичь целей движения, нежели причиной возникновения этих целей.

Нетерриториальные межэтнические конфликты характеризуются следующими особенностями:

- важна общность целей движений, являющихся представителями активно участвующих в конфликте этнических групп, и поддержка действий этих движений членами соответствующих этнических групп, в случае конфликтов данного вида обычно незначительная (так, при разрешении «цыганского вопроса» основную трудность представляет социальная и внутриэтническая разнородность данной группы; в случае «исламского вопроса» добавляются и различия существующих ветвей ислама);
- готовность к диалогу и компромиссам легитимных лидеров обеих сторон конфликта заменяется, скорее, общим уровнем взаимной терпимости (более высоким в Италии, Австрии и Чехии, более низким во Франции и Венгрии) и взглядами лидеров государства, на территории которого происходит конфликт;
- исторические события прошлого, которые оказываются так же значимы, как в случае территориальных конфликтов (так, история Чехии – существование в прошлом законов, ограничивавших права цыган – оказывает значительное влияние на текущие взаимоотношения этнических групп в стране);
- на национальном уровне важны не столько экономические, сколько культурные факторы (степень близости культур друг другу, большая в Италии и меньшая во Франции);

- в перечне внешних факторов позиция «родственного» государства сменяется, скорее, на позицию «сочувствующего» внешнего актора: в качестве примеров выражения такой позиции могут рассматриваться высказывания президента Турции Р. Т. Эрдогана относительно событий во Франции, часто направленные на защиту не только выходцев из Турции, но и других французских мусульман, или объявление представителями Европейского союза «декады интеграции цыган» в 2005–2015 гг.;
- важно и соответствие институтов национального, межгосударственного, наднационального и трансграничного уровней друг другу (например, несоответствие политики ЕС на наднациональном уровне политике Венгрии на уровне национальном не позволяет выстроить непротиворечивую стратегию урегулирования конфликта).

Другими словами, межэтнические конфликты разного вида предполагают наличие специфических комбинаций институциональных условий их разрешения.

Роль институтов определенного уровня будет разной в зависимости от вида конфликта, поскольку различаются предпосылки конфликта и степень вовлеченности в него разных акторов. При урегулировании ирредентистских территориальных межэтнических конфликтов особое значение приобретают наднациональные институты Европейского союза, определяющие нормы, в соответствии с которыми на территории ЕС действуют межгосударственные, национальные и трансграничные институты. Межгосударственные институты в данном случае оказывают влияние не только на трансграничные, но и на национальные институты, поскольку вариативность стратегий этнической политики государства, на территории которого происходит конфликт с ирредентистами, во многом определяется эффективностью его взаимодействия с «родственным» государством.

Урегулирование территориальных межэтнических конфликтов «сецессионистского»/«автономистского» типа в странах ЕС в меньшей степени, чем в предыдущем случае, предзадано существующими наднациональными институтами. Поэтому при урегулировании

«сецессионистских»/«автономистских» конфликтов национальные институты получают возможность оказывать большее влияние на формирование многоуровневой институциональной системы, вместе с наднациональными институтами определяя условия функционирования межгосударственных институтов, в свою очередь, способствующих созданию трансграничных институтов.

В случае урегулирования в странах ЕС нетерриториальных межэтнических конфликтов с участием новообразованных иммигрантских сообществ основное значение приобретают национальные и межгосударственные институты: в силу исторических причин наднациональные институты в значительно меньшей степени, чем при урегулировании территориальных конфликтов, определяют взаимодействие с представителями этнических групп, не сконцентрированных на определенной территории. Поэтому значимость наднациональных институтов в данном случае сопоставима с влиянием трансграничных институтов, которое является небольшим в силу специфики рассматриваемого вида конфликта.

При урегулировании в странах ЕС долговременных нетерриториальных межэтнических конфликтов определяющее значение сохраняют национальные институты. Значимость межгосударственных институтов снижается в связи с утратой «родственным государством» своего влияния в силу изменения коллективной идентичности соответствующей этнической группы. Небольшое значение трансграничных и наднациональных институтов обусловлено теми же причинами, что и в случае межэтнического конфликта с участием новообразованных иммигрантских сообществ.

Таким образом, выбор определенной стратегии урегулирования межэтнического конфликта на национальном уровне должен соответствовать тому, какие институты, помимо национальных, оказывают влияние на формирование институциональной системы урегулирования межэтнического конфликта, а также насколько значимо это влияние, иначе успешное урегулирование с высокой долей вероятности окажется недостижимым.

Библиография

Официальные документы и нормативно-правовые акты

На русском языке:

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами от 24 октября 1970 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 12.01.2016).

2. Дополнительный протокол к Европейской рамочной конвенции о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей. Мадрид. 9 ноября 1995 г. Ст.3. // Сборник документов и материалов по вопросам международных и внешнеэкономических связей субъектов Российской Федерации. — М., 2002. С. 379–385.

3. Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Осуществление Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах: Третьи периодические доклады, представляемые государствами-участниками в соответствии со статьями 16 и 17 Пакта: добавление: Венгрия. [Электронный ресурс]. — 2006. — Режим доступа: https://www.refworld.org.ru/docid/479859d72.html (дата обращения: 15.04.2021).

4. Основной Закон Венгрии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.parlament.hu/irom39/02627/02627.pdf (дата обращения: 21.05.2023).

5. Резолюция Совета Безопасности ООН 1832 от 27 августа 2008 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2011]/[Oct2011]/Res1832_rus.asp (дата обращения: 12.01.2016).

6. Соответствие одностороннего провозглашения независимости Косово нормам международного права // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда. — Нью-Йорк: ООН, 2014. —С. 155–178.

На английском языке:

7. Charter of fundamental rights of the european union (2000/C 364/01) // Official Journal of the European Communities. [Электронный ресурс]. — 2000. — Режим доступа: https://www.europarl.europa.eu/charter/pdf/text_en.pdf (accessed: 12.05.2021).

8. Comments of the Government of Hungary on the Fifth Opinion of the Advisory Committee on the implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by Hungary. [Электронный ресурс]. — 2020. — Режим доступа: https://rm.coe.int/5th-com-hungary-en/16809fe429 (accessed: 12.05.2021).

9. CoR Regional Offices [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://cor.europa.eu/en/members/Documents/regional-offices-organisations.pdf (accessed: 10.04.2018).

10. Fifth Opinion on Hungary. [Электронный ресурс]. — 2020. — Режим доступа: https://rm.coe.int/5th-op-hungary-en/16809eb484 (accessed: 12.05.2021).

11. The Euroregion presentation [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.euroregio.eu/en/the-euroregion/presentation (accessed: 30.01.2023).

12. The Treaty of Amsterdam. [Электронный ресурс]. — 1998. — Режим доступа: https://web.archive.org/web/20120829111957/http://www.eurotreaties.com/amsterdamtreaty.pdf (accessed: 12.05.2021).

13. Treaty of Lisbon. [Электронный ресурс]. — 2007. — Режим доступа: https://eur-

lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2007:306:FULL:EN:PDF (accessed: 12.05.2021).

Статьи

На русском языке:

14. Ананьева Е.В. Референдум о независимости Шотландии: цепная реакция // Сепаратизм в политической жизни современной Европы — М.: Ин-т Европы РАН, 2015. — С. 42–53.

15. Ачкасов В.А. Что такое регионализация? // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. — 2006. — №3. — С. 24–35.

16. Ачкасов В.А. Этнополитический конфликт как следствие этнизации социальных проблем // ПОЛИТЭКС. — 2013. — Т.9. — №2. — С. 41–61.

17. Баранов А.В. Каталонский сепаратизм: факторы влияния на статус автономного сообщества // Вестник РУДН. Серия: Политология. — 2013. — №3. — С. 28–38.

18. Баранов А.В. Субнациональные регионы Европейского союза в системе транснациональной интеграции // Вестник ПГУ. — 2005. — №1. — С. 89–92.

19. Бибикова О. Ислам в Австрии // Россия и мусульманский мир. — 2014. — №4 (262). С. 97–109.

20. Бибикова О. Ислам и мусульмане на Апеннинском полуострове // Россия и мусульманский мир. — 2013. — №6 (252). — С. 109–137.

21. Богатырев А. З., Даова М.Х. Южнотирольская модель автономии как паттерн урегулирования конфликтов этнических меньшинств // Право и государство: теория и практика. — 2020. — № 12(192). — С. 156–159.

22. Буданова И.А. "Акторность" еврорегионов // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 3(30). — С. 57–63.

23. Ван Дейк Р. Регионализм, федерализм и права меньшинств в Бельгии // Этнические и региональные конфликты в Евразии: в 3 кн.: Книга 3. Международный опыт разрешения конфликтов. — М.: Издательство «Весь мир», 1997. — С. 251–268.

24. Висенс Е. От национальности к нации, или уроки национализма // Испания − Каталония: империя и реальность. Сборник статей / Перевод, составление и предисловие Елены Висенс. — М.: REGNUM, 2007. — 92 с.

25. Вовенда А.В., Плотников В.А. Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции в современных условиях // Балт. рег. — 2011. — №4. — С. 60–68.

26. Гаген С. Я., Янчаркова Я. "Ты цыган, но мы тебя все равно любим". К вопросу о дискриминации в чешском обществе (на примере отношения к "цыганским" детям дошкольного возраста) // Вестник Гуманитарного университета. — 2019. — № 4(27). — С. 128–153.

27. Галимуллина Д.И. «Цыганский вопрос» как ключевая проблема в этнонациональной политике Чехии // Политическая регионалистика и этнополитика. — 2020. — Т. 10. — Выпуск 1 (53). — С. 137–144.

28. Галкин А. А. Исламский аспект иммиграционной проблемы // Россия реформирующаяся. — 2007. — №6. — С. 370–385.

29. Гончикдоржиева О.Ж. Теоретические подходы к исследованию этносоциальных процессов // Вестник БГУ. — 2010. — №6. — С. 181–184.

30. Гордон А.В. Ислам во Франции: опыт интеграции // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. — 2019. — №3. — С. 5–53.

31. Долгов Б. Ислам во Франции: мусульмане и светская республика Республика // Россия и мусульманский мир. — 2016. — №4 (286). — С. 115–131.

32. Дубровина О.Ю. Региональное измерение внешней политики: сущность и содержание // Власть. — 2013. — №3. — С. 76–80.

33. Зонова Т.В. От Европы государств к Европе регионов // Полис. — 1999. — №5. — С. 155–164.

34. Каргалова М.В. Европа: цыганы шумною толпой (цыганский вопрос в Европе) // Современная Европа. — 2011. — №4 (48). — С. 18–27.

35. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. — 2003. — № 6(40). — С. 67–116.

36. Коровицына Н.В. Современная чешская нация: проблемы идентичности // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. — 2018. — № 4(4). — С. 184–189.

37. Кудряшова И.В. Как обустроить разделенные общества // Political science (RU). — 2016. — № 1. — С. 15–33.

38. Кутергин В.А., Садовая Е.С. Регулирование этнополитических отношений в рамках образовательной политики: опыт стран ЕС // Полис. Политические исследования. — 2017. — № 5. — С. 91–105.

39. Лейпхарт А. Предисловие к русскому изданию книги // Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В.Каменский. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 26–34.

40. Любарт М. К. Франция в современном миграционном кризисе 2015–2017 годов // Новая и новейшая история. — 2018. — № 5. — С. 119–139.

41. Михайлов С.В. Западная Европа: от временных иностранных рабочих к новым этническим меньшинствам // Старые и новые лики национальной проблемы. — М., 2005. С. 45–68.

42. Навратил П. Как помогающие работники конструируют проблемы цыганских семей: вклад общих и специфических стереотипов о родительстве // Журнал исследований социальной политики. — 2010. — Т. 8. — № 3. — С. 353–372.

43. Наумкин В.В. Исламизм, этничность и конфликты: о роли символической политики // Вестник Московского университета. Сер. 25 Международные отношения и мировая политика. — 2009. — №1. — Стр. 9–27.

44. Нечитайло Д. Ислам в Италии // Россия и мусульманский мир. — 2009. — №2. — С. 122–137.

45. Осипов Е.А. «Пока все хорошо. Но главное приземление». 15 лет закону о запрете ношения религиозной одежды во французской школе // Политика и Общество. — 2019. — № 3. — С. 1–7.

46. Осипов Е. А. Умеренный ислам во Франции как перспектива выхода из кризиса идентичности // Новая и новейшая история. — 2019. — № 5. — С. 156–165.

47. Пинюгина Е. В. Мусульмане в Австрии: проблемы и достижения интеграции // Вестник МГИМО Университета. — 2012. — № 5(26). — С. 103–110.

48. Пинюгина Е.В. Политические риски институционализации ислама в Европе // Полит. наука. 2018. — №4. — С. 203–222.

49. Повразнюк К. В. Роль мусульманских организаций в сообществах Великобритании, Германии, Франции и Италии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. — 2010. — Т. 6. — № 4. — С. 116–129.

50. Примакова Н. С. Италия перед лицом миграционного кризиса: Методы урегулирования и последствия для итальянского общества // Актуальные проблемы Европы. — 2016. — № 4. — С. 181–215.

51. Резникова К.В. Этничность как категория социального познания // Социодинамика. — 2015. — № 1. — С. 101–111.

52. Салкина М. Институционализация ислама во Франции // Международные процессы. — 2016. — Т. 14. — № 2(45). — С. 112–122.

53. Салмин А.М. Предисловие научного редактора // Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В.Каменский. — М.: Аспект Пресс, 1997. — 287 с.

54. Семененко И. С. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Управление государством: Проблемы и тенденции развития: Политическая наука: Ежегодник 2007 / Российская ассоциация политической науки. — Москва: Издательство "Политическая энциклопедия", 2008. — С. 448–501.

55. Скоробогатов А. В. Понятие «Национальное меньшинство» в российском законодательстве // Russian Journal of Economics and Law. — 2008. — №3(7). — С. 82–85.

56. Станкевич Г. В. Западноевропейский ислам: региональные измерения политической жизни Европейского Союза // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2011. — № 4(29). — С. 69–77.

57. Стрежнева М.В. Теории европейской интеграции // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. — 2009. — №1. — С. 28–45.

58. Султыгов А. Х. А. Этнополитический конфликт в Северной Ирландии: прошлое и настоящее // Новая и новейшая история. – 2006. – № 2. – С. 168–173.

59. Тарасов И.Н. Правый радикализм и факторы ксенофобских социальных практик в Венгрии // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. — 2015. — №6. — С. 55–62.

60. Тарасов И.Н. Проблема полиэтничности в Центрально-Восточной Европе // POLITBOOK. — 2012. — №3. — С. 34–44.

61. Троицкий Е.Ф. Представительство федеративных государств в Совете ЕС: роль регионов // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2016. — № 410. — С. 159–163.

62. Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского союза: основные тренды и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2019. — Т. 12. — №4. — С. 125–147.

63. Филяева А.И. Взаимосвязь этнических конфликтов и институционального устройства государства у Д.Хоровица и А.Лейпхарта // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей / Под. ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текста А.В. Мырикова, А.Б. Страхов. — М.: Издательство Московского университета, 2017. — С. 358–359.

64. Филяева А. И. Институциональное урегулирование этнических конфликтов: идея комбинирования консоциативного и интегративного подходов у С. Вульфа // SCHOLA-2019: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. — М.: Издательство Московского университета, 2019. — С. 142–145.

65. Филяева А. И. Информационные войны в этнических конфликтах: Шотландия накануне референдума о независимости 18 сентября 2014 года // Социально-гуманитарные знания. — 2020. — № 5. — С. 371–375.

66. Филяева А. И. Каталонский кризис сквозь призму Стэнфордской модели кризиса политического развития // Русская политология. — 2019. — № 3(12). — С. 23–35.

67. Филяева, А. И. Консоциативный и интегративный подходы к урегулированию межэтнических конфликтов: развитие в исследованиях 1990-х−2010-х годов // Социально-гуманитарные знания. — 2021. — № 6. — С. 323–328.

68. Филяева А. И. Пропорциональная избирательная система как один из институтов урегулирования этнических конфликтов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. — № 3. — С. 177–183.

69. Филяева А. И. Современные теории демократии об урегулировании межэтнических конфликтов: делиберативный подход // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2020. — № 5. — С. 112–119.

70. Шумилин А. И. Франция: Республика против "политического ислама" (часть i) // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. — 2021. — № 1(19). — С. 54–61.

71. Языкова В. Миграция в Италии: роль католической церкви в формировании общественного мнения // Современная Европа. — 2017. — №5 (77). — С. 105–114.

На английском языке:

72. Abid L.J. Muslims in Austria: integration through participation in Austrian society // J. of muslim minority affairs. Abingdon. — 2006. — Vol. 26. — № 2. — P. 263–276.

73. Barry B. Accommodation and consociational democracy // British Journal of Political Science. — 1975. — Vol. — 5. — № 4. — P. 477–505.

74. Binningdbø H.M. Power sharing, peace and democracy: any obvious relationships? // International Area Studies Review. — 2013. — Vol. 16. — № 1. — P. 89–112.

75. Brancati D. The Origins and Strengths of Regional Parties // British Journal of Political Science. — 2008. — Vol. 38. — № 1. — P. 135–159.

76. Chaney P. Instrumental Europeans? Minority Nationalist Parties' Discourse on the European Union: The Case of UK Meso-Elections 1998–2011 // Perspectives on European Politics and Society. — 2014. — Vol. 15. — № 4. — P. 464–482.

77. Coggins B. Friends in high places: international politics and the emergence of states from secessionism // International Organisation. — 2011. — Vol. 65. — № 3. — P. 433–467.

78. Connolly C.K. Independence in Europe: secession, sovereignty, and the European Union // Duke Journal of Comparative & International Law. — 2013. — Vol. 24. — P. 51–105.

79. Coppieters B. Secessionist conflicts in Europe // Secession as an international phenomenon: from America's Civil War to contemporary separatist movements / Ed. D.H.Doyle. — Georgia: University of Georgia Press, 2010. P. 237–258.

80. Deschouwer K. The Unintended Consequences of Consociational Federalism: The Case of Belgium // Power sharing: new challenges for divided societies / Eds. I. O'Flynn, D. Russell. — London: Pluto Press, 2005. — P. 92–106.

81. Dixon P. Is consociational theory the answer to global conflict? From Netherlands to Ireland and Iraq // Politial studies review. — 2011. — Vol. 9. — P. 309–322.

82. Dryzek J. Deliberative Democracy in Divided Societies // Political Theory. — 2005. — № 33. — P. 218–242.

83. Eller, J. D. Review of Ethnic Conflict: Causes, Consequences, and Responses, by K. Cordell & S. Wolf // Journal of Peace Research. — 2011. — № 48(1). — P. 129–129.

84. Fearon K., Rebouché R. Overlapping Identities: Power Sharing and Women's Rights // Power sharing: new challenges for divided societies / Eds. I. O'Flynn, D. Russell. — London: Pluto Press, 2005. — P. 155–171.

85. Flamini R. European disunion: Cameron, the EU, and the Scots // World Affairs. — 2014. — Vol. 177. — №3. — P. 8–15.

86. Funk-Unrau N. Review of Ethnic Conflict: A Global Perspective, by S. Wolff // Peace Research. — 2007. — Vol. 39. — № 1/2. — P. 152–153.

87. Griffiths R.D., Savić I. Globalization and Separatism: The Influence of Internal and External Interdependence on the Strategies of Separatism // PGDT. — 2009. — №8. P. 429–454.

88. Hadden T. Integration and autonomy: minority rights and political accommodation // Power sharing: new challenges for divided societies / Eds. I. O'Flynn, D. Russell. — London: Pluto Press, 2005. — P. 30–44.

89. Hooghe L., Marks G. «Europe with the regions»: Channels of regional representation in the European Union // Publius. — 1996. — Vol. 26. — № 1. — P. 73–91.

90. Horowitz D.L. Ethnic power-sharing and democracy: three big problems // Journal of democracy. — 2014. — Vol. 25. — № 2. — P. 5–20.

91. Ichijo A. Review on "The Road to Independence? Scotland in the Balance, revised and expanded" by M. Pittock // Nations and nationalism. — 2014. — V. 20. — №3. — P. 587–589.

92. Kudryashova I.V. How to accomplish stability in divided societies // Political science (RU). — 2016. — № 1. — С. 15–33.

93. Lijphart A. Constitutional design for divided societies // Journal of Democracy. — 2004. — Vol. 15. — № 2. — P. 96–109.

94. Mamadouh V., van der Wusten H. The European level in EU governance: territory, authority and trans-scalar networks // GeoJournal. — Vol. 72. — № 1/2. — P. 19–31.

95. McGarry J. Centripetalism, consociationalism and Cyprus: the "adoptability" question // Political studies. — 2017. — Vol. 65. — № 2. — P. 512–529.

96. McGarry J., O'Leary B. Consociational theory, Northern Ireland's conflict, and its agreement. Part 1: What concociationalists can learn from Norther Ireland // Government and opposition. 2006. — Vol. — 41. — № 1. — P. 43–63.

97. Muñoz J., Tormos R. Economic expectations and support for secession in Catalonia: between causality and rationalization // European Political Science Review. — 2015. — 7:2. — P. 315–341.

98. Naso P. Visible but unrecognized. The case of italian Islam // De Europa. — 2021. — Vol 4, №2. — P. 35–47.

99. O'Flynn I. Deliberative democracy, the public interest and the consociational model // Political Studies. 2010. — Vol. 58. — № 3. — P. 572–589.

100. O'Flynn I. Divided Societies and Deliberative democracy // British journal of Political Science. — 2007. — Vol. 37. — № 4. — P. 731–751.

101. Oberchall A., Palmer L.K. The Failure of Moderate Politics: The Case of NorthernIreland // Power sharing: new challenges for divided societies / Eds. I. O'Flynn, D. Russell. — London: Pluto Press, 2005. — P. 77–91.

102. Ruggiero V. Illegal activity and migrant acculturation in Italy // Intern. J. of law, crime A. justice. — Amsterdam, 2009. — Vol. 37, issue 1/2. — P. 39–49.

103. Simonsen S.G. Addressing ethnic divisions in post-conflict institution-building: lessons from recent cases // Security dialogue. — 2005. — Vol. 36. — № 1. — P. 297–318.

104. Sinclair P.R. Review on "National Separatism" by Colin H. Williams // Canadian Journal of Sociology. — June 1, 1984. — P. 370–371.

105. Smith A.D. The ethnic sources of nationalism // Survival. — Vol. 35. — Issue 1. — P. 48–62.

106. Stithorn Thananithichot. Understanding Thai Nationalism and Ethnic Identity // Journal of Asian and African Studies. — 2011. — 46(3). — P. 250–263.

107. Tebble A.J. What is the politics of difference? // Political theory. — 2002. Vol.30. — № 2. — P. 259–281.

108. Van den Berghe PL. Ethnies and nations: Genealogy indeed // When is the Nation? Towards an Understanding of Theories of Nationalism. — London: Routledge. — 2005. — P. 113–118.

109. Williams D. U. How Useful are the Main Existing Theories of Ethnic Conflict? // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. — 2015. — Vol. 4. — № 1. — P. 147–152.

110. Wilson R. Towards a Civic Culture: Implications for Power-sharing Policy Makers // Power sharing: new challenges for divided societies / Eds. I. O'Flynn, D. Russell. — London: Pluto Press, 2005. — P. 204–218.

111. Woods N. The European disunion // Foreign affairs. — January/February 2016. — P. 160–165.

Материалы конференций

112. Волкова А.А. Цыганское искусство как способ коммуникации с европейской культурой // Искусство, дизайн и современное образование: материалы международной научно-практической конференции. Сер. "Научные труды РГСАИ" Российская государственная специализированная академия искусств; Институт изобразительных искусств Чжэнчжоуского университета; Международный научно-культурный центр академических контактов. — М.: Издательский дом «Научная библиотека». — 2016. — С. 358–368.

113. Сорвина М.Ю. Современная мирная инициатива по урегулированию межэтнической проблемы Южного Тироля // Проблемы толерантности: история и современность: Материалы Международной научной конференции, Череповец, 16–18 апреля 2015 года. — Череповец: Череповецкий государственный университет, 2015. — С. 83–85.

114. Филяева А.И. Взаимосвязь этнических конфликтов и институционального устройства государства у Д.Хоровица и А.Лейпхарта // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей / Под. ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текста А.В. Мырикова, А.Б. Страхов. М.: Издательство Московского университета, 2017. — С. 358–359.

115. Филяева А.И. Использование образа «Другого» в международной политике: интервенция философии постструктурализма в дисциплину «международные отношения» // Векторы развития современной России. Границы дают отпор: демаркация практик, пространств и языков описания. Сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции молодых учёных 20–22 апреля 2017 года / под общ. ред. М.Г.Пугачевой. — М.; СПб.: Нестор-История, 2018. — С. 52–61.

116. Филяева А.И. Почему Шотландия решила остаться в составе Великобритании? Причины поражения сепаратизма на референдуме о независимости Шотландии 18 сентября 2014 года // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Пятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2015». — М.: Политическая энциклопедия, 2015. — С. 414–417.

117. Филяева, А.И. Случай Второй Австрийской Республики в дискуссии об эффективности консоциативной модели урегулирования межэтнических конфликтов // Новые государства в XX веке. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Двенадцатой Международной конференции молодых ученых и специалистов, Москва, 14–15 апреля 2022 года. – Москва: Издательство "Политическая энциклопедия", 2022. – С. 199–201.

118. Филяева А.И. "Языковые войны" в Бельгии // Левые идеологии, движения и организации в истории. Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Девятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2019», Москва, 03–04 апреля 2019 года / Ответственный редактор А. К. Сорокин. Москва: Издательство "Политическая энциклопедия", 2019. С. 427–431.

Авторефераты и диссертационные исследования

На русском языке:

119. Болотникова О.Р. Проблемы урегулирования этнополитических сепаратистских конфликтов в XXI веке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук: специальность 23.00.04 [Национ. исследоват. ун-т. "Высш. шк. экономики"; Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. — Москва, 2012. — 32 с.

120. Брагин А. А. Регулирование этнических конфликтов: предупреждение и разрешение: специальность 22.00.08 "Социология управления": диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. — Белгород, 2001. — 209 с.

121. Домарева М.А. Сепаратизм в постсоветской России: факторы возникновения, функционирования и нейтрализации: автореф. дис. канд. полит. Наук: 23.00.01 — М., 2004. — 167 с.

122. Махова А.В. Эволюция воззрений крайне правых сил во Франции, Италии и Венгрии 2000-2013 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 — Санкт-Петербург, 2016. — 262 с.

123. Ормонбеков Ж.Т. Многосоставные общества в федеративных политиях Бельгии и Швейцарии: сравнительный анализ: дис. канд. полит. наук: 23.00.02 / МГИМО (У) МИД РФ. — М., 2007. — 193 с.

На английском языке:

124. Blagojevic B. Ethnic conflict and post-conflict development: Peacebuilding in ethnically divided societies. PhD dissertation. — Newark, 2004. — 218 p.

125. Koff H. Fortress Europe or a Europe of fortresses? The integration of non-European Union immigrants in Western Europe. PhD dissertation. — Durham, 2002. — 498 p.

126. McCulloch A. Seeking stability amid deep division: consociationalism and centripetalism in comparative perspective. PhD thesis. — Ontario: Queen’s University Kingston, 2009. — 277 p.

Монографии, учебные пособия, сборники статей

На русском языке:

127. Ванханен Т. Этнические конфликты: их биологические корни в этническом фаворитизме / Пер. с англ. Д.О.Румянцева. — М.: Кучково поле, 2014. — 288 с.

128. Гражданские инициативы в сфере этнической политики. Возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования этнических конфликтов / ред. Зорин В.Ю., Степанов В.В. — М.: ИЭА РАН, 2013. — 215 с.

129. Глобальное управление: возможности и риски / Т. Б. Аничкина, И. О. Абрамова, А. Г. Арбатов [и др.] – Москва: Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2015. — 315 с.

130. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В.Каменский. — М.: Аспект Пресс, 1997. — 287 с.

131. Малахов В. Национализм как политическая идеология — Москва: Книжный дом «Университет», 2005. — 320 с.

132. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики — М., 1997. — 190 с.

133. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока — СПб.: Русский Мiр, 2006. — 637 с.

134. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии — М.: Наука. 2003. — 544 с.

135. Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика Европейского союза — М: Издательство «Аспект Пресс», 2018. — 224 с.

На английском языке:

136. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism — Verso, 1991. — 224 p.

137. Basedau M. Managing ethnic conflict: the menu of institutional engineering — GIGA German Institute of Global and Area Studies, 2011. — 30 p.

138. Bollens S.A. Cities, Nationalism and Democratisation — New York: Routledge, 2007. — 304 p.

139. Brancati D. Peace by design: managing intrastate conflict through decentralization — Oxford: Oxford University Press, 2009. — 308 p.

140. Chandra K. Why Ethnic Parties Succeed — Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2004. — 337 p.

141. Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding — Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1994. — 234 p.

142. De Pablo S., Mees. L. El pendulo patriotico. Historia del Partido Nacionalista Vasco (1895-2005) — Barcelona, 2005. — 503 p.

143. Edkins J. Poststructuralism and international relations: bringing the political back in — London: Lynne Rienner Publichers, 1999. — 164 p.

144. Geertz C. The Interpretation of Cultures — New York: Basic Books, 1973. — 470 p.

145. Gellner E. Nation and Nationalism — Cornell University Press, 2008. — 152 p.

146. Horowitz D.L. Ethnic groups in conflict. Berkeley and Los Angeles, — California: University of California Press, 1985. — 697 p.

147. Kristeva J. Strangers to Ourselves. — New York: Columbia University Press, 1991. — 230 p.

148. Lijphart A. Democracy in plural societies: a comparative exploration. — New Haven and London: Yale University Press, 1980. — 248 p.

149. McNamara K.R. The Politics of Everyday Europe: Constructing Authority in the European Union. — Oxford University Press. 2015. — 224 p.

150. Power sharing: new challenges for divided societies / Eds. I. O'Flynn, D. Russell. — London: Pluto Press, 2005. — 240 p.

151. Reilly B. Democracy in divided societies: electoral engineering for conflict management. — Cambridge: Cambridge University Press, 2001. — 232 p.

152. Reilly B., Reynolds. A. Electoral Systems and Conflict in Divided Societies. — Washington, D.C.: National Academy Press,1999. — 72 p.

153. Requejo F., Nagel K.-J. Democracy and Borders: External and Internal Secession in the EU (Euborders Working Paper 14). — 2017. — 23 p.

154. Secession as an international phenomenon: from America's Civil War to contemporary separatist movements / Ed. D.H.Doyle. — Georgia: University of Georgia Press, 2010. — 408 p.

155. Smith A.D. Nationalism: Theory, Ideology, History, Concepts. — Cambridge: Polity Press, 2001. — 192 p.

156. Walzer M. On toleration. — New Haven and London: Yale University Press, 1999. — 126 p.

157. Wolff S. Disputed territories: the transnational dynamics of ethnic conflict settlement. — New York: Berghahn Books, 2004. — 258 p.

158. Young I.M. Justice and the politics of difference. — Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1990. — 304 p.

159. Zubiri I. The economic agreement between the Basque Country and Spain. — Ad Concordiam, 2010. — 192 p.

Статистические сборники и базы данных

160. World Population Prospects 2022: Summary of Results [Электронный ресурс] // United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. — 2019. — Режим доступа: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf (accessed: 17.08.2022).

161. Étrangers – Immigrés: pays de naissance et nationalités détaillés. Recensement de la population [Электронный ресурс] // Institut national de la statistique et des études économiques. — 2020. — Режим доступа: https://www.insee.fr/fr/statistiques/4510549?sommaire=4510556 (accessed 03.05.2021).

Материалы СМИ и электронные ресурсы

162. Ананьева Е. 25 лет Белфастскому соглашению. Неладно что-то в «особых отношениях» [Электронный ресурс] // РСМД. — 21.04.2023. — URL:

https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/25-let-belfastskomu-soglasheniyu-neladno-chto-to-v-osobykh-otnosheniyakh/ (accessed: 21.04.2023).

163. Беляев Д. Соглашение Великобритании и ЕС. Вопросов больше, чем ответов [Электронный ресурс] // ТАСС. — 25.12.2020. — Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10353351 (дата обращения: 03.03.2021).

164. Бухарова М. Колючая Венгрия: Будапешт решил отгородиться от мигрантов «умной стеной» [Электронный ресурс] // ТВ-новости. — 09.03.2017. — Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/366360-vengriya-migranty-stena (дата обращения: 15.04.2021).

165. Бухарова М. Униженные брекситом: выход из ЕС ударил по самым незащищенным британцам [Электронный ресурс] // ТВ-новости. — 19.04.2017. — Режим доступа: https://russian.rt.com/world/article/380371-unizhennye-i-oskorblyonnye-breksit-sostoitsya-za-schyot (дата обращения: 09.03.2018).

166. В Белфасте полиция нашла еще одну бомбу сепаратистов [Электронный ресурс] // «Вести» интернет-газета. — Режим доступа: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2728397 (дата обращения: 19.12.2017).

167. Васильевский В. Фламандские националисты отказываются от сепаратизма? [Электронный ресурс] // Вся Европа.ru. — 2014. — № 2 (84). — Режим доступа: http://alleuropa.ru/?p=6274 (дата обращения: 19.12.2017).

168. Великобритания и ЕС подписали новое торговое соглашение по Северной Ирландии [Электронный ресурс] // ТАСС. — 25.03.2023. — URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17366787 (дата обращения: 01.04.2023).

169. Венгрия / Конфликты и расколы [Электронный ресурс] // Политический атлас современности. — 2013. — Режим доступа: http://www.hyno.ru/tom1/461.html (дата обращения: 15.04.2021).

170. Верховный суд Испании отозвал международный ордер на арест Пучдемона [Электронный ресурс] // ТАСС. — 05.12.2017. — Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4784951 (дата обращения: 10.12.2017).

171. Воробьева Е. Каталонский кризис: как решение Европарламента приблизило возможный арест Пучдемона [Электронный ресурс] // ТАСС. Режим доступа: https://tass.ru/opinions/10878025 (дата обращения: 14.04.2022).

172. В Чехии сократилось доверие к странам Запада [Электронный ресурс] // EADaily. — 13.08.2019. — Режим доступа: https://eadaily.com/ru/news/2019/08/13/v-chehii-sokratilos-doverie-k-stranam-zapada (дата обращения: 07.04.2023).

173. Гаврилова С. Каталонский вопрос на повестке политической жизни Испании [Электронный ресурс] // РСМД. — 27.01.2023. — URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/katalonskiy-vopros-na-povestke-politicheskoy-zhizni-ispanii/ (дата обращения: 10.04.2023).

174. Европейские депутаты пристыдили испанское правительство [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. — 30.03.2018. — Режим доступа: https://regnum.ru/news/2398053.html (дата обращения: 10.04.2018).

175. Звягина Д.А. Цыгане и венгерское общество: трудности сосуществования [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. — 2016. — № 9. — Режим доступа: https://web.snauka.ru/issues/2016/09/71051 (дата обращения: 15.04.2021).

176. Золотов А. "Закон об исламе" в Австрии запретил зарубежное финансирование общин [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 2015. — Режим доступа: https://ria.ru/20150226/1049672942.html (дата обращения: 17.04.2021).

177. "ИРА" взяла на себя ответственность за взрыв в Северной Ирландии [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. — 2019. — Режим доступа: https://ria.ru/20190129/1550086284.html (дата обращения: 10.02.2019).

178. Испанские правозащитники требуют от ЕС навести порядок в Каталонии [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. — 30.03.2018. — Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/2397977.html (дата обращения: 10.04.2018).

179. История и экономические предпосылки сепаратизма в Испании [Электронный ресурс] // Вестник Кавказ. — 2015. — Режим доступа:

http://www.vestikavkaza.ru/articles/Istoriya-i-ekonomicheskie-predposylki-separatizma-v-Ispanii.html (дата обращения: 19.12.2017).

180. Кустарев А. Англия и Шотландия [Электронный ресурс] // Агентство Политических Новостей. — 2007. — Режим доступа: http://www.apn.ru/publications/article17294.htm (дата обращения: 19.12.2017).

181. Ксенофобские и ультраправые тенденции в Европе: процесс по делу "убийц цыган" в Венгрии завершен [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. — 2013. — Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/1692778.html (дата обращения: 15.04.2021).

182. Макаренко Г. Побег от независимости: как Каталония отказалась сопротивляться Мадриду [Электронный ресурс] // РБК. — Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/30/10/2017/59f71b609a79470f1cc539df (дата обращения: 10.12.2017).

183. Макаренко Г., Химшиашвили П. Шаткая независимость: как Каталония и Мадрид могут выйти из тупика [Электронный ресурс] // РБК. — Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/10/10/2017/59db6f1a9a7947df3ebe2722 (дата обращения: 10.12.2017).

184. Миронов В. Побег из Испании: как каталонцы веками борются за независимость [Электронный ресурс] // RT. — Режим доступа: https://russian.rt.com/nopolitics/article/432783-istoriya-nezavisimost-katalonia (дата обращения: 10.12.2017).

185. Нестеров В. Новая жизнь европейского сепаратизма [Электронный ресурс] // Фонд стратегической культуры. — Режим доступа: https://fondsk.ru/news/2014/01/18/novaja-zhizn-evropejskogo-separatizma.html (дата обращения: 19.12.2022).

186. Новое государство на карте Европы. Каталония выходит из состава Испании? [Электронный ресурс] // РИА Новости Украина. — Режим доступа: http://rian.com.ua/analytics/20151109/1000005249.html (дата обращения: 10.12.2017).

187. Польша выступила за обсуждение возможности переписать Договор о Евросоюзе [Электронный ресурс] // ТАСС. — 14.10.2021. — Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12659601 (дата обращения: 17.12.2021).

188. По ту сторону Пиренеев: почему каталонцы из Франции ждут референдума [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 29.09.2017. — Режим доступа: https://ria.ru/world/20170929/1505859538.html (дата обращения: 10.04.2018).

189. Премьер Испании назначил выборы в парламент Каталонии на 21 декабря [Электронный ресурс] // РБК. — Режим доступа: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/59f380239a7947876a974bee (дата обращения: 10.12.2017).

190. «Проблема ислама» будет обсуждаться на саммите ЕС – канцлер Австрии [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. — 2020. — Режим доступа: https://regnum.ru/news/3106605.html (дата обращения: 17.04.2021).

191. Пушкарская Е. Мы – итальянцы, исповедующие ислам [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2016. — Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/2988639 (дата обращения: 01.04.2021).

192. Распад Бельгии перестает быть политической шуткой [Электронный ресурс] // Newsland. — 2011. — Режим доступа: http://newsland.com/user/4297700092/content/raspad-belgii-perestaet-byt-politicheskoi-shutkoi/4213527 (дата обращения: 19.12.2017).

193. Сапатеро и Рахой намерены защищать единство нации [Электронный ресурс] // РИА Новости. — 15.01.2005. — Режим доступа: https://ria.ru/politics/20050115/1701999.html (дата обращения: 03.01.2018).

194. Сулимов К.А. Автономная провинция Больцано (Южный Тироль) [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://identityworld.ru/maps_aera/profile/south_tyrol.pdf (дата обращения: 13.04.2018).

195. Уркулью претендует на создание «еврорегиона» с Наваррой и французской Страной Басков [Электронный ресурс] // Espana Rusa. —10.11.2014.

— Режим доступа: https://espanarusa.com/ru/news/article/541268 (дата обращения: 10.05.2017).

196. Филатов Г. Счет за независимость: чем Мадрид ответил Барселоне [Электронный ресурс] // РБК — Режим доступа: https://www.rbc.ru/opinions/politics/12/10/2017/59df5bc09a7947c39dfb5ad5 (дата обращения: 10.12.2017).

197. Филяева А.И. Институциональное урегулирование нетерриториальных межэтнических конфликтов: стратегии адаптации и интеграции [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. – 2023. – № 2. Режим доступа: https://old.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/1184 (дата обращения: 06.06.2023).

198. Хенкин С.М. Испания: испытание Каталонией [Электронный ресурс] // Перспективы: [веб-сайт] / Фонд исторической перспективы. — 2013. — Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/ispanija_ispytanije_katalonijej_2013-01-14.htm (дата обращения: 10.10.2019).

199. Хенкин С.М. Потенциал регионального сепаратизма в Испании [Электронный ресурс] // РСМД. — Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/potentsial-regionalnogo-separatizma-v-ispanii/ (дата обращения: 19.12.2017).

200. Чехия: цыганский геноцид по "бархатному сценарию" [Электронный ресурс] // ИА Regnum. — 2006. — Режим доступа: https://regnum.ru/news/polit/757138.html (дата обращения: 17.04.2021).

На английском языке:

201. Apostolova V. Audickas L., Jackson L., Keen R. Membership of UK political parties [Электронный ресурс] // UK Parliament, Standard notes SN05125. — Режим доступа: https://esrcpartymembersprojectorg.files.wordpress.com/2018/02/sn05125_hoc_membershipofukpoliticalparties.pdf (accessed: 28.03.2017).

202. Boffey D., Rankin J. EU publishes plan to keep Northern Ireland in customs union [Электронный ресурс] // Guardian. — 28.02.2018. — Режим доступа:

https://www.theguardian.com/politics/2018/feb/28/eu-publishes-plan-to-keep-northern-ireland-in-customs-union (дата обращения: 10.04.2018).

203. Brexit: no transition deal for Gibraltar, EU officials confirm – as it happened [Электронный ресурс] // The Guardian. — 08.12.2017. — Режим доступа: https://amp.theguardian.com/politics/live/2017/dec/08/brexit-border-eu-theresa-may-juncker-tusk-markets-live (accessed: 20.03.2018).

204. Bulman M. Brexit blamed as number of Britons applying for Irish passports rises by two thirds [Электронный ресурс] // Independent. — 16.04.2017. — Режим доступа: https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/irish-passport-british-brexit-people-applying-charlie-flanagan-a7685981.html (accessed: 15.02.2018).

205. Ca’ Foscari professor among the experts of the National Pact for an Italian Islam // Ca' Foscari University. — 02.02.2017. — Режим доступа: https://www.unive.it/pag/16584/?tx_news_pi1%5Bnews%5D=2474&cHash=88864a86c850c6836f23b3a2b4f78dae (accessed: 10.03.2023).

206. Carrell S. Nicola Sturgeon shelves second Scottish independence referendum [Электронный ресурс] // The Guardian. — 27.06.2017. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/politics/2017/jun/27/nicola-sturgeon-shelves-second-independence-referendum (accessed: 03.03.2021).

207. Catalan independence referendum illegal under Spanish constitution, European comission confirms. [Электронный ресурс] // The Independent. — 02.10.2017. — Режим доступа: https://www.independent.co.uk/news/world/europe/catalan-independence-referendum-not-legal-spanish-constitution-european-commission-juncker-spain-law-a7978386.html (accessed: 10.04.2018).

208. Catalan President calls for talks with Spain's new PM [Электронный ресурс] // The Local. — 2018. — Режим доступа: https://www.thelocal.es/20180602/catalan-president-calls-for-talks-with-spains-new-pm (accessed: 10.10.2019).

209. Crowds protest against Catalonia court ruling [Электронный ресурс] // Irish Examiner. — 10.07.2010. — Режим доступа: https://www.irishexaminer.com/world/arid-30465028.html (accessed: 19.12.2017).

210. De Briey L. Centripetalism in consociational democracy: the multiple proportional vote [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.paviagroup.be/documents/deBriey.06.Centripetalism.pdf (accessed: 05.04.2023).

211. Exclusive: Eta documents reveal details of weapons dumps as group disarms [Электронный ресурс] // The Guardian. — 08.04.2017 — Режим доступа: https://www.theguardian.com/world/2017/apr/08/eta-basque-separatist-group-formally-disarms-arms-cache (accessed: 03.03.2018).

212. EP supports peace initiative in Basque Country and expresses solidarity with victims [Электронный ресурс] // European Parliament. — Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+IM-PRESS+20061020IPR11900+0+DOC+PDF+V0//EN&language=ES (accessed: 13.04.2018).

213. Euroregion lines of action [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.euroregio.eu/en/euroregion/objectives (accessed: 10.04.2018).

214. How the Hungarian border fence remains a political symbol [Электронный ресурс] // CBC / Radio-Canada — 27.02.2020 — Режим доступа: https://www.cbc.ca/radio/ideas/how-the-hungarian-border-fence-remains-a-political-symbol-1.5476964 (accessed: 15.04.2021).

215. Ireland’s Call [Электронный ресурс] // RTÉ. — 05.11.2015. — Режим доступа: https://www.rte.ie/culture/2022/1022/1329756-irelands-call-david-mccullagh-on-the-twists-and-turns-of-brexit/ (accessed: 22.03.2017).

216. Krisch N. Catalonia's independence: a reply to Joseph Weiler [Электронный ресурс] // EJIL: Talk! — 18.01.2013. — Режим доступа: https://www.ejiltalk.org/catalonias-indepence-a-reply-to-joseph-weiler/ (accessed: 06.04.2023).

217. Kroet C. Call for united Ireland vote if UK leaves EU [Электронный ресурс] // POLITICO. — 03.11.16. — Режим доступа: http://www.politico.eu/article/united-ireland-vote-if-uk-leaves-eu-brexit-referendum/ (accessed: 19.12.2017).

218. New IRA admits murder of journalist Lyra McKee and offers 'sincere apologies' [Электронный ресурс] // The Irish News. — 23.04.2019. — Режим доступа: https://www.irishnews.com/news/northernirelandnews/2019/04/23/news/dissident-republican-new-ira-group-admit-murder-of-journalist-lyra-mckee-and-offer-sincere-apologies--1603611/ (accessed: 30.04.2018).

219. Nussbaum A. Macron Thrusts Muslims Onto the Front Line of French Politics. [Электронный ресурс] // Bloomberg. — 2020. — Режим доступа: https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-12-13/macron-thrusts-muslims-onto-the-front-line-of-french-politics (accessed 03.05.2021).

220. Majumbar S., Woodhouse A. The problem is they see us as a whole: How Roma exclusion plays into inequality [Электронный ресурс] // Worldback — 08.04.2019. — Режим доступа: https://blogs.worldbank.org/europeandcentralasia/problem-they-see-us-whole-how-roma-exclusion-plays-inequality (accessed: 15.04.2021).

221. Macaskill A., Smout A. Humza Yousaf wins race to be Scotland's next leader, vowing to revive independence [Электронный ресурс] // Reuters. — 27.03.2023. — URL: https://www.reuters.com/world/uk/scotlands-next-leader-be-announced-with-independence-movement-crisis-2023-03-26/ (accessed: 01.04.2023).

222. Paisley and McGuinness sworn in as power-sharing revived [Электронный ресурс] // The Guardian. — 08.05.2007. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/uk/2007/may/08/northernireland.northernireland4 (accessed: 22.03.2018).

223. Protocol on Ireland and Northern Ireland [Электронный ресурс] // An official website of the European Union. — Режим доступа: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/relations-non-eu-countries/relations-

united-kingdom/eu-uk-withdrawal-agreement/protocol-ireland-and-northern-ireland_en (accessed: 01.04.2023).

224. Scottish independence referendum: final results in full [Электронный ресурс] // The Guardian. — 18.09.2014. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2014/sep/18/-sp-scottish-independence-referendum-results-in-full (accessed: 10.04.2018).

225. The fall of Rajoy: how Gürtel affair defeated Spain's great survivor [Электронный ресурс] // The Guardian. — 2018. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/world/2018/jun/01/fall-of-mariano-rajoy-gurtel-spain (accessed: 10.10.2019).

226. UK election 2017: full results [Электронный ресурс] // The Guardian. — 09.06.2017. — Режим доступа: https://www.theguardian.com/politics/ng-interactive/2017/jun/08/live-uk-election-results-in-full-2017 (accessed: 28.09.2017).

227. Weiler J. Catalonian Independence and the European Union [Электронный ресурс] // EJIL: Talk! — 20.12.2012. — Режим доступа: https://www.ejiltalk.org/catalonias-indepence-a-reply-to-joseph-weiler/ (accessed: 06.04.2023).

228. Weir N. Primordialism, Constructivism, Instrumentalism in Rwanda [Электронный ресурс] // Academia. — 2012. — Режим доступа: http://www.academia.edu/1526597/Primordialism_Constructivism_Instrumentalism_and_Rwanda (accessed: 14.05.2021).

На французском языке:

229. Gully H. Macron compte s'attaquer au financement étranger des mosques [Электронный ресурс] // LesEchos. — 2018. — Режим доступа: https://www.lesechos.fr/2018/04/macron-compte-sattaquer-au-financement-etranger-des-mosquees-988717 (accessed 11.05.2021).

230. L'Ecosse fait rêver les indépendantistes du "Sud-Tyrol" italien [Электронный ресурс] // L’Express. — 2014. — Режим доступа: https://www.lexpress.fr/styles/l-ecosse-fait-rever-les-independantistes-du-sud-tyrol-italien_1570875.html (дата обращения: 01.04.2023).

231. Le Pays basque veut la création d'une confédération espagnole [Электронный ресурс] // Sputnik France. — 2014. — Режим доступа: http://fr.sputniknews.com/presse/20140423/201042484.html (accessed: 19.12.2017).

232. Projets de dimension eurorégionale - Eurorégion Aquitaine-Euskadi-Navarre [Электронный ресурс] // La Mot. Режим доступа: http://www.espaces-transfrontaliers.org/ressources/projets/projects/project/show/projets-de-dimension-euroregionale-euroregion-aquitaine-euskadi-navarre/ (accessed: 10.04.2018).

На испанском языке:

233. Ciudadanía eurorregional [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.naen.eu/es/strategie/citoyennete-euroregionale/ (accessed: 10.04.2018).

234. Elecciones catalanas 2017 [Электронный ресурс] // El Pais. — 2017. — Режим доступа: https://resultados.elpais.com/elecciones/2017/autonomicas/09/index.html (accessed: 10.11.2019).

235. El Tribunal Constitucional anula la declaración soberanista catalana [Электронный ресурс] // El Mundo. Режим доступа: https://www.elmundo.es/espana/2014/03/25/5331be9d268e3e87688b4574.html (accessed: 10.12.2017).

236. Historia de ETA desde dentro [Электронный ресурс] // ABC. — Режим доступа: http://www.abc.es/especiales/eta/historia/index.asp (accessed: 19.12.2017).

237. La Generalitat estima en 2,25 millones la participación y en un 81% el sí a la independencia [Электронный ресурс] // El Correo — Режим доступа: http://www.elcorreo.com/bizkaia/politica/201411/09/arranca-cataluna-jornada-participacion-20141109093245.html (accessed: 10.12.2017).

238. La ruptura de CiU da vía libre a Mas para volcarse en su plan soberanista [Электронный ресурс] // El PAIS. — Режим доступа: http://ccaa.elpais.com/ccaa/2015/06/18/catalunya/1434618723_909552.html (accessed: 10.12.2017).

На нидерландском языке:

239. EGTS [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gect-egts.eu/nl/egts (accessed: 10.04.2018).

Список иллюстративного материала

1. Таблица 1: Условия, обеспечивающие возможность урегулирования межэтнического конфликта (по С. Вульфу). С. 51–52.
2. Таблица 2. Общий обзор факторов урегулирования межэтнических конфликтов (по С. Вульфу). С. 58–60.

Приложения

Приложение 1.

Теории институционального урегулирования межэтнических конфликтов									
Теория	**Классический консоционализм**	**Классический интеграционизм (центрипетализм)**		**Подходы, пытающиеся «примирить» консоционализм и интеграционизм**					
				Современный консоционализм	**Современный интеграционизм (центрипетализм)**	**Делиберативная демократия**			**«Комплексный» подход**
Автор	**А. Лейпхарт**	**Д. Горовиц**	**Д. Бранкати**	**Дж. Макгэри и Б. О'Лири**	**Б. Рейлли и Э. Рейнольдс**	**И.М. Янг**	**М.Уолцер**	**Й. О'Флинн**	**С. Вульф**
Перспектива	Политическая/ Правовая	Политическая				Правовая	Правовая/Политическая		Политическая
Ценность	Стабильность => Включенность (inclusion)	Стабильность => Избегание крайностей (moderation)		Стабильность => включенность, избегание крайностей (inclusion)	Стабильность => Избегание крайностей (moderation)	Равенство, Толерантность, возможность высказаться Включенность	Равенство Мирное сосуществование => Толерантность => Включенность	Равенство и стабильность => «Избегание крайностей» (moderation) превращается в «Взаимодействие» (reciprocity); «Включенность» (inclusion) превращается в публичность (publicity)	Стабильность => Включенность (inclusion), Избегание крайностей (moderation)
Основные политические акторы	Элиты, этнические группы, партии					Индивидуумы, гражданское общество		Элиты, этнические группы, индивидуумы, гражданское общество	Элиты, этнические группы, партии

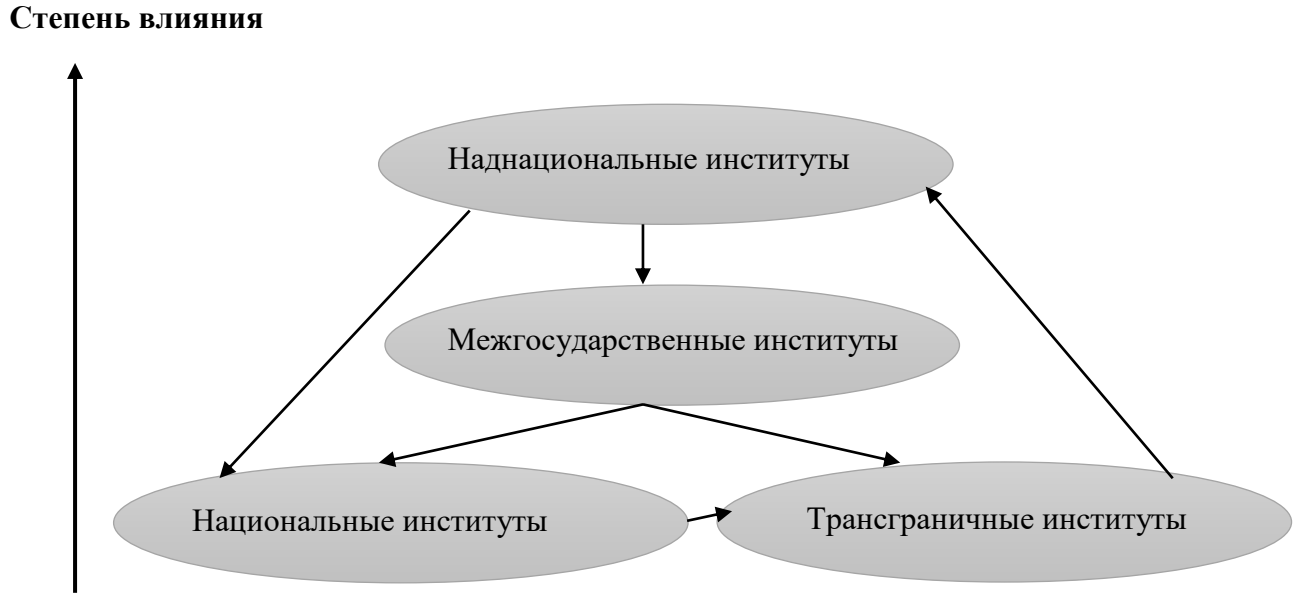
Теории институционального урегулирования межэтнических конфликтов (продолжение)									
Теория	**Классический консоционализм**	**Классический интеграционизм (центрипетализм)**		**Подходы, пытающиеся «примирить» консоционализм и интеграционизм**					
				Современный консоционализм	**Современный интеграционизм (центрипетализм)**	**Делиберативная демократия**			**«Комплексный» подход**
Автор	**А. Лейпхарт**	**Д. Горовиц**	**Д. Бранкати**	**Дж. Макгэри и Б. О'Лири**	**Б. Рейлли и Э. Рейнольдс**	**И.М. Янг**	**М.Уолцер**	**Й. О'Флинн**	**С. Вульф**
Решение	Целостная модель государства – консоциативная модель, с закрепленными взаимосвязанными особенностями желательной формы правления, государственно-территориального устройства, избирательной системы и пр. (федерализм, пропорциональная система с голосованием по спискам, парламентская форма правления)	Несколько механизмов разрешения конфликтов, для реализации которых можно менять форму правления и пр., ориентируясь на местные условия; однако, предпочтительны федерализм, система альтернативного голосования и президентская форма правления	Децентрализация (федерализм) как способ разрешения конфликтов, и набор институциональных условий, которые усиливают эффект децентрализации в зависимости от ситуации: не так важна избирательная система в целом, как введение кросс-региональных избирательных законов, не так значима форма правления, как одновременные выборы в органы законодательной и исполнительной власти	Принимается предложенный Лейпхартом механизм, но с рядом оговорок: учитывается влияние внешних акторов на ход конфликта, в коалицию вступают и «трансгрупповые» партии	Принимается предложенная Горовицем стратегия с учетом демографических характеристик и др. ситуативных особенностей	Изменение общественных отношений: формирование гетерогенной общественности, которая принимает групповые различия, предполагает специальную репрезентацию дискриминируемых групп, а также усиление роли отдельных индивидов	Могут действовать разные формы мирного сосуществования групп – международные общества, консоциации, иммигрантские сообщества, многонациональные империи (уже не существуют); просто соединить их позитивные черты невозможно – не будет гармонии – но некоторые смешанные системы успешно урегулируют конфликты	Система, включающая как консоциативные (пропорциональная электоральная система), так и интегративные черты (создаются условия для формирования коалиции из готовых к сотрудничеству партий)	Оптимальной для всех модели нет, главное – удовлетворяют ли институты интересам, идентичностям и нуждам конфликтующих партий. Решение для каждого конфликта индивидуально и зависит от действующих акторов

Приложение 2.

Тип конфликта		Государство	Этнополитические группы в состоянии конфликта	Внутренние акторы	Внешние акторы	Предпосылки
Территориальный	«Ирредентистский»	Великобритания	Ирландцы и англичане	Региональные националистические партии, унионистские партии, центр	Родственное государство, ЕС, члены ЕС	Историческая Религиозная Психологическая
		Италия	Итальянцы и тирольцы			Экономическая Политическая Этнокультурная
	«Сецессионистский / автономистский	Великобритания	Шотландцы и англичане		ЕС, члены ЕС	Экономическая Политическая
		Испания	Испанцы и каталонцы		ЕС, члены ЕС, государства с родственными регионами	Экономическая Политическая Этнокультурная
		Бельгия	Фламандцы и валлоны		ЕС, члены ЕС	Экономическая Лингвистическая
Нетерриториальный	С «новыми» мигрантами	Франция	Французы и алжирцы, марокканцы, турки и др. этнические группы, исповедующим ислам	Националистические/этнические партии, общины	Родственные государства, ЕС	Правовая Этнокультурная
		Италия	Итальянцы и албанцы, марокканцы, египтяне и др. этнические группы, исповедующим ислам			Этнокультурная Правовая
		Австрия	Австрийцы и турки, босняки, македонцы, албанцы и др. этнические группы, исповедующим ислам			Этнокультурная Правовая
	С «старыми» мигрантами	Венгрия	Венгры и цыгане	Националистические/этнические партии, правозащитные организации, этнические сообщества	ЕС	Политическая Этнокультурная Правовая
		Чехия	Чехи и цыгане			Этнокультурная Историческая Правовая

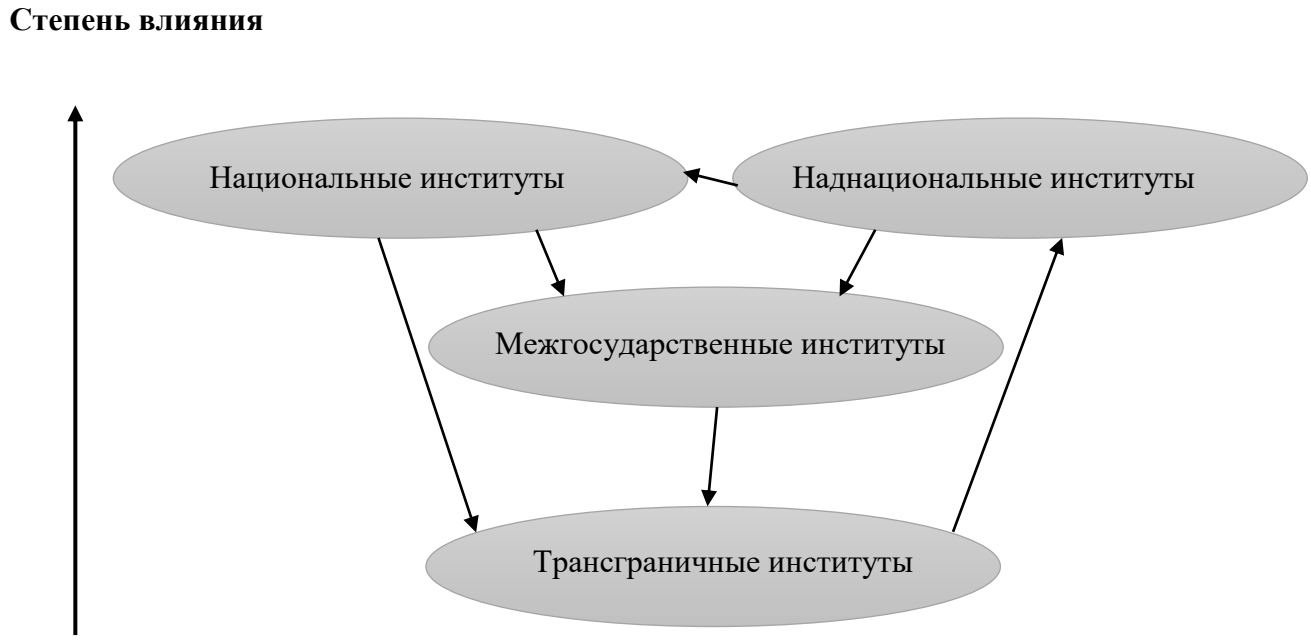
Приложение 3.

Схема 1. Система институтов урегулирования территориальных межэтнических конфликтов (ирредентизм) в странах Европейского союза



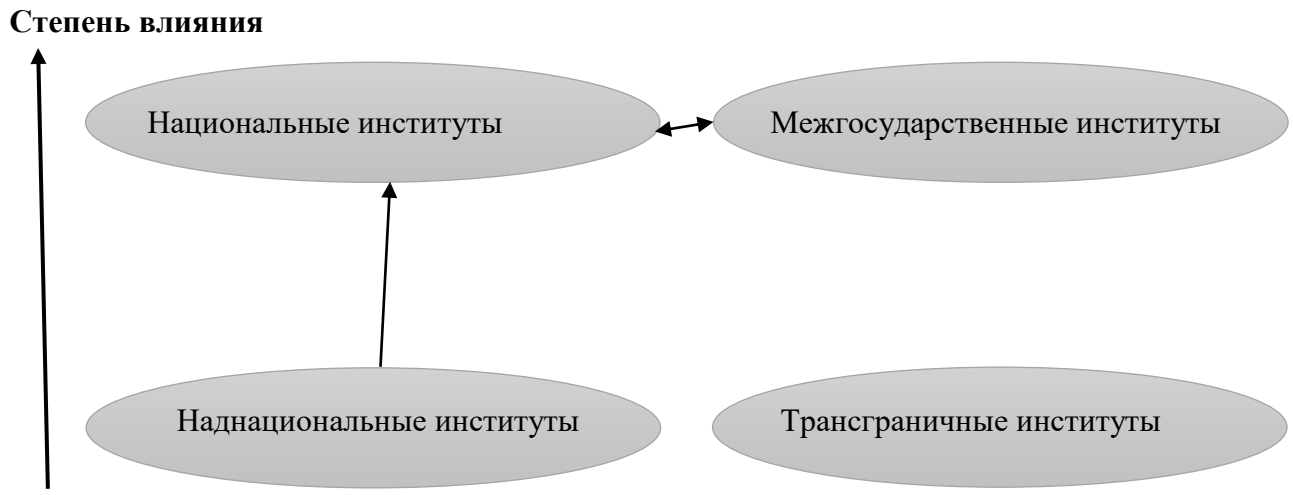
Приложение 4.

Схема 2. Система институтов урегулирования территориальных межэтнических конфликтов (сецессия/автономия) в странах Европейского союза



Приложение 5.

Схема 3. Система институтов урегулирования нетерриториальных межэтнических конфликтов («новые» иммигранты) в странах Европейского союза



Приложение 6.

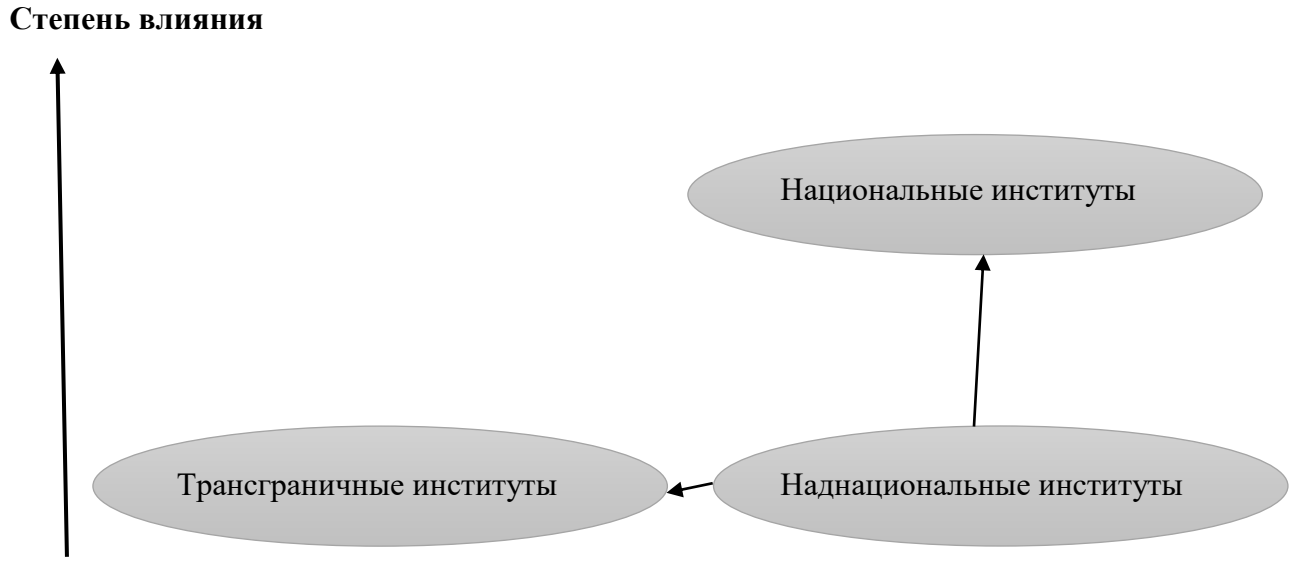



Схема 4. Система институтов урегулирования нетерриториальных межэтнических конфликтов («старые» иммигранты) в странах Европейского союза